

ЛУИ НИЛЬСОН

Центр
тяжести

Цветы для призрака

Луи Нильсон

**Центр тяжести:
Цветы для призрака**

«Автор»

2026

Нильсон Л.

Центр тяжести: Цветы для призрака / Л. Нильсон — «Автор»,
2026

Лера — мастер «контролируемой красоты», флорист, для которой каждый стебель — как гимнастический снаряд. Но её жизнь превращается в нуарную драму, когда она начинает исполнять посмертный контракт своего погибшего любовника. Список адресов, букеты черных калл и тени прошлого, которые отказываются исчезать. Вместе с Марком, человеком, презирающим символы и романтические жесты, Лере предстоит распутать последнюю игру «мертвого отправителя». Что это: долг чести или ловушка, расставленная из могилы? В городе дождя и теней им нужно найти правду прежде, чем их собственные жизни завянут, как срезанные цветы. История о цене совершенства и смелости наконец-то отпустить прошлое.

© Нильсон Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Мертвый отправитель	5
Глава 2. Человек с холодными глазами	12
Глава 3: Смещение центра тяжести	19
Глава 4: Ультиматум	26
Глава 5: Тень брата	33
Глава 6: Ночной визит	40
Глава 7: Сломленный тургор	46
Глава 8. Адресатка номер три	52
Глава 9: Эстетика хаоса	58
Глава 10: Защитный экран	64
Глава 11: Код счастья	70
Глава 12: Семейный ужин	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Центр тяжести: Цветы для призрака

Глава 1: Мертвый отправитель

Стебель черной каллы на ощупь напоминает плотную, слегка влажную змеиную кожу. Холодную, равнодушную, лишенную пор. Я держу секатор под углом сорок пять градусов, и срез получается идеальным - чистый, сочный эллипс, через который растение будет жадно всасывать подкормку, пытаясь отсрочить неизбежный некроз. Это иллюзия жизни, поддержание тургора в теле, которое уже отрезано от корней. В моей мастерской всегда пахнет этим пограничным состоянием: сырой землей, ледяной водой и едва уловимым сладковатым душком распада.

Я проверяю опору. Вес распределен равномерно между пятками и передней частью стопы, таз подкручен, лопатки стекают вниз к пояснице. Старая привычка. Гимнастика не уходит из тебя полностью, она просто трансформируется в умение стоять неподвижно часами, пока собираешь композицию, которая развалится через три дня. Мой позвоночник - это натянутая струна, и если кто-то заденет ее фальшивой нотой, я почувствую это всем телом.

Сегодня в заказе черные каллы и белые анемоны с угольной сердцевинкой. Сочетание рискованное, как неудачный соскок с бревна: один неверный акцент, и букет превратится в дешевую декорацию к похоронам в провинциальном театре. Каллы капризны. У них нет листьев, которые могли бы скрыть огрехи композиции, они голые, выставленные напоказ в своей мрачной геометрии. Анемоны же, наоборот, слишком хрупкие, их лепестки трепещут от малейшего движения воздуха, как веки человека в фазе быстрого сна.

Я смотрю на список, приколотый к пробковой доске. Это не просто заказ. Это контракт с призраком. Артем оставил этот список за месяц до того, как его машина превратилась в грудку искореженного металла на тридцать четвертом километре шоссе. Он оплатил все вперед: цветы, доставку, мою выдержку. В его мире все имело цену, даже посмертные жесты. Для него этот список был чем-то вроде страховки от забвения, способом продолжать пускать метастазы своего присутствия в жизни женщин, которых он когда-то сломал или недолюбил.

Первый адрес в списке. Улица Садовая, дом двенадцать, квартира сорок восемь. Получатель не указан. Просто адрес. Артем любил анонимность, она давала ему ощущение божественного контроля.

Лера, ты опять зажимаешь шею - раздается в голове голос моего тренера, хотя Инны Борисовны нет рядом уже лет десять. - Дыши через ребра. Не давай плечам взлетать к ушам.

Я делаю глубокий вдох, чувствуя, как расширяется грудная клетка. Воздух в мастерской плотный, застоявшийся, как вода в вазе с забытыми хризантемами. Мне нужно больше света, но за окном типичный ноябрьский Петербург: цвет грязного асфальта и низкое небо, которое, кажется, скоро начнет соскребать краску с крыш. Дефицит фотосинтеза сказывается на всем - на цветах, на клиентах, на моем настроении. Люди становятся вялыми, их лица приобретают сероватый оттенок, как у растений, страдающих от хлороза.

Я оборачиваю стебли крафтовой бумагой. Бумага должна шуршать правильно - сухо и дорого. Никаких ленточек, никаких страз. Только джутовая бечевка, затянутая узлом, который невозможно развязать, не повредив упаковку. Этот букет похож на застойную влагу в корнях: в нем слишком много траура и недостаточно света. Но Артем хотел именно этого. Он хотел, чтобы его помнили как тяжелую, трудноперевариваемую правду.

Дверь мастерской распаивается, впуская струю холодного воздуха и запах дешевого табака. Это Гриша, мой постоянный курьер. Он выглядит как человек, который состоит из острых углов и нереализованных амбиций. Его походка разбалансирована, он заваливается на левую сторону, словно несет в кармане невидимую гирию.

- Привет, Лер. Опять чернуха? - Гриша кивает на букет, потирая замерзшие руки.

- Это каллы, Гриш. Сорт "Шварцвальдер". Они не черные, они темно-бордовые, если смотреть на свет. Но света сегодня нет, так что считай их черными.

Я протягиваю ему конверт с адресом. Мои пальцы касаются его ладони, и я чувствую, как он напряжен. У Гриши дефицит магния и избыток кортизола, это видно по тому, как подергивается его веко.

- Садовая, двенадцать. Тут близко. Вернусь через сорок минут, заберу следующий, - говорит он, подхватывая букет.

- Осторожнее с анемонами. У них слабый тургор, если будешь махать рукой, они осыплются раньше, чем ты дойдешь до машины. Держи их вертикально, как олимпийский факел.

Гриша усмехается, но букет берет бережно. Он знает, что я не терплю небрежности. Для меня цветы - это не декор, это биоматериал, требующий дисциплины. Когда он уходит, в мастерской становится пугающе тихо. Я подхожу к зеркалу и проверяю осанку. Спина прямая до боли в лопатках. Это мой защитный панцирь. Пока я держу центр тяжести, мир не может меня опрокинуть. Близость с кем-либо - это всегда риск потери равновесия. Я видела, как это происходит: ты доверяешь партнеру свою поддержку, а он убирает руки в самый ответственный момент, и ты летишь вниз, на маты, под прицелом сотен глаз. Публичное обесценивание - самая болезненная травма. Мои колени до сих пор помнят тот холодный пол гимнастического зала, когда музыка смолкла, а я не смогла встать.

Я возвращаюсь к столу и начинаю убирать обрезки стеблей. Каждое движение выверено. Я не просто флорист, я патологоанатом красоты. Я знаю, как долго будет умирать каждый цветок в этой вазе. Розы - эгоистки, они отравляют воду своими токсинами, чтобы выжить в одиночку. Гвоздики - солдаты, они стоят до последнего, даже когда их лепестки превращаются в пергамент. Лилии - эксгибиционистки, они заполняют собой все пространство, не оставляя воздуха другим.

Марк появится завтра. Я чувствую его приближение, как изменение атмосферного давления перед штормом. Брат Артема, его полная противоположность и одновременно его зеркальное отражение. Если Артем был хаосом, то Марк - это стерильный порядок. Он говорит короткими, рублеными фразами, как будто отсекает лишнюю плоть от разговора. Его присутствие в мастерской меняет плотность воздуха. Он заполняет собой углы, вытесняя мой привычный покой. Марк хочет закрыть этот проект. Он считает, что посмертные букеты Артема - это извращение, ненужная трата денег и эмоциональный терроризм.

Он не понимает. Для меня это не терроризм. Это работа. Это исполнение воли человека, который, возможно, впервые в жизни был честен в своей жестокости.

Я достаю из-под прилавка коробку, где храню засушенные лепестки из букетов, которые мне никогда не дарили. Это мой тайный гербарий чужого счастья. Я перетираю между пальцами сухой лепесток пиона. Он крошится, превращаясь в розовую пыль. Я пытаюсь дешифровать код этого счастья, понять, из чего оно состоит, но в руках остается только мусор. Моя жизнь - это обслуживание чужих кульминаций. Я создаю декорации для предложений руки и сердца, для примирений, для похорон, оставаясь при этом за кулисами, в тени своих холодильных камер.

Телефон на столе вибрирует, заставляя меня вздрогнуть. Сообщение от поставщика: "Эвкалипт пришел с пятнами на листьях, будем делать возврат?". Я печатаю ответ: "Да, это грибок. Не хочу, чтобы он заразил остальные растения". Заражение - это всегда вопрос времени и близости. В мире растений это происходит быстро. В мире людей - еще быстрее. Стоит подпустить кого-то слишком близко, и его страхи, его гниль начинают прорастать в тебе.

Я начинаю готовить базу для следующего букета. Мох сфагнум, флористическая губка, проволока. Губка жадно впитывает воду, темнея на глазах. Это похоже на то, как человек впи-

тывает горе - сначала он становится тяжелее, потом начинает сочиться этой влагой, если на него слегка надавить.

Проходит десять минут. Пятнадцать. Гриша должен быть уже на месте. Я представляю, как он звонит в дверь квартиры сорок восемь. Кто ее откроет? Женщина с заспанными глазами? Мужчина в деловом костюме, который не поймет, от кого эти цветы? Или квартира пуста, и букет останется у двери, медленно умирая на холодном лестничном пролете?

Артем никогда не говорил мне, кто эти люди. "Просто отправляй по списку, Лера. Ты профессионал, тебе не нужны детали". Он знал, что моя профессиональная этика - это мой способ спрятаться от жизни. Я люблю правила, потому что они заменяют мне чувства. В гимнастике есть четкие критерии оценки: натянутый носок, высота прыжка, чистота приземления. В жизни критерии размыты, и это меня пугает.

Дверь мастерской снова распахивается. Я не оборачиваюсь, я знаю этот звук - резкий, нетерпеливый. Гриша. Но он вернулся слишком быстро.

Я выпрямляю спину, проверяя центр тяжести. Плечи вниз, подбородок чуть выше.

- Что-то случилось? Осыпались? - спрашиваю я, продолжая втыкать ветки эвкалипта в губку.

- Лер, там нет дома, - голос Гриши звучит странно, в нем проскальзывают нотки растерянности, которые он обычно скрывает за грубостью.

Я медленно поворачиваюсь. Гриша стоит в дверях, в руках у него тот самый букет из черных калл и анемонов. Крафт слегка примялся, но цветы в порядке.

- Что значит "нет дома"? Садовая, двенадцать. Это исторический центр, там дома стоят по двести лет.

- Были, - Гриша делает шаг внутрь, и я вижу, как у него дрожат руки. - Там пустырь, Лер. Все обнесено строительным забором. Дом снесли полгода назад. Там просто груда кирпичей и ржавая арматура.

Я чувствую, как внутри меня что-то сбивается. Как будто я сделала шаг на бревне, а оно оказалось покрыто льдом. Равновесие нарушено. Я физически ощущаю этот перекосяк.

- Полгода назад? - я подхожу к нему и забираю букет. Цветы холодные, почти ледяные. - Но Артем составил список три месяца назад. Он не мог не знать.

- Ну, может, он ошибся номером дома? - Гриша пожимает плечами, но в его глазах я вижу то же беспокойство, что и у меня. - Хотя Садовая, двенадцать - это же знаменитый адрес, там раньше какая-то галерея была.

Я смотрю на черные каллы. В их глубине затаилась тьма, которая теперь кажется мне осмысленной. Артем не ошибался. Он был патологически точен во всем, что касалось его планов. Если он отправил цветы на пустырь, значит, в этом был смысл. Или сообщение предназначалось не человеку, а самому месту.

- Оставь букет здесь, Гриш, - тихо говорю я. - Иди, я разберусь.

- А оплата? Доставка-то была.

- Я переведу тебе на карту. Иди.

Когда за ним закрывается дверь, я остаюсь один на один с этим букетом-призраком. Мои лопатки сводит судорогой. Я подхожу к компьютеру и вбиваю адрес в поисковик. Садовая, двенадцать. Результаты вываливаются один за другим: "Снос исторического здания", "Скандал с застройщиком", "Пожар в старом флигеле". Пожар произошел ровно семь месяцев назад. Двое погибших. Личности не установлены.

Я чувствую, как волосы на затылке начинают шевелиться. Мое тело реагирует быстрее, чем мозг успевает обработать информацию. Мышечная память подсказывает: опасность. Это не просто доставка, это вскрытие старой могилы.

В этот момент звонит колокольчик над дверью. Я вздрагиваю, и моя рука непроизвольно сжимает стебель каллы так сильно, что он надламывается. Сочный хруст разрывает тишину.

На пороге стоит Марк. Он одет в черное пальто, которое сидит на нем безупречно, подчеркивая широкие плечи и ту самую походку человека, который привык разгребать чужое дерьмо. Его лицо - маска функциональности. Ни одной лишней эмоции.

- Лера, - произносит он мое имя так, будто это инвентарный номер. - Я пришел обсудить прекращение выплат по списку Артема.

Я смотрю на него, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость. Он хочет порядка? Он хочет логики?

- Твой брат отправил меня на пустырь, Марк, - говорю я, указывая на букет со сломанным стеблем. - Буквально. Первый адрес из его списка - это груда обломков. Ты все еще хочешь поговорить о деньгах или, может быть, объяснишь мне, зачем мы шлем цветы покойникам?

Марк замирает. Я вижу, как он делает едва заметный вдох, подавляя порыв подойти ближе. Его центр тяжести смещается вперед, он готов к атаке. Но я стою твердо. Мои стопы вросли в пол мастерской, и сейчас я не та девочка, которая упала с бревна. Я - хозяйка этого кладбища цветов.

- Пустырь? - Марк хмурится, и в его голосе впервые проскальзывает трещина. - Садовая, двенадцать?

- Именно. Дом снесен после пожара. Артем знал об этом. Он не мог не знать.

Марк подходит к столу, его взгляд падает на черные каллы. Он оценивает их так же, как я - как функцию, как объект. Но я замечаю, как его пальцы в перчатках слегка подергиваются. Он боится. Этот человек, который всю жизнь вычищал руины за своим братом, столкнулся с чем-то, что нельзя просто упорядочить или оплатить.

- Артем всегда любил драму, - наконец говорит он, но его голос звучит сухо, безжизненно. - Видимо, это его последний перформанс.

- Это не драма, Марк. Это диагноз. В растениях это называется апикальное доминирование - когда центральный побег подавляет рост всех остальных, пока сам не погибнет. Артем продолжает подавлять нас даже из могилы.

Я беру сломанную каллу и кладу ее на прилавок перед ним. Сок растения пачкает белую поверхность, оставляя след, похожий на кровь инопланетянина.

- Знаешь, что самое интересное? - я смотрю прямо в его холодные глаза. - В этом списке еще двенадцать адресов. И если первый из них - это пепелище, то что нас ждет на остальных?

Марк молчит. Я слышу его дыхание - ровное, контролируемое, но я знаю, что за этой тишиной скрывается хаос. Его брат оставил ему наследство из загадок, а мне - роль исполнителя. Мы оба повязаны этим контрактом, который пахнет увяданием и ложью.

- Я хочу посмотреть список, - говорит он. Это не просьба, это приказ.

- Нет, - я выпрямляю спину еще сильнее. - Это мой контракт. Артем доверял мне, а не тебе. Ты хотел его закрыть? Попробуй. Но пока я получаю деньги, я буду собирать эти букеты. Даже если их некому будет забирать.

Марк делает шаг ко мне, нарушая мои границы. Воздух между нами становится наэлектризованным, как перед грозой, когда озон забивает ноздри. Он выше меня, он сильнее, но я чувствую его неустойчивость. Он опирается на пальцы, его пятки едва касаются пола. Он готов сорваться.

- Ты играешь в опасную игру, Лера, - его голос понижается до шепота. - Мой брат не был романтиком. Он был разрушителем. Все, к чему он прикасался, со временем превращалось в то, что ты увидела на Садовой. Ты хочешь стать следующей в его списке?

Я чувствую, как мои лопатки начинают дрожать от напряжения, но я не позволяю этой дрожи прорваться наружу.

- Я уже в списке, Марк. Мы все в нем. Вопрос только в том, какой сорт цветов он выбрал для нас.

Он долго смотрит на меня, пытаюсь найти в моем лице признаки слабости. Но я научилась скрывать ее за безупречной осанкой и ботаническими терминами. Для него я - просто часть интерьера, флорист с хорошей фигурой и странными привычками. Но для меня он - человек, который пытается приватизировать правду, лишить меня права на мое собственное исследование этого распада.

- Завтра в десять я буду здесь, - говорит он, разворачиваясь к выходу. - Мы поедем по второму адресу вместе. И это не обсуждается.

- Мой рабочий день начинается в восемь, - бросаю я ему в спину. - И я не люблю, когда мне мешают работать с живым материалом.

Он не оборачивается. Дверь захлопывается, и колокольчик еще долго звенит, раздражая мои нервные окончания.

Я остаюсь одна. Букет на столе выглядит как раненое животное. Черные каллы, белые анемоны. Свет и тьма, смешанные в неправильной пропорции. Я беру секатор и начинаю медленно, методично разрезать бечевку. Композиция распадается. Цветы падают на стол в беспорядке.

Мои руки пахнут хлорофиллом и холодом. Я подхожу к окну и смотрю на улицу. Там, в сумерках, город кажется огромным гербарием, где каждый человек припилен к своей судьбе невидимой булавкой. Артем был тем, кто любил эти булавки втыкать.

Я вспоминаю, как он пришел ко мне в первый раз. Он не смотрел на цветы, он смотрел на то, как я двигаюсь. "У тебя походка человека, который боится упасть, но делает вид, что летит", - сказал он тогда. Это было единственное, что он угадал правильно. Моя жизнь - это бесконечный полет над пропастью, где единственный способ не разбиться - это не смотреть вниз.

Но теперь пустырь на Садовой заставляет меня посмотреть.

Я возвращаюсь к столу и достаю список. Второй адрес: Набережная Фонтанки, сорок два. Это жилой дом. Старый фонд. Толстые стены, высокие потолки, запах пыли и старых книг. Кто живет там? Кому предназначается следующий букет?

Я чувствую, как мой внутренний тренер требует дисциплины. "Лера, соберись. Ноги вместе, руки в стороны, фиксация три секунды". Но мои ноги кажутся ватными, а фиксация не помогает удержать мысли, которые разлетаются, как лепестки анемона на ветру.

Я начинаю пересобирать букет. Десять раз, двадцать. Я довожу его до математического совершенства. Каждая калла под нужным углом, каждый анемон создает необходимый объем. Это мой способ упорядочить хаос внутри. Если я смогу сделать этот букет безупречным, возможно, и мир вокруг перестанет рушиться.

Но в глубине души я знаю: это ложь. Растения не врут - они либо цветут, либо вянут. Люди же способны имитировать цветение, будучи мертвыми внутри. Артем был мастером такой имитации. И Марк, со своей рубленой речью и стальными нервами, - его достойный преемник.

Я смотрю на свои руки. Они испачканы соком и землей. Под ногтями - темная каемка, которую невозможно вымыть до конца. Это клеймо моей профессии. Я - та, кто упаковывает смерть в красивую обертку.

Где-то вдалеке воет сирена. Звук приближается, становится невыносимо громким, а потом затихает, уходя в сторону Садовой. Там, среди кирпичей и арматуры, сейчас, должно быть, очень темно.

Я выключаю свет в мастерской. Остается только слабая подсветка холодильной камеры, где в вазах стоят сотни цветов, ожидая своей очереди стать чьим-то жестом. Они выглядят как призраки в этом холодном, голубоватом свете.

Я выхожу на улицу, закрываю дверь на два оборота ключа. Моя спина прямая, шаг твердый. Я иду по вечернему Петербургу, чувствуя, как холодный воздух проникает под пальто, заставляя мышцы сжиматься.

Завтра придет Марк. Завтра мы поедем вскрывать следующий конверт. И я боюсь не того, что мы там найдем. Я боюсь того, что я увижу в его глазах, когда он поймет: я храню эти засушенные лепестки не потому, что я сентиментальна. А потому, что это единственное, что у меня осталось от реальности, в которой нет боли от падения.

Мой центр тяжести смещен. Я чувствую это каждой клеткой тела. Я иду по тротуару, как по бревну, и каждый встречный прохожий кажется мне судьей, готовым выставить оценку за мой сегодняшний провал.

Но я не упаду. По крайней мере, не сегодня.

Я захожу в метро, и запах креозота и пота бьет в лицо. Люди здесь похожи на подлесок в густом лесу: им не хватает света, они тянутся вверх, толкая друг друга локтями, не замечая, как их корни переплетаются в уродливый узел. Я стою у дверей вагона, глядя на свое отражение в темном стекле. Бледная кожа, плотно сжатые губы, глаза, в которых застыло ожидание катастрофы.

Артем, ты был прав. Моя жизнь - это обслуживание чужих кульминаций. Но ты забыл одну деталь: иногда декорации оживают и начинают играть свои роли. И тогда автору сценария лучше оставаться в своей могиле.

Я доезжаю до дома, поднимаюсь на свой пятый этаж без лифта. Каждая ступенька - это выпад, укрепляющий квадрицепсы. Я не чувствую усталости, я чувствую только странную, звенящую пустоту.

В моей квартире нет цветов. Ни одного. Я не хочу приносить работу домой. Здесь только минимализм, голые стены и запах чистого белья. Это моя стерильная зона, мой карантин.

Я ложусь в кровать, не включая свет. Мои лопатки наконец расслабляются, касаясь матраса. Но сон не приходит. Перед глазами стоят черные каллы, их восковые лепестки, их равнодушная красота. И голос Марка, короткий и функциональный, как удар секатора.

- Мы поедем по второму адресу вместе.

Я закрываю глаза. В темноте я снова на бревне. Тишина в зале такая плотная, что ее можно резать ножом. Я делаю вдох, готовясь к прыжку. Но я знаю, что приземления не будет. Будет только бесконечное падение в пустоту, которую Артем заботливо подготовил для всех нас.

Интересно, какие цветы он выбрал для меня?

Я представляю себе букет из засушенных лепестков пиона - розовую пыль, которая рассыпается в прах при малейшем прикосновении. Это было бы справедливо. Это было бы математически безупречно.

Я засыпаю, и мне снится пустырь на Садовой. Но вместо кирпичей там растут черные каллы, огромные, выше человеческого роста. Они колышутся на ветру, издавая звук, похожий на шепот Артема. И среди них стоит Марк, он пытается их срезать, но стебли превращаются в арматуру, и его секатор ломается с оглушительным звоном.

Я просыпаюсь от этого звона. Это телефон. Новое сообщение. Номер не определен.

"Цветы доставлены. Адресат доволен".

Я смотрю на экран, и мой тургор окончательно исчезает. Я чувствую, как становлюсь вялой, лишенной опоры. Кто мог получить букет на пустыре? Кто мог быть доволен этим траурным жестом?

Я не знаю. Но я знаю одно: завтра в десять утра я буду стоять у своей мастерской с прямой спиной. Потому что это единственный способ не сойти с ума в мире, где мертвецы продолжают рассылать цветы.

Марк будет ждать. И мы отправимся дальше по этому списку, который больше похож на карту минного поля.

Я встаю, подхожу к окну. Ночной город дышит тяжело, с присвистом. Я прижимаюсь лбом к холодному стеклу. Мои мысли прерывисты, как диалог с человеком, который не хочет тебя слушать.

Черные каллы. Белые анемоны. Застойная влага. Дефицит света.

Я готова.

Центр тяжести найден. Ноги на ширине плеч. Вдох. Выдох.

Игра началась, Артем. И я надеюсь, что ты смотришь на нас из своего партера. Потому что это будет твое самое лучшее шоу. И самое последнее.

Глава 2. Человек с холодными глазами

Стеклянная дверь моей мастерской всегда сопротивляется открытию. Она тяжелая, с легким перекосом в петлях, и требует определенного вектора усилия - ровно тридцать градусов вправо и резкий рывок на себя. Сегодня я стою за прилавком ровно в девять пятьдесят пять. Мои стопы параллельны, вес распределен между пятками и подушечками пальцев. Баланс - это единственное, что у меня осталось от прошлой жизни, когда мир ограничивался шириной десятисантиметрового бревна и запахом магнезии. Я выпрямляю спину так, что лопатки начинают ныть, требуя расслабления, но я им отказываю. Это моя униформа. Моя броня.

Мастерская пахнет застойной влагой, срезанными стеблями хризантем и чем-то неуловимо кислым - так пахнет дефицит света. В это время года солнце в город завозят по талонам, и мои растения страдают от скрытого хлороза. Я смотрю на партию ранункулюсов, которую привезли на рассвете. Они выглядят уставшими. Сломанный тургор, лепестки по краям напоминают папиросную бумагу, которую слишком долго держали в потных ладонях. Я начинаю подрезать их, методично, под углом сорок пять градусов, погружая в ледяную воду. Каждый срез - это маленькая ампутация ради иллюзии долгой жизни.

Марк появляется в десять ноль три. Он не заходит, он внедряется в пространство. Его походка - это учебник по механике. Короткий шаг, жесткая постановка пятки, полное отсутствие колебаний в бедрах. Он идет так, будто пол под ним может в любую секунду превратиться в зыбучий песок или, что более вероятно для него, в тонкий лед. Он не доверяет опоре. Бывшая гимнастка во мне видит это сразу: его центр тяжести смещен чуть вперед, он готов к атаке или к тому, чтобы поймать падающее тело. Вечный ликвидатор.

Он останавливается у витрины, не глядя на цветы. Для него это просто биомасса, занимающая полезную площадь. Его глаза цвета немывтого оконного стекла в пасмурный день. Холодные, функциональные, лишённые всякого намека на фотосинтез. В таких глазах ничего не растет, там только вечная мерзлота и строгий учет ресурсов.

- Лера, - произносит он. Это не приветствие. Это констатация факта моего присутствия.

- Марк, - отвечаю я, не отрываясь от ранункулюсов. Мои пальцы в зеленых пятнах от сока, и я чувствую, как это его раздражает. Стерильность - его религия. - Вы опоздали на три минуты. Для человека, который ценит порядок, это почти катастрофа.

- Были дела в банке, - отрезает он. Его голос звучит как звук разрываемой плотной бумаги. - Артем оставил после себя не только счета за цветы, но и дыру в бюджете размером с Марианскую впадину. Мне нужен реестр.

Я аккуратно ставлю вазу на полку. Мышечная память подсказывает, что я слишком сильно сжала челюсти. Нужно расслабить лицо, иначе я превращусь в одну из тех сухих роз, которые стоят в углу для композиций в стиле "прованс" - мертвые, но делающие вид, что так и задумано.

- Реестр заказов - это конфиденциальная информация, - говорю я, вытирая руки о фартук из грубого льна. - Ваши семейные разборки не отменяют тайну договора. Артем был моим клиентом. Его желания после смерти имеют для меня такой же вес, как и при жизни. Даже больший, потому что теперь он не может их скорректировать.

Марк делает шаг ближе. От него пахнет дорогим парфюмом с нотами кедра и чем-то металлическим, как от свежезаточенных инструментов. Он смотрит на меня сверху вниз, но я не отвожу взгляд. Я привыкла к судьям, которые оценивают каждый мой вздох.

- Послушайте, - его фразы короткие, рубленые, как удары топором по замерзшему дереву. - Мой брат был идиотом. Обаятельным, но абсолютно безответственным. Он тратил деньги, которых у него не было, на жесты, которые никому не нужны. Эти ваши доставки - это не

романтика. Это мусор, который я должен вычистить. Покажите мне список имен. Кто эти женщины? Кому он отправляет эти веники из могилы?

Я чувствую, как внутри меня что-то натягивается, как струна перед прыжком. Его слова о "мусоре" задевают меня физически. Я вижу в нем человека с фатальным дефицитом света. Он не понимает, что цветы - это не просто ботаника, это код. Артем пытался что-то сказать, пусть даже коряво, пусть даже за счет брата.

- Эти "веники", как вы выразились, - это оплаченные заказы, - мой голос звучит ровно, я контролирую диафрагму. - У меня есть обязательства. Имена адресатов я вам не назову. Это вопрос профессиональной этики. Представьте, что я - адвокат, только вместо законов у меня лепестки и стебли.

- Вы флорист, Лера, - Марк усмехается, и эта усмешка не затрагивает его глаз. - Не возводите это в ранг священнослужения. Вы продаете товар, который сгниет через три дня. Мой брат мертв. Договор с мертвецом не имеет юридической силы.

- Для вас, возможно, - я поправляю спину, чувствуя, как позвонки встают на места. - Но в моем мире все иначе. Растение продолжает жить, даже когда корень обрублен, пока в клетках есть запас воды. Память о человеке - это тот же запас воды. Я не позволю вам перекрыть кран.

Марк смотрит на меня так, будто я внезапно заговорила на мертвом языке. В его мире нет места метафорам. Есть только дебет и кредит, действие и последствие. Он напоминает мне старый дуб, который пережил слишком много засушливых лет. Его древесина стала каменной, он больше не гнется под ветром, он может только сломаться. И при этом он раздавит всех, кто окажется под ним.

- Вы очень упрямы, - говорит он, и в его голосе проскальзывает что-то похожее на скуку. - Это плохая стратегия для бизнеса. Я могу закрыть вашу лавочку за один день. Аренда, проверки, соответствие санитарным нормам... Вы же понимаете, что я найду способ.

- Угрозы? - я приподнимаю бровь. - Как оригинально. Знаете, Марк, вы сейчас похожи на человека, который пытается сделать растяжку без разогрева. Вы порвете мышцы прежде, чем добьетесь результата. Моя мастерская - это моя территория. Здесь правила диктую я. И правило номер один: клиент всегда прав, даже если он на два метра под землей.

Он делает паузу. Я вижу, как он делает вдох, подавляя какой-то порыв. Возможно, он хочет наорать на меня, но дисциплина не позволяет. Он привык быть ликвидатором, тем, кто спокойно и методично убирает за другими дерьмо. Мое сопротивление для него - просто досадная помеха в рабочем графике.

- Хорошо, - он лезет во внутренний карман своего идеально сидящего пальто. - Пойдем другим путем.

Он достает визитку и кладет ее на прилавок. Черный картон, золотое тиснение. Адвокатская контора "Крылов и партнеры".

- Мой юрист свяжется с вами завтра. Мы оформим официальный запрос. Но учтите, Лера, когда дело дойдет до суда, ваша "профессиональная этика" будет выглядеть как попытка скрыть финансовые махинации моего брата. Вы уверены, что хотите в этом участвовать?

Я смотрю на визитку. Она лежит на деревянной поверхности как чужеродный объект, как паразит на здоровом листе. Мой внутренний критик начинает шептать: "Сдайся. Тебе не нужны проблемы. Ты уже однажды потеряла все, когда доверилась не тому человеку. Помнишь, как они смеялись? Помнишь, как ты стояла на ковре, и все видели твой провал?"

Я встряхиваю головой, отгоняя эти мысли. Моя мышечная память хранит не только боль падений, но и триумф чистого приземления.

- Я уверена в одном, Марк. Вы боитесь.

Он замирает. Его глаза сужаются, становясь похожими на две тонкие щели, сквозь которые просачивается холод.

- Боюсь? Чего же?

- Того, что ваш брат был живым. Что он любил, страдал и совершал безумства, пока вы считали цифры. Эти букеты - это его способ доказать, что он был чем-то большим, чем просто вашей головной болью. И вы хотите уничтожить этот список, потому что он напоминает вам о вашей собственной сухости. У вас застойная влага в душе, Марк. Вы гниёте изнутри от собственной правильности.

Он молчит долго. Тишина в мастерской становится плотной, почти осязаемой. Я слышу, как капает вода в раковине в подсобке. Кап. Кап. Кап. Как отсчет времени до взрыва.

- Вы ничего обо мне не знаете, - наконец произносит он. Его голос стал еще тише, и в нем появилась опасная вибрация. - Мой брат разрушал все, к чему прикасался. Он оставлял за собой выжженную землю. И те женщины, которым он шлет цветы... вы думаете, они счастливы? Вы думаете, это приносит им радость? Это соль на раны. Он продолжает мучить их даже из могилы, а вы ему помогаете. Вы соучастница в его эгоизме.

Он резко разворачивается и идет к выходу. Его походка по-прежнему безупречна, но я замечаю, как напряжены его трапециевидные мышцы. Он идет так, будто ожидает удара в спину. У двери он останавливается, не оборачиваясь.

- Дверь закройте, - бросает он. - Сквозняк вреден для ваших нежных созданий.

Дверь хлопает, но замок не срабатывает. Она остается приоткрытой, впуская внутрь сырой городской воздух и шум машин. Я стою неподвижно еще минуту, пытаюсь вернуть себе равновесие. Мои ноги кажутся тяжелыми, налитыми свинцом. Это всегда происходит после сильного стресса - тело требует заземления.

Я подхожу к двери, чтобы закрыть ее, и замечаю на прилавке, рядом с визиткой адвоката, белый конверт. Он не лежал там раньше. Марк, должно быть, выложил его вместе с визиткой или просто оставил, когда уходил.

Конверт вскрыт. На нем нет марки, только мое имя, написанное размашистым, небрежным почерком Артема. Я узнаю этот почерк из тысячи. Он всегда писал так, будто торопился на последний рейс, буквы заваливались вправо, хвостики "у" и "д" превращались в длинные петли.

Мои пальцы дрожат, когда я беру письмо. Это нарушение всех моих правил. Я никогда не читаю чужую почту. Но это письмо адресовано мне.

Я вынимаю лист бумаги. Он пахнет табаком и чем-то сладким, как дешевый одеколон, который Артем использовал в моменты особого вдохновения.

"Лера, если ты это читаешь, значит, Марк уже пришел за реестром. Не отдавай его. Он не поймет. Он думает, что мир - это таблица Excel, но мы-то с тобой знаем, что мир - это оранжерея, где иногда нужно просто дать растениям переболеть. В списке есть одна позиция, которую я не оплатил заранее. Я оставил это на десерт. Посмотри последнюю страницу реестра, там, где дата моего рождения. Это для тебя. И прости меня за Марка. Он просто не умеет цвести, он умеет только хранить".

Я чувствую, как у меня перехватывает дыхание, но тут же одергиваю себя. Никаких пошлых метафор. Просто спазм диафрагмы. Обычная физиологическая реакция на неожиданный стимул.

Я быстро иду к своему столу, где лежит тяжелая книга в кожаном переплете - мой реестр. Я листаю страницы, пальцы скользят по гладкой бумаге. Вот они, заказы Артема. "Черные каллы для Инны", "Анемоны для Светланы", "Хризантемы для матери". И наконец, последняя запись, сделанная его рукой прямо перед тем, как он исчез.

Дата: 14 мая. Мой день рождения.

В графе "Заказ" пусто. В графе "Адресат" стоит мое имя. А в графе "Примечание" написано только одно слово: "Проснись".

Я смотрю на это слово, и мне кажется, что мастерская начинает вращаться. Центр тяжести потерян. Я хватаюсь за край стола, впиваясь ногтями в дерево.

Проснись.

Что это значит? От чего я должна проснуться? От своей стерильной жизни? От своего гиперконтроля? От привычки прятаться за ботаническими терминами?

Я вспоминаю Марка. Его холодные глаза, его жесткую походку. Он был прав в одном: Артем умел оставлять после себя хаос. И теперь этот хаос пробрался в мою мастерскую, нарушив математическую безупречность моего мира.

Я смотрю на открытую дверь. На улице темнеет, хотя еще нет и полудня. Город заглатывает свет, превращая его в серую кашу. Я чувствую, как по спине пробегает холодок. Сквозняк.

Я должна была закрыть дверь. Но вместо этого я стою и смотрю на письмо, которое меняет все.

Артем знал, что Марк придет. Он знал, что я буду сопротивляться. Он спланировал это столкновение, как опытный режиссер планирует кульминацию в третьем акте. Мы для него - просто актеры в его последнем шоу.

Я закрываю реестр. Громкий хлопок пугает меня саму. Нужно взять себя в руки. Ноги на ширине плеч. Вдох. Выдох.

Я подхожу к витрине и смотрю на ранункулюсы. Они все еще выглядят вялыми. Я беру пульверизатор и начинаю опрыскивать их мелкой водяной пылью. Капли оседают на лепестках, как слезы, но я знаю, что это просто физика. Испарение, поглощение, теплообмен. Никаких чувств. Только биология.

Но слово "Проснись" жжет мне глаза.

Марк не просто пришел за списком. Он пришел за мной, сам того не зная. Мы оба - часть одного сценария. И я боюсь, что финал этого сценария мне не понравится.

Я возвращаюсь к прилавку и беру визитку адвоката. Она холодная и гладкая. Я верчу ее в пальцах, оценивая вес. Марк - это человек, который не гнется. Но даже самый крепкий ствол может треснуть, если ударить в правильное место. Вопрос в том, где у него это место. И хочу ли я быть тем, кто нанесет удар.

Мой внутренний критик молчит. Он тоже в растерянности. Дисциплина чувств нарушена. Осанка безупречна, но внутри - сломанный тургор.

Я достаю телефон и набираю номер, указанный на визитке. Не адвоката. Другой номер, который я выучила наизусть, но никогда не решалась нажать кнопку вызова.

- Алло, - голос на том конце звучит так же сухо и функционально. Марк.

- Вы оставили письмо, - говорю я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал. - И дверь. Вы не закрыли дверь.

- Я знаю, - отвечает он после небольшой паузы. - Это было намеренно.

- Что именно? Письмо или дверь?

- И то, и другое. Приезжайте сегодня вечером по адресу, который я пришлю. Нам нужно поговорить не как флористу и клиенту. А как людям, которых мой брат обвел вокруг пальца.

Он отключается. Я слушаю короткие гудки, и мне кажется, что это стук метронома, задающего темп моему новому упражнению. Упражнению, которое я не репетировала.

Я смотрю на свои руки. Зеленые пятна от сока ранункулюсов никуда не делись. Они въелись в кожу, как клеймо. Я - Лера, мастер чужих кульминаций. Но сегодня, кажется, начинается моя собственная.

Я подхожу к двери и наконец-то закрываю ее. Замок щелкает с приятным металлическим звуком. Порядок восстановлен. По крайней мере, внешне.

Я начинаю собирать букет для вечерней доставки. Это будет что-то странное. Что-то, что не подчиняется правилам композиции. Протея - мощная, агрессивная, похожая на доисторическое существо. Суккуленты - холодные и самодостаточные. И немного эвкалипта для запаха лекарства.

Этот букет - для меня. Чтобы помнить: даже в самом стерильном пространстве может завестись жизнь, которую нельзя контролировать.

Я работаю быстро, мои движения точны и экономны. Гимнастка во мне одобряет этот ритм. Но мысли постоянно возвращаются к Марку. Как он распределяет вес, когда злится? Куда он смотрит, когда лжет? И почему его присутствие меняет плотность воздуха в моей мастерской так, что мне становится трудно дышать?

Дефицит света. Застойная влага. Сломанный тургор.

Это не про цветы. Это про нас.

Я ставлю готовый букет в вазу и смотрю на свое отражение в темном стекле витрины. Моя спина прямая, подбородок приподнят. Я готова к выходу на помост. Но в этот раз судей не будет. Будет только холодный человек с глазами цвета пасмурного неба и тайна, которую мой покойный клиент доверил мне, зная, что я не смогу от нее отказаться.

Проснись, Лера.

Я беру пальто и выхожу в город. Ветер бьет мне в лицо, но я не жмурюсь. Я смотрю прямо перед собой, оценивая расстояние до следующего шага. Баланс найден. Ноги на ширине плеч.

Игра продолжается. И я начинаю понимать, что Артем был не просто идиотом. Он был гением, который знал, что лучший способ заставить двух людей встретиться - это заставить их вместе искать выход из лабиринта, который он построил из цветов и долгов.

Я иду к машине, и каждый мой шаг звучит как вызов. Я больше не обслуживаю чужие кульминации. Я создаю свою. И Марк, хочет он того или нет, станет ее частью.

Город дышит тяжело, с присвистом. Но я больше не прижимаюсь лбом к холодному стеклу. Я разбиваю его.

Я сажусь за руль, бросаю букет на соседнее сиденье. Протея смотрит на меня своими колючими лепестками. Она не боится холода. Она живет там, где другие умирают.

- Ну что, Марк, - шепчу я, заводя мотор. - Посмотрим, чья стратегия окажется вернее. Растяжка без разогрева или прыжок в неизвестность с закрытыми глазами.

Машина трогается с места. Я еду по вечерним улицам, и мне кажется, что я впервые за долгое время действительно чувствую опору под ногами. И эта опора - не пол моей мастерской. Это само движение.

Я вспоминаю, как в детстве я боялась упасть с бревна. Тренер говорил мне: "Не смотри на ноги. Смотри в конец бревна. Там твоя цель".

Моя цель сейчас - человек с холодными глазами. И я не отведу взгляд.

Вечерний город расцветает неоновыми огнями, похожими на ядовитые тропические цветы. Я проезжаю мимо витрин, мимо людей, которые спешат домой, прижимая к себе пакеты с едой и зонты. Они кажутся мне тенями, лишены объема. У них нет центра тяжести. Они просто дрейфуют по течению.

А я - я иду против. С прямой спиной и письмом в кармане, которое пахнет табаком и переменами.

Когда я подъезжаю к адресу, который прислал Марк, я вижу его. Он стоит у входа в старое здание из красного кирпича. Его фигура кажется вырезанной из темного картона на фоне освещенного подъезда. Он не смотрит в телефон, он не курит. Он просто ждет. Неподвижно, как хищник в засаде.

Я паркуюсь, проверяю осанку в зеркало заднего вида. Губы сжаты, в глазах - хирургическая ирония. Все как обычно.

Я выхожу из машины, прижимая к себе букет из протеи и суккулентов. Это мой щит и мой меч.

Марк поворачивает голову, когда я подхожу. Его взгляд скользит по букету, затем по моему лицу. Он ничего не говорит, но я чувствую, как меняется напряжение в его теле. Он оценивает мою походку. Он ищет фальшивый шаг.

- Вы принесли цветы, - наконец говорит он. В его голосе нет издевки, только сухое наблюдение.

- Это не для вас, Марк, - отвечаю я, останавливаясь в двух шагах от него. Дистанция соблюдена. Баланс идеален. - Это для меня. Чтобы не забыть, что в этом мире есть вещи, которые не вписываются в ваши таблицы.

Он делает жест рукой, приглашая меня войти.

- Заходите, Лера. Нам предстоит долгая ночь. И я надеюсь, что ваша "профессиональная этика" выдержит то, что я собираюсь вам показать.

Я переступаю порог, чувствуя, как за моей спиной закрывается дверь. В этот раз Марк закрывает ее сам. И я слышу, как щелкает замок, отрезая нас от остального мира.

Центр тяжести смещается. Вдох. Выдох.

Шоу начинается. И я готова к своему самому лучшему прыжку. Даже если приземление будет на голые камни.

Мы поднимаемся по лестнице. Ступени старые, скрипучие, но Марк идет по ним так, будто они сделаны из армированного бетона. Он не обращает внимания на звуки, он сфокусирован на цели. Я иду следом, считая шаги. Раз, два, три... На десятой ступени я замечаю, что его левое плечо чуть выше правого. У него зажим в шейном отделе. Хронический стресс. Слишком долго держал на себе небо, которое рушилось из-за брата.

- Где мы? - спрашиваю я, когда мы останавливаемся перед массивной дубовой дверью на четвертом этаже.

- В архиве Артема, - Марк достает ключ. - Он называл это своей "творческой лабораторией". Я называю это свалкой несбывшихся надежд. Здесь все, что он не успел или не захотел довести до конца. Включая ваши счета.

Он открывает дверь, и в нос бьет запах старой бумаги, пыли и чего-то еще... сухих цветов. Я замираю на пороге. Помещение завалено коробками, папками, какими-то странными чертежами. Но на стенах - везде - висят засушенные букеты. Сотни, тысячи лепестков, припиленных булавками, как коллекция бабочек.

- Боже мой, - шепчу я. - Он дешифровал код.

Марк оборачивается, его лицо в полумраке кажется высеченным из камня.

- Какой еще код, Лера? Это просто мусор. Гниль, которую он собирал годами.

Я подхожу к ближайшей стене. Это не мусор. Это карта чужого счастья и боли. Артем не просто отправлял цветы. Он изучал их реакцию. Он следил за тем, как они увядают в руках разных женщин.

- Вы не понимаете, Марк, - я оборачиваюсь к нему, и мой внутренний критик наконец-то загыкается. - Он не был безответственным. Он был одержим. Он искал формулу любви через ботанику. И ваш список - это не просто имена. Это этапы его эксперимента.

Марк делает шаг ко мне, и я вижу, как в его глазах наконец-то появляется что-то, кроме холода. Это страх. Тот самый страх, о котором я говорила в мастерской. Страх перед тем, что его брат был прав, а он - нет.

- Тогда найдите мне его в этом хаосе, - говорит он, и его голос впервые звучит не как удар топора, а как просьба о помощи. - Найдите мне моего брата в этих мертвых цветах. Потому что я сам его здесь не вижу.

Я кладу свой букет из протеи на заваленный бумагами стол. Он выглядит здесь как живое сердце в анатомическом театре.

- Хорошо, Марк. Мы найдем его. Но учтите: правда может вам не понравиться. Она редко бывает эстетически безупречной.

Он кивает, и мы начинаем. Два человека, разделенных травмами и принципами, в комнате, полной призраков и засушенных лепестков.

Вдох. Выдох.

Первый лист реестра. Первая фамилия. Первая тайна.

И где-то в глубине души я слышу голос Артема: "Проснись, Лера. Приключение только начинается".

Глава 3: Смещение центра тяжести

Утро началось с того, что я проверяла тургор у анемонов. Эти цветы - настоящие истерички от мира флористики. Стоит уровню влаги в стебле упасть на пару процентов, и их тяжелые головы опускаются с таким видом, будто я лично виновата во всех климатических кризисах десятилетия. Я подрезала их под углом сорок пять градусов, чувствуя, как нож входит в сочную мякоть. Чистый срез. Мой внутренний тренер одобрительно кивнул. В гимнастике это называлось чистотой линии: если ты не дотянула носок, весь прыжок превращается в мусор. В цветах так же. Один вялый лепесток портит всю геометрию композиции.

Марк стоял в дверях мастерской, прислонившись плечом к косяку. Он смотрел на часы каждые тридцать секунд. Его присутствие создавало в помещении избыточное давление, как будто кто-то закачал слишком много кислорода в герметичную камеру. Он был одет в серый костюм, который сидел на нем так плотно, что я физически ощущала скованность его движений. Он распределял вес на левую ногу, слегка заваливая таз. Неправильно. Нарушение оси. Человек, который не доверяет опоре под собой, всегда подсознательно готовится к падению.

- Мы опаздываем на пятнадцать минут, - сказал он.

В его голосе не было раздражения, только констатация факта. Так говорят диспетчеры в аэропорту, когда рейс задерживается из-за тумана.

- Букет не готов, Марк. Я не могу отдать клиенту композицию, которая развалится через два часа. Анемоны должны напитаться. Это биология, ее нельзя ускорить административным ресурсом.

Я не смотрела на него. Я была занята тем, что упаковывала букет в крафтовую бумагу, стараясь не повредить хрупкие стебли. Цветы были странными для "послания с того света". Белые анемоны с угольно-черными сердцевинами, бледно-розовые ранункулюсы, похожие на многослойные пачки балерин, и несколько веток эвкалипта. Холодная, почти хирургическая палитра. Артем знал толк в эстетическом садизме. Эти цветы не говорят "я тебя люблю", они говорят "смотри, как красиво я умираю".

- Адрес - отель Карлтон. Номер 412. Имя - Элеонора Завадская. Вы едете сама, - Марк выделил последнее слово, как будто предлагал мне прыжок с десятиметровой вышки без страховки.

- Я думала, мы поедем вместе.

- У меня встреча с юристами по поводу наследства. Разгребать авгиевы конюшни Артема - это фулл-тайм джоб. Вы справитесь. Вы же профессионал.

Он произнес "профессионал" так, будто это было оскорбление или, по крайней мере, диагноз. Я выпрямила спину, чувствуя, как лопатки сходятся в одну жесткую линию. Мышечная память - великая вещь. Когда тебе страшно или когда тебя обесценивают, просто зафиксируй позвоночник. Это дает иллюзию неуязвимости.

- Я справлюсь, - ответила я, завязывая узел на ленте. - Но учтите, Марк. Если эта женщина упадет в обморок или вызовет полицию, я скажу, что я просто курьер.

- Вы и есть курьер, Лера. Просто очень дорогой и с хорошей осанкой.

Он ушел, оставив после себя запах дорогого одеколона и ощущение сквозняка. Я подхватила вазу с букетом и направилась к своей машине. Мой старенький хэтчбек выглядел нелепо рядом с его бронированным внедорожником, но мне было плевать. У моей машины был идеальный баланс тормозов, а это важнее, чем статус.

Дорога до отеля заняла полчаса. Город за окном казался перегруженным, как субстрат, в который влили слишком много удобрений. Все куда-то неслись, толкались, нарушали дистанцию. Я ехала осторожно, удерживая вазу на пассажирском сиденье локтем. Букет был моим центром тяжести.

Холл отеля Карлтон встретил меня запахом полированного мрамора, лилий (ненавижу этот приторный запах разложения) и очень старых денег. Здесь воздух был плотным, почти осязаемым. Я подошла к стойке регистрации. Мои шаги по ковру были бесшумными. Гимнастическое прошлое научило меня ходить так, будто я всегда на ковре, даже если под ногами бетон.

- К госпоже Завадской. Доставка, - сказала я администратору.

Парень за стойкой посмотрел на меня, потом на букет. В его глазах отразилось вежливое недоумение. Люди редко приносят такие букеты в Карлтон. Обычно здесь заказывают огромные охапки роз, похожие на веники для бани. Мой букет выглядел как изысканный труп в дорогом саване.

- Четвертый этаж. Вас проводят.

Лифт поднялся плавно, без рывков. Я смотрела на свое отражение в зеркальных панелях. Бледная кожа, волосы собраны в тугий пучок, черная водолазка. Я выглядела как человек, который пришел забирать долги, а не дарить радость. Впрочем, в случае с Артемом это было почти одно и то же.

Дверь номера 412 открыла горничная. Она молча кивнула и жестом пригласила меня войти. В гостиной было темно, несмотря на полдень. Тяжелые шторы были задернуты, и единственным источником света была настольная лампа в углу. В воздухе висел тяжелый шлейф джина и чего-то сладковато-гнилостного. Так пахнут цветы, которые забыли выкинуть неделю назад. Застойная влага. Дефицит свежего воздуха.

Элеонора Завадская сидела в глубоком кресле. На ней было черное платье с кружевом и тонкая вуаль, откинута на макушку. Она была похожа на увядшую камелию. Тургор ее кожи давно был потерян, лицо представляло собой сеть мелких морщин, которые она пыталась скрыть толстым слоем пудры. Пудра скатывалась в складках, создавая эффект растрескавшейся штукатурки.

- Доставка для вас, - сказала я, делая шаг вперед.

Я старалась стоять максимально ровно. Опора на обе стопы. Вес распределен равномерно. Если я качнусь, эта комната меня поглотит.

Женщина медленно повернула голову. Ее движения были вязкими, как в замедленной съемке. Она посмотрела на букет, потом на меня. В ее взгляде не было интереса, только какая-то тупая, выжженная усталость.

- От кого это? - ее голос треснул, как сухая ветка под ногой.

- В букете есть открытка.

Я протянула ей цветы. Она взяла их неохотно, ее пальцы, унизанные кольцами, дрожали. Кольца болтались на тонких суставах - она сильно похудела за последнее время. Хлороз. Нехватка питательных веществ. Или просто нежелание жить.

Она достала маленький конверт, вложенный между стеблями анемонов. Я замерла, наблюдая за ее лицом. В гимнастике есть момент перед прыжком, когда время останавливается. Ты видишь снаряд, ты видишь цель, и между вами - только пустота. Сейчас я была в этой пустоте.

Элеонора прочитала открытку. Сначала ничего не происходило. Потом ее плечи начали мелко трястись. Я подумала, что она плачет, и уже приготовилась к стандартному сценарию с поиском стакана воды, но тут раздался звук.

Это был смех. Сухой, лающий, абсолютно лишенный веселья. Она смеялась так, будто у нее в груди работала камнедробилка. Она откинула голову назад, и вуаль сползла ей на лицо.

- О боже, - выдавила она сквозь смех. - О боже, Артем. Даже оттуда ты умудряешься быть таким... таким предсказуемым.

Я чувствовала фальшивый шаг в ее смехе. Она не была удивлена. Она была в ярости, завернутой в обертку истерики. Ее центр тяжести сместился, она наклонилась вперед, и букет едва не выпал из ее рук.

- Вы знали его? - спросила я, нарушая все правила профессиональной дистанции.

Мой внутренний критик заорал: "Молчи! Ты просто функция! Ты курьер!". Но я не могла. Ложь в этой комнате была такой густой, что мне стало трудно дышать. Эта женщина врала себе даже сейчас, в этом смехе.

- Знала ли я его? - она посмотрела на меня сквозь сетку вуали. Ее глаза были красными, белки покрыты сеткой лопнувших сосудов. - Деточка, я была его главной инвестицией. Его "прекрасной оранжереей". Он называл меня своей Лилией.

Она вдруг замолчала и посмотрела на цветы в своих руках. Ее лицо исказилось. Это была не гримаса горя, это было чистое, концентрированное отвращение.

- Анемоны. Ранункулюсы. Такие нежные, такие хрупкие, - она прошипела эти слова, как проклятие. - Знаете, что он сказал мне перед тем, как... перед концом? Что я похожа на растение, которое невозможно пересадить. Что мои корни слишком глубоко ушли в его деньги, и если он уйдет, я просто засохну.

Она резко встала. Ее походка была неуверенной, она задевала краем платья кофейный столик, но упорно шла к урне, стоявшей у окна. Это была дорогая урна из полированной латуни, предназначенная для чеков и окурков, а не для флористических шедевров.

С коротким, резким звуком она впихнула букет в урну. Стебли хрустнули. Те самые анемоны, над которыми я дрожала два часа, теперь торчали из мусора, как сломанные конечности. Мои пальцы непроизвольно сжались. Физическая боль в лопатках усилилась. Это было личное оскорбление. Не потому, что это был мой труд, а потому, что это была бессмысленная жестокость к живому материалу.

- Передайте тому, кто это оплатил... хотя я знаю, что это его зануда-брат, - она повернулась ко мне, и в ее глазах вспыхнул злой огонек. - Передайте, что Артем ненавидел эти цветы. Он всегда дарил их тем, кого хотел уничтожить. Это был его способ сказать: "Ты скоро завянешь, и я буду на это смотреть".

Она подошла ко мне вплотную. От нее пахло джином и старой пудрой так сильно, что у меня запершило в горле. Она схватила меня за предплечье. Ее пальцы были холодными и жесткими, как проволока.

- Он ненавидел анемоны, - прошептала она мне прямо в лицо. - Он говорил, что у них черное сердце. Как и у него самого. Вы ввязались в плохую историю, милочка. Уходите отсюда. Пока ваши корни еще не вросли в этот склеп.

Она оттолкнула меня с неожиданной силой. Я сделала шаг назад, восстанавливая равновесие. Мои стопы четко впечатались в ковер. Баланс. Всегда держи баланс.

- До свидания, госпожа Завадская, - сказала я максимально ровным голосом.

Я вышла из номера, не оглядываясь. В коридоре я прислонилась к стене и закрыла глаза. Мое дыхание было частым и поверхностным. Нужно восстановить ритм. Вдох на четыре счета, задержка, выдох на шесть.

"Он всегда дарил их тем, кого хотел уничтожить".

Эти слова крутились у меня в голове, как заезженная пластинка. Если это правда, то весь список доставок - это не список любви. Это список приговоров. Реестр мести, облеченный в эстетическую форму.

Я спустилась в холл, вышла на улицу и жадно глотнула холодный воздух. Город продолжал шуметь, не замечая маленькой драмы на четвертом этаже. Я села в машину и посмотрела на свои руки. Они дрожали. Это был микро-тремор, который случается после слишком долгого стояния на бревне. Когда мышцы переутомлены, они начинают жить своей жизнью.

Я достала телефон и набрала номер Марка. Он ответил после первого же гудка.

- Да.

- Я доставила букет, - сказала я.

- Хорошо. Были проблемы?

Я посмотрела на здание отеля. В одном из окон на четвертом этаже шевельнулась штора.

- Проблемы? Нет, если не считать того, что ваш брат был психопатом, который использовал цветы как орудие психологической пытки.

На том конце провода повисла тишина. Я слышала только его ровное, контролируемое дыхание.

- Где вы сейчас? - спросил он наконец.

- На стоянке. Собираюсь поехать в мастерскую и сжечь остаток реестра.

- Не делайте этого. Я скоро буду. Нам нужно... нам нужно обсудить следующий адрес.

- Вы не слышите меня, Марк? Она выкинула букет в помойку. Она сказала, что он ненавидел эти цветы. Вы вообще знали своего брата?

- Оказалось, что нет, - его голос прозвучал глухо, почти безжизненно. - Но теперь у нас нет выбора. Если это война, которую он начал после смерти, я хочу знать, кто еще в списке целей. Ждите меня.

Он отключился. Я бросила телефон на соседнее сиденье и откинула голову на подголовник. Перед глазами стояли черные сердцевинки анемонов.

"Проснись, Лера. Приключение только начинается".

Голос Артема в моей голове больше не казался дружелюбным. Он звучал как издевка. Я посмотрела на свои ладони - на них остались мелкие царапины от стеблей эвкалипта. Кожа покраснела, началось легкое раздражение. Аллергия на ложь.

Я завела мотор. Мне нужно было ехать. Не в мастерскую, не домой, а куда-нибудь, где нет цветов и призраков. Но я знала, что никуда не уеду. Потому что внутри меня, под слоями дисциплины и страха, проснулось что-то забытое. То самое чувство, которое заставляло меня идти на прыжок, когда все связки были растянуты, а тренер говорил, что шансов нет.

Любопытство. Самый опасный сорняк, который невозможно прополоть, если он пустил корни.

Я включила первую передачу и плавно выехала со стоянки. Мой центр тяжести был смещен, но я все еще была на ногах. Пока ты чувствуешь опору под стопами, ты не проиграла. Даже если весь мир вокруг пахнет увяданием и дешевым джином.

Впереди был следующий адрес. Следующая женщина. Следующий цветок с черным сердцем.

Я ехала по городу, и мне казалось, что я вижу людей иначе. Вот идет мужчина - у него дефицит света, он наклоняется вперед, как растение в темном углу. Вот девушка - у нее сломан тургор, она едва передвигает ноги. Мы все - чья-то оранжерея. Вопрос только в том, кто держит в руках лейку, а кто - секатор.

Марк ждал меня у входа в мастерскую. Он стоял, скрестив руки на груди, и его фигура на фоне стеклянной витрины выглядела как чернильное пятно на чистом листе. Он выглядел еще более напряженным, чем утром. Если бы он был растением, я бы сказала, что у него крайняя степень обезвоживания и переизбыток солей в почве.

- Она что-то еще сказала? - спросил он вместо приветствия.

Я вышла из машины, чувствуя, как затекли мышцы спины. Нужно сделать растяжку, иначе к вечеру я превращусь в соляной столб.

- Она сказала, что я должна уходить, пока мои корни не вросли в этот склеп. И что ваш брат был мастером уничтожения.

Марк нахмурился. Он смотрел мимо меня, на витрину, где за стеклом стояли вазы с протеей и гортензиями.

- Артем всегда был... сложным. Но он любил красоту.

- Красота - это отличная маскировка для гнили, Марк. Любой флорист вам это скажет. Вы можете собрать идеальный букет, но если внутри стеблей начался некроз, это просто вопрос времени.

Я открыла дверь мастерской. Звякнул колокольчик. Внутри было прохладно и пахло влажной землей. Мое убежище. Мой стерильный мир, который я так долго выстраивала. Теперь этот мир был осквернен присутствием реестра Артема.

- Кто следующая? - спросила я, подходя к рабочему столу.

Марк достал из папки лист. Его движения были резкими, рублеными. Он ненавидел эту неопределенность. Для него мир должен был состоять из цифр и логических цепочек, а не из истерик в отелях и метафор о корнях.

- Яна Соболев. Адрес - частная клиника в пригороде. Отделение реабилитации.

Я замерла с секатором в руке. Яна Соболев. Имя показалось мне знакомым, но я не могла вспомнить, откуда.

- Что за реабилитация?

- Она была балериной, - Марк посмотрел на меня, и в его взгляде на мгновение мелькнуло что-то похожее на сочувствие. Или на предупреждение. - Три года назад попала в аварию. Теперь она не ходит.

В мастерской стало тихо. Я слышала только мерное жужжание холодильника с цветами. Балерина, которая не ходит. Это было слишком близко. Слишком похоже на мою собственную историю, только в моем случае травма была не физической, а публичной. Мой позор на чемпионате мира, когда я сорвалась с бревна на глазах у миллионов, был моей "аварией". Я тоже долго не могла ходить. Метафорически.

- Какие цветы для нее? - мой голос прозвучал суше, чем обычно.

- Лизиантусы. Фиолетовые. Артем отметил, что они должны быть "самого темного оттенка, какой только возможен".

Лизиантусы. Их еще называют "розами для бедных" или "цветами разбитого сердца". Они выглядят нежно, но у них удивительно жесткие, почти деревянные стебли. И фиолетовый цвет... цвет траура и высшего духовного страдания.

- Артем был поэтом, - горько усмехнулся Марк. - Поэтом-ликвидатором.

- Нет, Марк. Он был режиссером. А мы с вами сейчас - его массовка.

Я подошла к холодильнику и достала охапку лизиантусов. Они были холодными, лепестки казались сделанными из тончайшего шелка. Фиолетовый был таким глубоким, что граничил с черным.

- Вы поедете со мной, - сказала я, оборачиваясь к Марку. - На этот раз я не собираюсь выслушивать пророчества в одиночку.

Он кивнул.

- Поеду. Мне тоже нужно посмотреть ей в глаза.

Я начала собирать букет. Мои руки работали автоматически. Сложить стебли по спирали. Проверить распределение цвета. Убрать лишние листья. Внутренний тренер требовал безупречности.

"Держи спину, Лера. Носок тяни. Даже если ты просто связываешь охапку мертвой органики".

Я чувствовала на себе взгляд Марка. Он не смотрел на цветы. Он смотрел на мои руки. На то, как напрягаются мышцы предплечий, когда я затягиваю бечевку. Между нами снова возникло то странное напряжение, которое я почувствовала в первую встречу. Плотность воздуха изменилась. Это было похоже на состояние перед грозой, когда все затихает, и ты кожей чувствуешь статику в атмосфере.

- Почему вы бросили гимнастику? - вдруг спросил он.

Вопрос ударил под дых. Я не ожидала такой прямой атаки. Обычно люди ходят вокруг да около, спрашивают про травмы или возраст. Но Марк бил в центр.

- Я не бросала. Я упала.

- Все падают. Но не все уходят в цветочный магазин.

- Я выбрала среду, где я могу контролировать рост и увядание. Цветы не предают. Они просто подчиняются законам биологии. Если ты их не поливаешь - они сохнут. Это честно. Люди... люди гораздо сложнее. Они могут цвести, даже когда ты вливаешь в них яд. А потом взрываются у тебя в руках.

Я отрезала лишний кусок ленты. Щелчок секатора прозвучал как выстрел.

- Мой брат был таким ядом, - сказал Марк. - Он вливал себя в людей, а потом смотрел, как они меняются. Как они становятся зависимыми от него. Я всю жизнь пытался нейтрализовать последствия.

- И как? Получилось?

Он подошел ближе. Теперь я видела мелкие морщинки в уголках его глаз и то, как сильно сжаты его челюсти.

- Нет. Потому что я всегда опаздывал. Я приходил, когда растение уже погибло. Вы - первая, кого я встретил в самом начале процесса.

- Процесса чего?

- Его последнего эксперимента.

Он протянул руку и коснулся лепестка лизиантуса. Его палец выглядел огромным и грубым на фоне хрупкого цветка.

- Поехали, Лера. Нас ждет балерина, которая не танцует.

Мы вышли из мастерской. Я несла букет, прижимая его к груди, как щит. Мышечная память подсказывала мне, что мой центр тяжести снова сместился. Но на этот раз я не была уверена, что смогу удержать равновесие.

Клиника находилась в сосновом лесу. Здесь пахло хвоей и тишиной. Воздух был чистым, стерильным, как в операционной. Мы шли по длинным коридорам, и звук наших шагов отдавался эхом от белых стен. Марк шел впереди, его походка была тяжелой, уверенной. Он пробал пространство для меня.

У двери палаты он остановился.

- Готовы? - спросил он.

- Нет.

- Я тоже. Заходим.

Палата была светлой, с огромным окном, выходящим на лес. В инвалидном кресле у окна сидела девушка. Ее волосы были собраны в идеальный балетный пучок - так туго, что кожа на висках натянулась. Ее спина была прямой, как струна. Я узнала эту осанку. Осанку человека, который привык терпеть боль и называть ее дисциплиной.

Она не повернулась, когда мы вошли. Она смотрела на сосны.

- Яна? - тихо позвал Марк.

Она медленно развернула кресло. Ее лицо было бледным, почти прозрачным. Но глаза... глаза были живыми, обжигающе яркими. В них не было той усталости, которую я видела у Элеоноры. В них была ярость.

- Марк, - сказала она. Голос был чистым, как звон хрусталя. - Я думала, ты придешь раньше. Чтобы забрать долги.

- Я пришел принести... - он запнулся и посмотрел на меня.

Я сделала шаг вперед и протянула ей лизиантусы. Фиолетовые цветы в этом белом пространстве выглядели как открытая рана.

Яна посмотрела на букет. Ее ноздри дрогнули. Она вдохнула запах - тонкий, едва уловимый аромат горькой травы.

- Лизиантусы, - прошептала она. - "Эустома". Прекрасный рот. Артем любил латынь. Он говорил, что она звучит как приговор.

Она взяла букет и положила его себе на колени, туда, где ее ноги были укрыты тонким пледом. Она гладила лепестки так нежно, как будто это были живые существа.

- Он сказал, что придет их, когда... когда все закончится, - она подняла на нас глаза. - Он обещал мне, что этот букет станет моим последним выходом на сцену.

Я чувствовала, как внутри меня что-то обрывается. Это не была ирония Элеоноры. Это было что-то другое. Глубокое, корневое горе, смешанное с обожанием.

- Вы его любили? - спросила я, и мой голос дрогнул.

Яна улыбнулась. Это была самая грустная улыбка, которую я видела в своей жизни.

- Любила? Нет. Я была его лучшим проектом. Он сломал меня, чтобы посмотреть, смогу ли я собраться заново. И знаете что? У него не получилось. Я осталась сломанной.

Она вдруг резко дернула рукой и сорвала один из бутонов. Раздался сухой щелчок. Лепестки посыпались на плед, как капли фиолетовой крови.

- Он ненавидел эти цветы, - повторила она слова Элеоноры, но с другой интонацией. - Он говорил, что они - символ напрасных усилий. Они пытаются быть розами, но никогда ими не станут. Как и я. Я пыталась быть человеком, но осталась просто функцией. Его "прекрасным ртом", который должен был молчать.

Она посмотрела на Марка.

- Он оставил тебе письмо, Марк?

- Нет. Только список.

- Типично для него. Он не любил объясняться. Он любил оставлять послевкусие.

Яна снова повернулась к окну. Букет лизиантусов лежал на ее коленях, изувеченный, со сломанным бутонем в центре.

- Уходите, - сказала она. - Я хочу посмотреть, как заходит солнце. В этом лесу оно умирает очень красиво.

Мы вышли из клиники в полном молчании. На улице уже начало смеркаться. Тени сосен стали длинными и острыми, как иглы.

Марк остановился у машины и ударил кулаком по крыше. Звук был глухим и болезненным.

- Он превратил их всех в свои личные гербарии, - прорычал он. - Засушил, разложил по папкам и поставил на полку. И теперь я должен ходить и стряхивать пыль с этих трупов.

Я подошла к нему и положила руку на его плечо. Оно было каменным.

- Марк, посмотрите на меня.

Он медленно повернул голову. Его лицо в сумерках казалось серым.

- Это не просто список доставок. Это карта минного поля. И мы сейчас находимся в самом центре.

- Что вы имеете в виду?

- Две женщины. Два разных города. Две разные истории. Но обе сказали одно и то же: он ненавидел эти цветы. Он дарил им то, что презирал. Это не подарки, Марк. Это метки.

Я замолчала, чувствуя, как по спине пробе

Глава 4: Ультиматум

Холод в приемной Марка был не просто следствием работы кондиционеров, выкрученных на арктический минимум. Это был климатический контроль его личного пространства - сухой, стерильный воздух, в котором не выживет ни один случайный микроб эмоции. Я стояла у панорамного окна, глядя на город, который снизу казался живым организмом, а отсюда - сложной схемой микропроцессора. Мои лопатки были сведены так плотно, что между ними можно было зажать монету. Старая привычка. Тренер говорила: Лера, если ты расслабишь спину на бревне, сила тяжести тут же пережует твои кости. Я не расслабляла. Даже сейчас, когда бревном служил этот ворсистый ковролин в офисе человека, который смотрел на меня как на досадную неисправность в его отлаженном механизме.

Марк вошел не сразу. Сначала я услышала звук его шагов - четкий, ритмичный удар пятки, указывающий на идеальное распределение веса. Он не шаркал, не сомневался. Он просто перемещал свою массу из точки А в точку Б с максимальной эффективностью. Когда дверь закрылась, плотность воздуха в кабинете изменилась. Стало трудно делать полный вдох, словно в легких образовался застойный выпот.

- Садитесь, Лера, - сказал он, не глядя на меня.

Он прошел к столу и бросил на него папку. Никаких прелюдий, никакого кофе. Его голос был функциональным, как инструкция к огнетушителю. Я осталась стоять. Когда ты стоишь, у тебя больше векторов для маневра. Мои стопы чувствовали опору, центр тяжести был ровно посередине.

- Я принесла письмо, - я положила конверт на край его стола, стараясь не задеть полированную поверхность. - То самое, от Сони. Вы должны его прочитать.

- Зачем? - Марк наконец поднял глаза. У него был взгляд человека, который привык видеть структуру, а не оболочку. - Чтобы еще раз убедиться, что мой брат был мастером эпистолярного жанра? Я знаю его почерк. Я знаю его приемы. Это письмо не несет никакой информационной ценности. Это просто шум.

- Этот шум - часть его жизни, - я почувствовала, как во мне просыпается та самая сухая ирония, которая всегда служила мне защитным экраном. - Вы пытаетесь провести дезинфекцию там, где нужно просто проветрить. Соня не шум. Она - результат его действий. Растение с нарушенным тургором, которое вы пытаетесь просто выдернуть из почвы, чтобы оно не портило вид вашего идеального газона.

Марк усмехнулся. Это не была улыбка, скорее - короткий спазм лицевых мышц. Он сел в кресло, откинулся на спинку и сцепил пальцы в замок.

- Послушайте, Лера. Давайте без ботанических метафор. Мой брат был патологическим лжецом. Это медицинский факт, а не моя личная обида. Он создавал параллельные реальности для каждой женщины, с которой сталкивался. Он строил эти миры из слов, обещаний и, как выяснилось, ваших цветов. А потом он умирал в одной реальности, оставляя меня разгребать завалы во всех остальных. Вы понимаете, что такое репутация семьи, которая занимается инвестициями? Это доверие. А доверие несовместимо с гербарием из обманутых любовниц, которые получают курьерские доставки с того света.

Я почувствовала, как внутри меня что-то сместилось. Знаете это ощущение, когда на разминке ты слишком резко уходишь в шпагат и слышишь сухой треск связки? Это не боль, это предчувствие боли. Ложь Марка была не в словах, а в его позе. Он слишком сильно сжимал пальцы. Его костяшки побелели. Он боялся этого хаоса больше, чем хотел его победить.

- Вы говорите о них как о мусоре, - я сделала шаг вперед, сокращая дистанцию. - Но для них эти букеты - единственное, что связывает их с чем-то настоящим. Пусть даже это

настоящее было сконструировано. Вы хотите лишить их права на это завершение. Вы хотите приватизировать правду, Марк. Сделать ее удобной для вашего банковского счета.

- Я хочу остановить этот цирк, - он перебил меня, его голос стал еще тише и жестче. - Каждая ваша доставка - это потенциальный иск, скандал или, что еще хуже, визит в психиатрическую клинику, где мы только что были. Вы видели эту женщину. Она живет в коконе. Ваша орхидея для нее - не цветок, это триггер. Вы подкармливаете ее галлюцинации за мои деньги.

- За деньги вашего брата, - поправила я. - Он оплатил контракт полностью.

- Контракт можно расторгнуть. По причине форс-мажора. Его смерть - это форс-мажор.

- В договоре указано: "в случае смерти заказчика обязательства сохраняются до полного выполнения графика доставок". Он предусмотрел это, Марк. Он знал, что вы попытаетесь все закрыть. Он знал вас лучше, чем вы думаете.

Марк резко встал. Теперь мы были на одном уровне. Я чувствовала исходящий от него запах - дорогой парфюм с нотами кедра и чего-то металлического. Так пахнет в операционной перед началом работы. Его присутствие меняло плотность воздуха, делало его вязким, как застойная влага в старой вазе, которую забыли помыть после лилий.

- Он был болен, Лера. Его желание "предусмотреть" это - симптом, а не последняя воля. Он превратил свою жизнь в лабиринт, и теперь вы водите по нему людей, заставляя их врезаться в стены. Хватит.

Он открыл ящик стола, достал чековую книжку и быстро, почти не глядя, вписал цифру. Звук пера, царапающего бумагу, показался мне оглушительным. Как хруст сухих стеблей под тяжелым ботинком.

- Здесь сумма, которая в три раза превышает стоимость всех оставшихся букетов по вашему контракту, - он протянул мне узкий листок бумаги. - Считайте это компенсацией за упущенную выгоду и за ваше молчание. Вы закрываете заказ. Вы забываете имена из списка. Вы больше не приближаетесь к этим женщинам.

Я посмотрела на чек. Цифры были каллиграфически правильными. Марк предлагал мне купить мое равновесие. Он хотел, чтобы я стала его соучастником в деле ликвидации последствий. Мой внутренний критик, этот вечный тренер с секундомером, шепнул: "Возьми. Это безопасный выход. Ты же помнишь, чем заканчивается публичное падение. Ты уже была там. Твое лицо на всех экранах, твои слезы как бесплатный контент. Возьми деньги и уйди в тень, там прохладно и никто не увидит твою слабость".

Я вспомнила своего бывшего партнера, Андрея. Он сделал то же самое, когда моя карьера в гимнастике закончилась за одну секунду на чемпионате Европы. Неудачный соскок, колено, которое вывернулось под неестественным углом, и звук, который я буду помнить до конца жизни. Андрей не плакал. Он просто пришел в больницу и сказал, что мой бренд "золотой девочки" больше не работает, а он не подписывался на роль сиделки при хромой утке. Он ушел, оставив меня на виду у всех, в момент моей максимальной уязвимости.

Марк сейчас делал то же самое, только более изящно. Он не бросал меня, он меня выкупал.

- Вы думаете, что все в этом мире подчиняется законам ликвидности, - сказала я, чувствуя, как внутри натягивается струна. - Но растения не растут быстрее, если вы накричите на них или предложите им премию. У них есть свой цикл. У горя тоже есть свой цикл. Вы пытаетесь срезать бутоны раньше времени, потому что боитесь увидеть, что внутри.

- Внутри пустота, - отрезал Марк. - Там нет ничего, кроме его фантазий. Я защищаю этих женщин от правды, которая их убьет. И я защищаю себя от необходимости бесконечно вытирать за ним полы.

- Нет, вы защищаете свой контроль. Вы боитесь, что если одна из этих историй окажется настоящей, вам придется признать, что ваш брат был живым человеком, а не просто системной ошибкой в вашем генеалогическом древе.

Я взяла чек. Бумага была плотной, дорогой. На ощупь она напоминала лепестки каллы - такие же восковые и холодные. Марк слегка расслабил плечи, решив, что сделка состоялась. Он уже мысленно вычеркнул меня из списка дел на сегодня. В его мире все имело цену, и он только что ее оплатил.

Мои пальцы сжались на краю чека. Я почувствовала, как вес моего тела распределяется на обе стопы, создавая идеальный фундамент. Это было движение, которое я репетировала тысячи раз. Чистота линии. Дисциплина чувств.

Я медленно, глядя ему прямо в глаза, разорвала чек пополам. Затем еще раз. И еще. Маленькие белые клочки посыпались на его безупречный ковролин, как лепестки увядшей гипсофилы.

- Моя работа не продается, Марк. И мое молчание тоже. Ваш брат нанял меня не для того, чтобы я развозила цветы. Он нанял меня, чтобы я свидетельствовала. И я доставлю каждый чертов лепесток из этого списка. Даже если мне придется делать это под вашими окнами.

Лицо Марка стало непроницаемым, как бетонная плита. Его челюсть сжалась так, что стали видны желваки. Если бы взглядом можно было понизить температуру, я бы уже покрылась инеем.

- Вы совершаете ошибку, - произнес он, и в этом "ошибку" было больше угрозы, чем в любом крике. - Вы не знаете, во что ввязываетесь. Мой брат играл в игры, правил которых не понимал даже он сам. Вы сейчас просто пешка, которую он оставил на доске после своего ухода.

- Значит, я пешка, которая дойдет до края поля и станет ферзем, - я развернулась к двери. - До свидания, Марк. Письмо Сони оставьте себе. Может быть, если вы прочитаете его десять раз, вы заметите, что между строк там не ложь, а отчаяние человека, который не знал, как быть любимым, не превращая это в шоу.

Я вышла из кабинета, не оглядываясь. В коридоре я почувствовала, как у меня мелко дрожат колени. Мышечная память подводила. Я дошла до лифта, нажала на кнопку и прислонилась лбом к холодному зеркалу. Из отражения на меня смотрела женщина с идеально прямой спиной и глазами, в которых плескался страх.

Я знала, что он не оставит это просто так. Для Марка мой отказ был не просто профессиональной этикой, это был вызов его мироустройству. Он будет бить по самому больному - по моей мастерской, по моей репутации, по моему спокойствию. Он ликвидатор, а я только что стала объектом, который подлежит ликвидации.

Спустившись вниз, я вышла на улицу и жадно глотнула душный городской воздух. После стерильности его офиса даже выхлопные газы казались чем-то живым. Я пошла в сторону своей мастерской, стараясь сохранять ритм шагов. Раз-два, раз-два. Держи центр. Не заваливайся на пятки.

В мастерской пахло землей, сыростью и немного - эвкалиптом. Мой личный храм контролируемого хаоса. Я прошла к рабочему столу, где лежал список доставок. Следующее имя в списке - Анна. Адрес: старая сталинка на набережной. Цветы: черные тюльпаны.

Черные тюльпаны - это не про любовь. Это про одержимость. У них почти нет запаха, но их цвет - это поглощение всего остального спектра. Они требуют особого ухода: холодная вода, минимум света, иначе они начинают раскрываться слишком быстро и теряют свою графичную форму, превращаясь в бесформенные темные пятна.

Я открыла холодильник и посмотрела на пачки тюльпанов, которые привезли утром. Они были плотными, их стебли скрипели, когда я прикасалась к ним. Я начала собирать букет, срезая лишние листья одним точным движением секатора. Чик. Чик. Звук металла о стебель успокаивал. Это была математика. Это была дисциплина.

- Лера, к тебе пришли, - голос моей помощницы Даши заставил меня вздрогнуть.

Я не услышала, как открылась дверь. Мое внимание было слишком сфокусировано на тюльпанах. Я обернулась, ожидая увидеть курьера или капризного клиента, но в дверях стояла женщина.

Она была одета в строгое серое пальто, которое сидело на ней как броня. Волосы убраны в безупречный пучок, ни одной выбившейся пряди. Она выглядела как улучшенная версия меня через двадцать лет - если я окончательно превращусь в функцию.

- Валерия? - голос у нее был глубокий, с легкой хрипотцой, какой бывает у людей, которые много курят или часто приказывают.

- Да, это я. Чем могу помочь?

- Меня зовут Елена. Я мать Марка и... того человека, который заставил вас заниматься этой сомнительной благотворительностью.

Я почувствовала, как по спине пробежал холод. Это была не та прохлада, что в офисе Марка. Это был лед из самого ядра их семейного реактора. Я положила секатор на стол и выпрямила спину.

- Приятно познакомиться, Елена. Хотите чаю? Или, может быть, обсудим цветы для вашего дома?

- Давайте без любезностей, - она прошла вглубь мастерской, брезгливо огибая ведра с водой. - Мой сын сказал, что вы отказались от его предложения. Это было глупо. Марк всегда предлагает честную цену за комфорт. Если вы думаете, что сможете выторговать больше, играя на чувствах покойного, то вы ошибаетесь. В нашей семье чувства всегда были самой дешевой валютой.

Она остановилась у стола с черными тюльпанами и тронула пальцем лепесток.

- Анна? - спросила она, и в ее голосе проскользнула странная нотка. Не то жалость, не то презрение. - Вы везете их Анне?

- Откуда вы знаете? - я почувствовала, как нарушается мое равновесие. Это был фальшивый шаг на бревне. Я не видела этого движения заранее.

- Потому что я сама выбирала эти цветы для нее десять лет назад, когда мой младший сын впервые привел ее в наш дом. Он ненавидел тюльпаны. Он считал их скучными и прямолинейными. Но он дарил их Анне каждую неделю, потому что знал: они напоминают ей о похоронах ее отца. Он начинал разрушать людей задолго до того, как они понимали, что находятся в опасности.

Елена повернулась ко мне. Ее глаза были точь-в-точь как у Марка - прозрачные, холодные, анализирующие.

- Вы думаете, что выполняете благородную миссию, Валерия. Но вы просто разносите споры его болезни. Вы помогаете ему продолжать истязать этих женщин даже из могилы. Вы не флорист. Вы - инструмент пытки.

Я почувствовала, как внутри меня что-то обрывается. Деперсонализация, мой верный щит, начала давать трещины. Я смотрела на черные тюльпаны и видела в них не ботанический объект, а острые лезвия.

- Почему вы мне это говорите? - мой голос прозвучал глухо. - Марк хочет просто закрыть тему. А вы... вы пришли сюда, чтобы что?

- Чтобы предупредить. Если вы доставите этот букет Анне, вы запустите процесс, который не сможете остановить. Она не Соня. Она не будет плакать над письмами. Она придет за расплатой. И поверьте, вы - последнее звено в этой цепи, и именно на вас обрушится весь гнев, который она копила годами.

Елена подошла ближе. Я почувствовала запах ее духов - тяжелый, пудровый, удушающий. Запах старого театрального занавеса.

- Оставьте эти цветы себе, Валерия. Выбросьте их. Сожгите. И уезжайте из города. Марк выплатит вам любую сумму, если я попрошу. Считайте это советом от женщины, которая видела, как ее сын превращает в пепел все, к чему прикасается.

Она вышла так же внезапно, как и появилась. Дверь тихо звякнула колокольчиком, оставляя меня в тишине, нарушаемой только гулом холодильника.

Я смотрела на свои руки. Они были испачканы в соке растений - зеленоватом, липком. На ладони остался темный след от тюльпана. Физиологическая реакция организма не заставила себя ждать: желудок сжался в тугий узел, во рту появился привкус меди. Мое тело кричало о нарушении баланса.

Я подошла к раковине и начала неистово тереть руки щеткой. Кожа покраснела, стала саднить, но мне казалось, что я все еще чувствую этот запах - запах старого дома, лжи и черных тюльпанов.

В голове крутились слова Елены: "Вы - инструмент пытки". Я всегда гордилась своей профессией. Я считала, что приношу в мир гармонию, упорядочиваю хаос через эстетику. Но что, если эстетика была всего лишь оберткой для яда?

Я вспомнила Соню в клинике. Ее прозрачные руки, ее взгляд, направленный в никуда. Для нее букет был спасательным кругом. Но что, если этот круг был наполнен свинцом?

Марк был прав в одном: его брат создал лабиринт. Но Марк пытался просто замуровать входы, а его мать предлагала мне бежать. Никто из них не хотел войти внутрь и вынести тех, кто там застрял.

Я вытерла руки полотенцем и вернулась к столу. Черные тюльпаны лежали, сияя своей мрачной красотой. Они были безупречны. Математически выверенная форма, идеальный тургор.

Я взяла телефон и набрала номер Марка. Он ответил после первого же гудка.

- Да, Лера. Вы передумали? - его голос был сухим, как песок в пустыне. В нем не было торжества, только ожидание завершения сделки.

- Нет, Марк. Я не передумала. Ваша мать только что была у меня.

Наступила тишина. Я слышала только его дыхание - ровное, контролируемое.

- И что она вам сказала? - спросил он наконец.

- Она сказала, что я разношу споры болезни. И что Анна придет за расплатой.

- Она любит драматизировать. Моя мать живет в мире шекспировских трагедий. Не принимайте это близко к сердцу.

- Марк, перестаньте. Вы оба ведете себя так, будто защищаете меня или этих женщин, но на самом деле вы защищаете свои секреты. Что такого в этой Анне? Почему она должна "прийти за расплатой"?

- Потому что она единственная, кто знает, где мой брат брал деньги на все эти игры, - Марк сделал паузу, и я почувствовала, как плотность воздуха снова начала расти, даже через телефонную трубку. - Она была его сообщницей, Лера. А не просто жертвой. Она вела его счета. Она знала о каждой доставке, о каждой женщине, о каждом грамме лжи. И если вы принесете ей цветы, она поймет, что игра продолжается. Только теперь в этой игре участвуете вы.

Я почувствовала, как по спине пробежал настоящий, физический озноб. Мой центр тяжести окончательно сместился. Я больше не стояла на бревне. Я летела вниз, и подстилающих матов внизу не было.

- Почему вы не сказали мне этого сразу? - прошептала я.

- Потому что я хотел, чтобы вы просто ушли. Без лишних знаний. Но вы предпочли гордость логике. Теперь живите с этим.

Он повесил трубку. Короткие гудки звучали как удары пульса в висках.

Я посмотрела на букет. Черные тюльпаны казались теперь не цветами, а дырами в пространстве. Я знала, что должна сделать. Мой внутренний тренер требовал дисциплины. Моя травма требовала контроля.

Я взяла упаковочную бумагу - плотный крафт цвета мокрого асфальта. Я начала заворачивать цветы, тщательно выравнивая края. Мои движения были автоматическими, точными, лишёнными лишней суеты. Я упаковывала не букет, я упаковывала свою решимость.

Если Анна была сообщницей, значит, она - ключ. И если Марк так боится, что я открою эту дверь, значит, за ней находится именно то, что поможет мне понять, почему я стала частью этого завещания.

Я не была просто свидетелем. Я была мишенью. С самого начала.

Я вышла из мастерской, заперев дверь на два оборота ключа. На улице начался дождь - мелкая, противная взвесь, которая мгновенно покрыла все поверхности серым налетом. Я села в машину, положив букет на пассажирское сиденье. Он лежал там, как спящий зверь.

Город за окном расплывался. Огни светофоров превращались в размытые пятна - красные, желтые, зеленые. Я ехала к набережной, чувствуя, как внутри меня растет странное спокойствие. Это было спокойствие перед сложным прыжком, когда ты уже стоишь на краю мостика и понимаешь, что назад пути нет. Только вперед, в пустоту, надеясь на то, что мышечная память не подведет.

Дом на набережной встретил меня тяжелыми дубовыми дверями и запахом старого камня. Я поднялась на четвертый этаж, сжимая букет так сильно, что стебли начали хрустеть.

У двери квартиры номер 42 я остановилась. Мое дыхание было ровным. Спина - прямой. Я нажала на звонок.

Звук звонка был дребезжащим, старым. За дверью послышались шаги - легкие, почти бесшумные. Так ходят хищники или те, кто привык скрываться.

Дверь открылась. На пороге стояла женщина. Она была моложе, чем я ожидала. Бледная кожа, огромные темные глаза и волосы цвета воронова крыла, рассыпанные по плечам. На ней был шелковый халат глубокого винного цвета.

Она посмотрела на меня, потом на букет. Ее лицо не выразило ни удивления, ни радости. Только бесконечную, выжженную усталость.

- Вы от него, - сказала она. Это не был вопрос.

- Я Валерия. У меня доставка. Черные тюльпаны.

Анна отступила в сторону, приглашая меня войти. В квартире было полутемно, пахло дорогими сигаретами и чем-то сладким, приторным, как гниющие фрукты.

- Проходите, Валерия, - голос ее был тихим, но в нем чувствовалась стальная нить. - Я ждала вас. Марк звонил и говорил, что вы придете. Он предлагал вам деньги, верно?

- Да. Я отказалась.

Анна усмехнулась. В этом движении губ было столько горечи, что мне захотелось немедленно выйти на свежий воздух.

- Глупая девочка. Вы думаете, что спасаете чью-то память. Но вы просто принесли мне счет. И я надеюсь, вы готовы его оплатить.

Она взяла букет из моих рук и, не глядя на него, бросила на столик в прихожей. Тюльпаны рассыпались, один из них упал на пол, его лепестки мгновенно потемнели от пыли.

- Пойдемте на кухню, - сказала Анна. - Нам нужно поговорить о том, чего Марк никогда вам не расскажет. О том, почему мой муж выбрал именно вас для этой последней шутки.

Я пошла за ней, чувствуя, как по позвоночнику стекает холодная капля пота. Мой центр тяжести окончательно потерян. Я больше не была гимнасткой на бревне. Я была Алисой, летящей в кроличью нору, и стены этой норы были выложены черными тюльпанами и чужими секретами.

- Ваш муж? - переспросила я, останавливаясь в дверях кухни. - Я думала, он был...

- Его любовником? Братом? Другом? - Анна обернулась, и в ее глазах вспыхнул недобрый огонь. - Он был всем этим одновременно. И ничем из этого. Он был вирусом, Валерия. И вы только что впустили его в свой дом.

Она села за стол и указала мне на стул напротив. На столе лежала папка - точно такая же, какую я видела в кабинете Марка. Только эта была потертой, со следами кофейных кружек.

- Садитесь. Рассказ будет долгим. И я обещаю вам: к концу этого вечера вы будете умолять Марка забрать свои деньги и стереть вашу память.

Я села. Мои лопатки коснулись жесткой спинки стула. Я закрыла глаза на секунду, вызывая в памяти образ безупречного букета. Но букета больше не было. Были только тени, которые становились все длиннее и гуще.

Игра началась по-настоящему. И теперь я знала: последний букет в этом списке предназначен не какой-то далекой женщине. Он предназначен мне. И это будет букет, который я не смогу собрать. Потому что он будет состоять не из цветов, а из осколков моей собственной жизни, которую я так старательно пыталась склеить все эти годы.

- Начинайте, - сказала я, открывая глаза. - Я готова слушать.

Анна улыбнулась - остро, по-змеиному. И в этот момент я поняла: Марк не защищал меня от нее. Он защищал ее от меня. Потому что я была единственной, кто мог довести это дело до конца. И этот конец не понравится никому из нас.

За окном гроыхнуло. Дождь превратился в ливень, барабана по стеклам с неистовой силой. В этом шуме я едва расслышала ее первые слова, но они ударили меня под дых сильнее, чем любое падение с бревна.

- Вы ведь знаете, Валерия, что ваша травма в гимнастике не была случайностью?

Мир вокруг меня замер. Мои мышцы окаменели. Я смотрела на Анну и видела в ее глазах отражение своего собственного краха. Код был дешифрован. И это был код не чужого счастья, а моего собственного проклятия.

Глава 5: Тень брата

Слова Анны не просто упали в пространство, они сработали как гравитационный коллапс. Я почувствовала, как мой центр тяжести, обычно выверенный до миллиметра, сместился куда-то в область подвздошной кости. Это было физическое ощущение потери опоры, то самое, когда ты стоишь на бревне и понимаешь, что стопа соскальзывает по полированному дереву, а воздух вокруг становится слишком жидким, чтобы за него ухватиться. Моя травма. Мой личный профессиональный морг. Разрыв связок, который списали на усталость металла в моем теле, на микротрещины, на несчастный случай во время соскока. А теперь эта женщина, чье лицо напоминало мне идеально засушенную гортензию - красивую, но лишенную жизни и соков - говорит, что это не было случайностью.

Я смотрела на нее и чувствовала, как лопатки начинают ныть. Это привычное напряжение, мой панцирь. Когда я была в сборной, тренер всегда говорил: Лера, если ты не чувствуешь своих костей, значит, ты уже проиграла. Сейчас я чувствовала каждую кость. Каждое ребро казалось лишним, мешающим дышать. За окном ливень продолжал свою экзекуцию над городом. Капли бились о стекло так ритмично, будто кто-то вбивал гвозди в крышку гроба моего прошлого.

- Что вы имеете в виду под словом не случайность? - мой голос прозвучал на удивление ровно. Так звучит секатор, когда перерезает стебель одревесневшей розы. Сухо. Кратко. Эффективно.

Анна не ответила сразу. Она поправила манжет своей безупречно белой блузки. В ней не было ни капли той влажной, липкой паники, которая сейчас затапливала меня изнутри. Она была как растение в состоянии глубокого покоя, когда все процессы замедлены до предела, чтобы пережить зиму.

- Олег всегда получал то, что хотел, Валерия, - произнесла она, глядя куда-то сквозь меня. - А он очень хотел, чтобы вы перестали прыгать и начали смотреть на мир, а не на судейские протоколы.

Я не успела осознать глубину этого абсурда. В моей голове пронеслось воспоминание: Олег в зале, его вечная полуулыбка, запах его дорогого парфюма, который казался чужеродным среди талька и пота. Он был моей зоной комфорта. Он был тем, кто ловил меня после тренировок. И теперь эта женщина утверждает, что он же подпилил мои опоры? Это было похоже на системную ошибку в коде. У растений это называется хлороз - когда из-за нехватки микроэлементов лист начинает желтеть, терять силу, хотя внешне кажется целым. Мое доверие к памяти об Олеге только что выдало симптомы тяжелого поражения корневой системы.

Мы не успели продолжить. Мой телефон, брошенный на стол рядом с вазой, в которой задохнулись вчерашние альстромерии, завибрировал. На экране высветилось имя Марка. Время - почти одиннадцать вечера. В это время нормальные цветы закрывают устья, экономя влагу, а нормальные люди стараются не вызывать друг друга на эмоциональные дуэли.

Я нажала на кнопку приема, не сводя взгляда с Анны.

- Да, - сказала я.

- Ты мне нужна, - голос Марка был еще более рубленным, чем обычно. В нем не было просьбы, только констатация факта. Так отдают приказы по эвакуации при пожаре. - Я у Олега. В квартире. Тут... - он сделал паузу, и я услышала, как он резко втянул воздух через зубы. - Тут вскрылись детали, которые не вписываются в твою теорию благородного покойника. Будь здесь через полчаса. Адрес сброшу.

- Марк, сейчас ливень, и у меня гость... - начала я, но он перебил.

- Плевать на дождь. Плевать на гостей. Это касается счетов твоего магазина. И имен, которые тебе очень не понравятся.

В этот момент на заднем плане, там, за сотни метров или километров, где находился Марк, раздался звук. Это был женский плач. Не тихий всхлип, а тот надрывный, захлебывающийся вой, который издает человек, когда у него отнимают последнюю надежду на реанимацию смысла жизни. Звук длился секунды три, а потом резко, хирургически оборвался, как будто кто-то просто перерезал звуковой кабель.

- Марк? - я непроизвольно выпрямилась, чувствуя, как мышцы пресса сокращаются в защитном блоке. - Что это было? Кто там плачет?

- Поторопись, Лера, - ответил он и сбросил вызов.

Я посмотрела на Анну. Она все еще сидела неподвижно, но в ее глазах мелькнуло что-то похожее на узнавание. Или на страх. В мире флористики есть такое понятие - тургор. Это внутреннее давление в клетках растения, которое позволяет ему стоять прямо. Сейчас мой тургор был на нуле. Я чувствовала себя завядшим тюльпаном, который слишком долго пролежал без воды на кафельном полу склада.

- Мне нужно идти, - сказала я, хватая сумку.

- Идите, Валерия, - Анна встала, ее движения были текучими, как у змеи в высокой траве. - Но помните: правда не всегда лечит. Иногда она действует как гербицид сплошного действия. Выжигает все, включая почву.

Я вылетела из мастерской в ливень. Холодная вода мгновенно пропитала куртку, приликая к лопаткам, заставляя меня вздрагивать. Я бежала к парковке, чувствуя, как каждый шаг отдается в колене - том самом, которое Олег якобы помог мне сломать. Моя походка стала неровной, я заваливалась на левый бок, теряя ту самую безупречную гимнастическую осанку, которая была моей единственной гордостью. Я была как растение с нарушенным фототропизмом - я больше не понимала, где свет, а где просто имитация лампы в теплице.

Квартира Олега находилась в старом фонде, в доме, где потолки были такими высокими, что казалось, там скапливается весь невысказанный ужас жильцов. Подъезд встретил меня запахом старой бумаги и дорогой мастики. Лифт не работал. Я поднималась на четвертый этаж, считая ступени, как считала шаги перед разбегом. Десять, вдох. Пятнадцать, выдох. На двадцатой ступени я поняла, что мои ладони сухие, несмотря на дождь. Это был адреналин, чистый и едкий, как концентрат удобрений.

Дверь была приоткрыта. Я толкнула ее и вошла.

Квартира Олега была воплощением его характера: стерильность, минимализм и скрытая агрессия в острых углах мебели. Марк стоял посреди гостиной. Он выглядел так, будто только что закончил разгребать завалы после землетрясения. Его пиджак был брошен на кожаный диван, рукава рубашки закатаны, обнажая предплечья с четко прорисованными венами. Марк всегда двигался функционально, без лишних жестов, но сейчас в его движениях была какая-то лихорадочная жесткость.

На полу лежали папки, квитанции, какие-то выписки. И среди этого хаоса - счета из моего магазина. Те самые розовые бланки, которые я заполняла своей рукой, когда Олег заказывал букеты для своих бесконечных адресатов.

- Ты быстро, - бросил он, не оборачиваясь. - Баланс не подвела?

- Кто здесь плакал, Марк? - я проигнорировала его иронию. Я прошла в центр комнаты, стараясь ставить ноги на пятку, чтобы сохранить равновесие. Квартира была пропитана запахом застоявшейся воды и мужского парфюма - того самого, от которого у меня теперь начиналась легкая тошнота.

- Телевизор у соседей, - отрезал он, но я увидела, как его челюсть на мгновение сжалась. Он лгал. Физически я чувствовала это нарушение ритма в его речи, как будто он пропустил бит в музыке, под которую я должна была выступать. Это был фальшивый шаг на бревне. - Посмотри сюда.

Он ткнул пальцем в одну из выписок.

- Это счета за последние три года. Олег платил твоему магазину не только за цветы. Посмотри на суммы, Лера. Пятьсот тысяч. Восемьсот. Миллион двести. Ты хочешь сказать, что один букет в неделю стоит столько? Или ты продаешь орхидеи из чистого золота?

Я взяла лист. Руки мелко дрожали, и я сцепила пальцы, имитируя захват на брусьях. Суммы были астрономическими. В моих записях значились совсем другие цифры. Три тысячи, пять тысяч, иногда десять за сложную композицию с протеей. То, что я видела сейчас, было схемой отмыва денег или чем-то похуже.

- Я не видела этих денег, - прошептала я. - В мою бухгалтерию заходили обычные суммы. Марк, я клянусь, я...

- Я знаю, что ты не видела, - он подошел вплотную, и я почувствовала жар, исходящий от его тела. Его присутствие меняло плотность воздуха, делая его тяжелым, как в оранжерее перед грозой. - Ты была удобным прикрытием. Маленькая, гордая гимнастка с принципами. Идеальная витрина для мутных дел брата. Но посмотри на имя плательщика в этих скрытых транзакциях.

Я всмотрелась в мелкий шрифт. Там, где должна была быть фамилия Олега, стояло другое имя. Марина Щербакова.

Мое тело отреагировало раньше мозга. Колени подогнулись, и я едва не задела острый край стола. Марина Щербакова. Мой бывший тренер. Женщина, которая выжала из меня все соки, а потом, когда я сломалась, просто вычеркнула меня из списков, как погибший саженец, не заслуживающий даже компостной ямы.

- Она была его злейшим врагом, - мой голос сорвался на шепот. - Олег ненавидел ее. Он говорил, что она уничтожила мою карьеру. Он обещал мне, что она заплатит за это.

- Похоже, она и платила, - Марк усмехнулся, но в этой усмешке не было радости. Только горечь человека, который в очередной раз убедился, что мир состоит из грязи, прикрытой лепестками роз. - Платила ему. За что, Лера? За молчание? Или за то, что он помог ей избавиться от тебя в нужный момент?

Я вспомнила слова Анны. "Твоя травма не была случайностью". Пазл начал складываться, и картинка была уродливой. Это был не букет, это был венок на могилу моей веры в людей.

- Где она? - спросила я, оглядываясь. Квартира казалась огромной и пустой, как заброшенный сад, где под красивыми цветами скрываются змеиные норы. - Тот плач... это была она?

Марк промолчал. Он отвернулся к окну, за которым бесчинствовал ливень. Его спина была напряжена до предела. Я видела, как ходят желваки на его скулах. Он ненавидел этот момент так же сильно, как и я. Он ненавидел быть тем, кто приносит плохие новости, кто вычищает руины чужих жизней.

- В спальне, - наконец произнес он. - Она пришла сюда требовать какие-то документы. Видимо, Олег хранил на нее серьезный компромат. Она не знала, что я здесь.

Я пошла в сторону спальни. Каждый шаг давался с трудом, как будто я шла через густой слой торфа. Мои мышцы ныли, требуя прекратить это движение, сесть, свернуться в клубок, уйти в состояние стазиса. Но я толкнула дверь.

Марина сидела на краю кровати Олега. Она выглядела постаревшей на двадцать лет. Та самая стальная женщина, которая заставляла нас делать по сто повторов прыжка через боль и слезы, сейчас напоминала сломанную ветку ивы, брошенную в грязную лужу. Ее лицо было красным от слез, тушь размазалась, превращая глаза в темные провалы.

Когда она увидела меня, ее взгляд на мгновение прояснился, в нем вспыхнула старая искра ярости, но тут же погасла, поглощенная апатией.

- Пришла посмотреть на триумф? - хрипло спросила она.

- Я пришла узнать правду, - я остановилась у порога, не желая входить в ее личное пространство. - Олег... что он сделал?

Марина издала короткий, лающий смешок, который перешел в кашель.

- Он был гением манипуляции, Лера. Ты думала, он твой рыцарь? Он пришел ко мне за полгода до твоего падения. Сказал, что ты переросла гимнастику, что тебе нужно нормальное будущее рядом с ним. И предложил сделку. Я создаю условия, при которых ты "случайно" ошибаешься, а он обеспечивает мне финансирование школы через свои каналы.

- Условия? - я почувствовала, как во рту пересохло. - Какие условия?

- Магnezия, - она посмотрела на свои руки, будто видела на них невидимую пыль. - Он принес специальный состав. Если его добавить в обычную магnezию, сцепление с брусьями меняется через пять минут работы. Микроскопическое скольжение. Ты его даже не почувствуешь, пока не станет слишком поздно.

Я вспомнила тот день. Холодный металл брусьев. Белое облако порошка. Мой уверенный хват. А потом... потом мир просто перевернулся. Я не удержалась в высшей точке амплитуды. Я летела вниз, зная, что приземление будет катастрофой.

Мои колени коснулись пола раньше, чем я успела это осознать. Это не было обмороком. Это было физиологическое решение тела - прекратить сопротивляться гравитации. Я сидела на дорогом ковре Олега, среди его вещей, и чувствовала, как внутри меня что-то окончательно и бесповоротно засыхает. Ксилема и флоэма моей души больше не проводили жизнь.

- Почему вы это сделали? - спросила я, глядя в пустоту. - Вы ведь любили спорт.

- Я любила победы, - отрезала Марина. - А ты начала сомневаться. Олег сказал, что ты все равно уйдешь, так почему бы не уйти с пользой для школы? Он платил мне три года. А потом начал шантажировать. Требовал все больше. Он превратил мою жизнь в ад, Лера. Твой "святой" Олег был паразитом. Он присосался к моей совести и сосал из меня деньги, пока не сдох.

Я слышала шаги за спиной. Марк вошел в комнату. Он посмотрел на меня, сидящую на полу, потом на Марину. В его глазах не было жалости, только холодный расчет ликвидатора.

- Хватит, - сказал он. - Уходите, Марина. Завтра мои юристы свяжутся с вами. Мы обсудим возврат средств, которые вы перечисляли Олегу. И не вздумайте исчезнуть.

Когда она ушла, в квартире воцарилась тишина, нарушаемая только шорохом дождя. Марк подошел ко мне и протянул руку. Я посмотрела на его ладонь - широкую, с мозолями, надежную. Но я не взяла ее. Я поднялась сама, опираясь на край кровати. Моя спина была прямой, лопатки привычно ныли, но внутри было пусто.

- Ты знал? - спросила я, глядя ему прямо в глаза.

- Я догадывался, что Олег не так прост, - Марк не отвел взгляда. - Но я не знал деталей. Я думал, он просто играет в свои финансовые игры. Я не думал, что он... - он запнулся, и это была первая живая пауза в его речи. - Что он так поступил с тобой.

- Он заказывал мне цветы, - я начала смеяться, и этот звук испугал меня саму. Он был сухим, как треск ломающихся стеблей. - Он присылал мне букеты через мой же магазин, оплачивая их деньгами, которые он вымогал у женщины, сломавшей мне жизнь по его же просьбе. Это... это просто гениально. Какая композиция! Какая симметрия! Дефицит света, застойная влага, полная деградация корней.

- Лера, прекрати, - Марк сделал шаг ко мне, его лицо на мгновение смягчилось.

- Не подходи, - я выставила руку вперед. - Ты такой же, Марк. Ты все упорядочиваешь. Ты хочешь, чтобы все было по правилам. Но в жизни нет правил. Есть только борьба за выживание. И твой брат в ней победил. Даже мертвый, он продолжает вырывать у меня почву из-под ног.

Я вышла из квартиры, не оглядываясь. На лестнице я едва не упала - координация окончательно подвела меня. Мир вокруг качался, как верхушки деревьев во время урагана.

Я вышла на улицу. Ливень почти прекратился, оставив после себя липкий туман и запах мокрого асфальта. Я шла по городу, не разбирая дороги. Мои мысли были как перепутанные стебли плюща - не распутать, только резать по живому.

Все эти годы я строила свою жизнь на фундаменте этой травмы. Я сделала ее своей идентичностью. "Лера, которая не смогла". А оказалось, что я - "Лера, которую предали". Разница была огромной. В первом случае я была субъектом, во втором - просто материалом. Куском глины, из которого Олег лепил свой идеальный мир, где я всегда была под рукой, зависимая и благодарная.

Я вернулась в мастерскую. Там все еще пахло Анной и ее горькими духами. Я включила свет. Мои цветы смотрели на меня из ваз. Тысячи немых свидетелей моих попыток создать красоту из хаоса.

Я подошла к рабочему столу. Там лежал недоделанный заказ. Букет для женщины, которая потеряла мужа. Я взяла розу, тугую, холодную. Ее лепестки были идеальными, но я знала, что внутри уже начался процесс увядания. Это неизбежно.

Телефон снова ожил. Смс от Марка.

"Последний букет в списке. Тот, который предназначен тебе. Олег оплатил его за месяц до смерти. Доставка должна быть завтра. Посмотри в сейфе магазина. Там есть письмо".

Я почувствовала, как по спине пробежал холод. Сейф. Небольшой металлический ящик под прилавком, ключ от которого был только у меня. Я никогда не заглядывала в дальний угол, где хранились старые накладные.

Я опустилась на колени - физическая нагрузка на суставы сейчас была единственным, что удерживало меня в реальности. Открыла сейф. Руки действовали на мышечной памяти, быстро и четко. Среди бумаг лежал конверт. Тяжелый, из дорогой крафтовой бумаги.

На нем было написано мое имя почерком Олега. Текучим, каллиграфическим почерком человека, который никогда не сомневался в своем праве распоряжаться чужими судьбами.

Я открыла его. Внутри не было письма в обычном понимании. Там была фотография. Старое фото с моих первых соревнований. Я на бревне, в полете, руки раскинуты, как крылья. Я выглядела абсолютно счастливой и абсолютно неуязвимой.

И записка. "Чтобы ты всегда помнила, как высоко ты умеешь летать. Даже если я подрезал тебе крылья, я сделал это, чтобы ты не разбилась о небо".

Я скомкала бумагу. Этот цинизм был запредельным. Он не просто сломал меня, он хотел, чтобы я была ему за это благодарна. Это была высшая форма контроля - контролировать даже мое восприятие его предательства.

В этот момент дверь мастерской скрипнула. Я не обернулась. Я знала этот шаг. Тяжелый, уверенный, распределенный на обе стопы. Марк.

- Ты нашла его? - спросил он. Его голос звучал приглушенно в тишине магазина.

- Он был безумен, Марк, - сказала я, все еще глядя на фотографию. - Твой брат был психопатом. А я была его любимым комнатным растением. Он подрезал мне корни, чтобы я помещалась в его горшок.

Марк подошел и встал рядом. Он не пытался меня обнять или утешить. Он просто стоял, как скала, о которую можно было опереться, если бы я решилась.

- Он всегда ненавидел хаос, - тихо произнес Марк. - Он пытался подчинить себе все. Даже любовь. Особенно любовь.

- Это не любовь, - я наконец подняла на него глаза. - Любовь - это когда дают свет. А он создавал тень.

Марк посмотрел на меня, и в его взгляде я впервые увидела не логику и не "ликвидатора". Я увидела человека, который так же, как и я, всю жизнь пытался отмыться от наследия своего брата. Мы оба были заложниками Олега. Он - его долгов и тайн, я - его иллюзий.

- Что ты будешь делать с букетом? - спросил он. - С тем, который он заказал для тебя?

Я посмотрела на пустую вазу на столе.

- Я соберу его, - сказала я, и мой голос обрел ту самую стальную нотку, которая была у меня перед выходом на помост. - Но это будет не букет Олега. Это будет букет для меня. Из тех цветов, которые я выберу сама. Без его сценариев.

Марк кивнул. Он понял.

- Я помогу, - сказал он. - Не как заказчик. Как... - он запнулся, подыскивая слово. - Как свидетель.

Я посмотрела на свои руки. Они были испачканы в земле и соке растений. Моя спина была прямой. Мой центр тяжести был на месте. Впервые за много лет я чувствовала, что стою на полу, а не на тонком бревне над пропастью.

- Знаешь, Марк, - сказала я, подходя к холодильнику с цветами. - У растений есть удивительная способность. Регенерация. Если срезать стебель, они пускают новые побеги. Иногда они становятся даже сильнее, чем были раньше. Главное - чтобы почва была чистой.

Я начала доставать цветы. Это были не розы и не лилии. Я брала чертополох, жесткие стебли эвкалипта, колючие протеи и темные, почти черные каллы. Это была композиция не про нежность. Это была композиция про выживание.

Марк молча наблюдал за моими движениями. Он видел, как я отсекаю лишние листья, как соединяю элементы, которые казались несовместимыми. Это была математика боли, превращенная в эстетику силы.

Когда букет был готов, он выглядел диким, агрессивным и невероятно красивым. В нем не было гармонии, к которой я стремилась раньше. В нем была правда.

- Это красиво, - сказал Марк.

- Нет, - ответила я. - Это честно.

Я взяла телефон и набрала номер, который знала наизусть, но не использовала три года.

- Алло, Марина? - сказала я, когда на том конце сняли трубку. - Завтра я приду в школу. Нет, не тренироваться. Я принесу вам цветы. И мы поговорим о том, как вы будете возвращать долги. Всем нам.

Я положила трубку и посмотрела на Марка.

- Теперь ты можешь закрывать свои папки, - сказала я. - Проект "доставки" окончен. Осталась только реальная жизнь.

Он посмотрел на меня, и на его губах появилась слабая, почти незаметная улыбка.

- Реальная жизнь - это хаос, Лера. Ты уверена, что готова?

- Я гимнастка, Марк, - ответила я, поправляя воротник куртки. - Моя работа - сохранять равновесие там, где другие падают.

Мы вышли из мастерской вместе. Дождь закончился, и над городом вставало бледное, холодное утро. Воздух был чистым и свежим, как после дезинфекции. Я чувствовала каждую мышцу своего тела, и эта боль была приятной. Это была боль живого существа, которое наконец-то выбралось из тесного горшка на открытый грунт.

Тень Олега все еще следовала за нами, но теперь она была просто тенью. Она больше не имела власти над плотностью воздуха или ритмом моего сердца. Я шла вперед, и каждый мой шаг был точным, выверенным и абсолютно свободным.

Впереди был долгий путь разборов завалов, судов и новой правды. Но сейчас, в этом утреннем свете, я знала одно: мой тургор в норме. И я больше не боюсь упасть, потому что теперь я знаю - я сама выбираю, где мне приземлиться.

Марк шел рядом, его плечо иногда касалось моего, и это касание не вызывало желания отстраниться. Это был контакт двух автономных систем, которые решили на время синхронизировать свои орбиты. Без обязательств, без контрактов, просто потому, что вдвоем легче держать баланс в мире, который так и норовит уйти у тебя из-под ног.

- Кофе? - спросил он, когда мы дошли до его машины.

- Кофе, - согласилась я. - И никаких цветов. По крайней мере, сегодня.

Мы сели в машину, и я закрыла глаза. В моей голове все еще крутилась фотография - я в полете. Но теперь я знала: полет не закончился травмой. Он просто затянулся. И сейчас я наконец-то коснулась земли. Твердой, настоящей земли, на которой можно не только стоять, но и расти.

И это было самое прекрасное ощущение в моей жизни. Физиологически безупречное. Математически точное. Мое.

Глава 6: Ночной визит

Ночной воздух в мастерской всегда тяжелее дневного. Он пропитан запахом застоявшейся воды в ведрах, срезанных стеблей и едва уловимым ароматом эвкалипта, который в темноте кажется почти медицинским. Я стояла у длинного рабочего стола, зачищая пачки кустовой розы. Шипы поддавались ножу с сухим, коротким хрустом. Это был механический процесс, который помогал мне восстановить внутренний баланс. В гимнастике это называлось центровкой: когда ты чувствуешь свою ось, проходящую от макушки до самых пяток, и мир вокруг перестает вращаться слишком быстро.

Мои пальцы двигались привычно, без лишних усилий. Каждое движение было выверено до миллиметра. Если бы я сейчас стояла на бревне, мой центр тяжести находился бы в идеальной точке. Но я стояла на кафельном полу, и единственным моим снарядом был нож. Я думала о том, что люди часто напоминают мне эти розы. Мы обрезаем лишнее, пытаемся придать форму, ставим в холодную воду, чтобы продлить агонию, которую называем жизнью. У некоторых растений тургор восстанавливается быстро, стоит только обновить срез. Другие же, сколько ни подрезай, остаются вялыми, их клетки потеряли способность удерживать влагу. Это необратимо. Это клеточная усталость.

Колокольчик над дверью звякнул неожиданно резко. Я не вздрогнула, только нож чуть глубже ушел в стебель, оставляя кривой, рваный след. Неправильно. Это нарушение технологии. Я выпрямила спину, чувствуя, как лопатки привычно сходятся к позвоночнику. Этот жест был моей броней.

На пороге стоял Марк. Он выглядел так, будто только что вышел из затяжного боя, в котором формально победил, но потерял всякое желание праздновать. Его пальто было растянуто, в одной руке он держал темную бутылку без этикетки, в другой - помятую картонную коробку. Его походка была тяжелой, пятки впечатывались в пол с глухим стуком. Он не пытался быть вежливым. Он просто вошел, нарушая стерильную геометрию моего пространства.

- Не спишь, - это не был вопрос. Его голос звучал как сухая ветка, сломанная на морозе. Минимум обертонов, только функциональность.

- Розы не ждут, пока я выплыву, - ответила я, не откладывая нож. - У них свой график увядания. Зачем ты здесь, Марк?

Он прошел к столу и поставил бутылку прямо на влажную поверхность, рядом с ошметками листьев. Я поморщилась. Это было похоже на то, как если бы кто-то наступил в грязной обуви на магнезию перед моим выступлением. Нарушение порядка. Хаос.

- У меня есть вино. И есть письма, - он кивнул на коробку. - Я не хотел оставаться с этим один на один в пустой квартире. Там слишком много эха.

Он сел на высокий табурет, распределив вес на одну сторону. Его левое плечо было чуть выше правого. Асимметрия. В моем мире это означало бы немедленную дисквалификацию за плохую осанку, но здесь, в полумраке мастерской, это выглядело как физическое проявление усталости. Он был похож на растение, которое слишком долго росло в тени и вынуждено было искривлять ствол в поисках света.

- Я не пью на работе, - сказала я, хотя знала, что вру.

- Сегодня ты не работаешь, Лера. Сегодня ты соучастница, - он достал из кармана штопор. Профессиональное движение, минимум усилий. Пробка вышла с коротким, сочным звуком.

Я принесла два стеклянных стакана, которые обычно использовала для гиацинтов. Мы сели на пол, прямо среди ящиков с зеленью. Холод кафеля просачивался сквозь джинсы, напоминая о том, что я все еще существую в физическом мире. Марк разлил вино. Оно было густым, почти черным, с запахом земли и переспелых ягод.

- Мой брат был мастером создавать проблемы, - Марк сделал глоток, его кадык дернулся. - Но он был еще большим мастером их описывать. Он писал письма, которые никогда не отправлял. Целая коробка исповеданий, за которые его могли бы посадить, если бы он не выбрал более быстрый способ уйти.

Он вытащил из коробки конверт, пожелтевший по краям. Бумага была плотной, из тех, что впитывают влагу из воздуха и со временем становятся хрупкими, как сухие листья гербария.

- Послушай это, - он начал читать. Его голос был ровным, лишенным эмоций, как будто он зачитывал техническую инструкцию к неисправному прибору. - Десятое марта. Я снова это сделал. Деньги были в сейфе, код я подсмотрел еще неделю назад. Это было похоже на игру в ассоциации. Я не чувствовал вины, Марк. Я чувствовал только, как кровь стучит в висках. Как будто я наконец-то сорвал джекпот, хотя на самом деле я просто украл у собственного брата его уверенность в завтрашнем дне. Я потратил их за одну ночь. Не спрашивай, на что. На иллюзию того, что я могу быть кем-то другим.

Марк замолчал. Он смотрел в стакан, как будто пытался найти там остатки того самого джекпота. Воздух в мастерской стал плотнее. Я чувствовала, как сокращается дистанция между нами. Не физически - мы все еще сидели в метре друг от друга, - а на уровне давления. Как будто в комнате включили насос, выкачивающий кислород.

- Он украл у тебя? - спросила я. Мои мышцы спины были напряжены так, будто я готовилась к прыжку. - И ты просто молчал все это время?

- Я вычищал за ним, - Марк бросил письмо обратно в коробку. - Всегда. Он ломал, я чинил. Он сжигал мосты, я строил понтоны. Это была наша динамика. Он был стихийным бедствием, а я - службой спасения. Знаешь, в чем проблема любви, Лера? Она лишает тебя логики. Ты видишь, что растение заражено паразитами, что оно гниет изнутри, но ты продолжаешь его поливать, надеясь на чудо. А чуда не бывает. Бывает только некроз тканей.

Его слова задели что-то внутри меня. Этот его цинизм был мне понятен. Это была та же самая защита, которую использовала я, называя чувства ботаническими терминами. Мы оба пытались стерилизовать свою боль, превратить ее в лабораторный образец под стеклом.

- Ты не мог его спасти, - сказала я, глядя на его руки. Большие, с мозолями на ладонях. Руки человека, который привык работать с металлом или деревом, а не с хрупкими чувствами. - Некоторые люди рождаются с дефектом корневой системы. Они не могут закрепиться в почве. Любой порыв ветра вырывает их с корнем, и неважно, сколько удобрений ты в них вложил.

Марк поднял глаза. В них не было сочувствия, только холодная оценка. Он смотрел на меня так, будто проверял мою конструкцию на прочность.

- Ты так рассуждаешь, потому что сама боишься пустить корни, - его фраза была как резкий толчок в плечо на бревне. Я почувствовала, как теряю равновесие. - Ты прячешься за этими цветами, за своими графиками и договорами с мертвецами. Ты создаешь идеальный мир, где все под контролем, потому что боишься, что настоящий мир тебя раздавит. Как тот парень, который бросил тебя, когда ты упала.

Я замерла. Воздух застрял в горле, как комок сухой земли. Откуда он знает? Хотя, это неважно. В его мире информация - это ресурс. Он просто навел справки.

- Мое падение не касается дела, - мой голос прозвучал суше, чем мне хотелось бы. - Мы говорим о твоём брате и его письмах.

- Мы говорим о том, почему мы оба сидим ночью в цветочном магазине и пьем дешевое вино, - отрезал он. - Хватит держать спину, Лера. Здесь нет судей. И оценок за артистизм никто не поставит.

Он придвинулся ближе. Теперь я чувствовала тепло его тела. Это было странное ощущение - как будто я слишком долго находилась в холодильнике для цветов и вдруг вышла на солнце. Моя кожа отозвалась легким покалыванием. Мышечная память подсказала: опас-

ность, сокращение дистанции ведет к потере контроля. Но я не отодвинулась. Я заставила себя остаться на месте, чувствуя, как обе стопы плотно прижаты к полу. Опора. Мне нужна была опора.

Марк снова полез в коробку. Он перебирал бумаги с каким-то остервенением, как будто искал там ответ на вопрос, который боялся задать вслух.

- Он писал о женщинах, - продолжал Марк, его голос стал тише. - О тех, кому он отправлял букеты. Он видел в них то, чего не видел в себе. Красоту, которая не требует оправданий. Он покупал их внимание цветами, потому что не верил, что его можно любить просто так. Без этого антуража. Он создавал легенду о великом романтике, чтобы скрыть мелкого воришку и лжеца.

- Ты его ненавидишь? - я смотрела на профиль Марка. Резкая линия челюсти, упрямый подбородок.

- Я ему завидую, - бросил он, и это было самое честное, что я от него слышала. - Он умел чувствовать на полную мощность. Да, это было разрушительно. Да, это было эгоистично. Но он жил. А я... я просто страхую риски.

Он вытащил очередную пачку бумаг, и из нее что-то выпало. Маленький прямоугольник, приземлившись рубашкой вверх на кафель. Марк не заметил, он продолжал читать какое-то письмо, хмурясь и поджимая губы. А я протянула руку и подняла карточку.

Это была фотография.

Мир вокруг меня на мгновение замер. Время растянулось, как перед сложным прыжком, когда ты видишь каждую пылинку в луче прожектора. На снимке была я. Десять лет назад.

Я стояла на краю ковра, в том самом синем купальнике со стразами, который колот мне кожу в области пройм. Мои волосы были затянуты в такой тугий пучок, что кожа на висках казалась прозрачной. Я смотрела в камеру, но не видела ее. Мой взгляд был устремлен куда-то внутрь, туда, где я выстраивала сложную схему предстоящего выступления. На заднем плане была видна часть трибун и размытая фигура тренера.

Но самое странное было не это. Фотография была не официальным снимком с соревнований. Она была сделана сбоку, из-за кулис. Кто-то поймал тот самый момент уязвимости, когда маска "железной девочки" еще не была надета, а обычный страх еще не был упакован в дисциплину.

Я чувствовала, как мои пальцы начинают дрожать. Это было физиологическое предательство. Мое тело, мой идеальный инструмент, выходило из-под контроля. Сердце забило в рваном ритме, нарушая всю выстроенную годами кардиологическую гармонию.

- Откуда это у него? - мой голос сорвался на шепот.

Марк перестал читать и посмотрел на меня, потом на фотографию в моих руках. Его брови сошлись у переносицы. Он явно не ожидал этого.

- Дай сюда, - он взял снимок. Его пальцы коснулись моих, и этот контакт был как электрический разряд, заставивший мои мышцы сократиться.

Он долго рассматривал фото. Тишина в мастерской стала звенящей. Было слышно, как работает компрессор в холодильнике, как где-то в углу капает вода.

- Это ты, - сказал он наконец. Это не было открытием, скорее констатацией факта, который ломал всю его логическую цепочку. - Ты занималась гимнастикой. Я знал об этом из досье, но...

- Но ты не знал, что твой брат хранил мое фото в коробке со своими самыми постыдными секретами, - закончила я за него. - Марк, я никогда не была с ним знакома. По крайней мере, я так думала. Я не помню его.

- Он был на тех соревнованиях в Сочи, - Марк перевернул фотографию. На обороте карандашом было написано: "Сочи, 2014. Она не упадет. Даже если захочет".

Я закрыла глаза. Сочи. Мой последний турнир. Тот самый, где я все-таки упала. Где мой голеностоп подвернулся на приземлении со звуком, который я до сих пор слышу в кошмарах. Тот турнир, после которого мой тогдашний партнер сказал, что не готов тратить время на "бракованный материал".

- Он видел мое падение, - сказала я, открывая глаза. - Он видел, как я сломалась. Почему он хранил это? Почему я?

Марк смотрел на меня, и в его взгляде что-то изменилось. Исчезла эта броня циника, эта бесконечная попытка все упорядочить. Он выглядел растерянным. Его центр тяжести сместился, он больше не контролировал ситуацию.

- Может быть, потому что он искал кого-то, кто понимает цену безупречности, - тихо произнес Марк. - Или кого-то, кто знает, что происходит после того, как свет прожекторов гаснет. Лера, мой брат не просто отправлял цветы. Он искал спасения. И, кажется, он думал, что ты - та, кто может его понять.

Я почувствовала, как по спине пробежал холод. Это было не от кафельного пола. Это было осознание того, что моя жизнь, которую я так старательно запечатывала в вакуумную упаковку, все это время была под чьим-то наблюдением. Что я была не просто функцией, не просто флористом, выполняющим условия контракта. Я была частью чьего-то внутреннего хаоса.

- Это меняет все, - я забрала фотографию у него из рук. Бумага была теплой от его прикосновения. - Весь этот проект с доставками... это не просто этика. Это было личное. Он выбрал меня не случайно.

- Похоже на то, - Марк потянулся к бутылке и налил себе еще вина. Его рука была твердой, но я видела, как напряжены мышцы его челюсти. - Он затянул нас обоих в свою игру, Лера. Даже после смерти он продолжает перемешивать карты.

Я посмотрела на свои руки. На них были следы от сока растений, мелкие царапины от шипов. Это были руки рабочего человека, а не той тонкой девочки на фото. Но внутри, где-то глубоко под слоями дисциплины и иронии, та девочка все еще стояла на краю ковра, затаив дыхание.

- Что мы будем делать? - спросила я, глядя на коробку с письмами. Она теперь казалась мне ящиком Пандоры, который мы только что приоткрыли.

- Дочитаем до конца, - Марк поставил стакан. Его взгляд стал жестким. - Я хочу знать, что еще он скрыл. И я хочу знать, почему последнее имя в списке - твое.

Я вздрогнула. Мой внутренний критик, обычно такой громкий, сейчас молчал. В голове была только одна мысль: мой тургор, моя защита, мой выверенный мир - все это дало трещину. И в эту трещину теперь просачивалось что-то живое, пугающее и абсолютно не поддающееся контролю.

- Ты сказал, что последнее имя - мое? - я переспросила, хотя прекрасно его слышала.

- В списке доставок, который он оставил адвокату, последняя позиция была помечена красным, - Марк вытащил из кармана сложенный лист бумаги. Его личный список дел, его карта эвакуации. - Там нет адреса. Там только твое имя. И дата. Через три дня.

Я посмотрела на календарь на стене. Через три дня была годовщина моего падения. Десять лет. Круглая дата моего краха.

- Он знал, - прошептала я. - Он знал все.

Марк встал. Он больше не казался усталым. В нем проснулся тот самый ликвидатор, человек, который привык решать проблемы. Но сейчас он не решал проблему. Он входил в нее вместе со мной.

- Я не оставляю тебя с этим, - он подошел ближе. Его присутствие меняло плотность воздуха. Я чувствовала запах его парфюма - горький табак и что-то древесное. Это был запах надежности, которая сейчас казалась мне самой опасной вещью на свете.

Я тоже встала. Моя спина была прямой, как струна. Но это не была защита. Это была готовность. Как перед выходом на снаряд, когда ты знаешь, что пути назад нет. Есть только ты и гравитация.

- Нам нужно найти последний букет, Марк. Тот, который он предназначил мне. Если он знал дату, он мог оставить инструкции где-то еще. Не в этих письмах.

Марк кивнул. Он смотрел на меня так, будто видел впервые. Не флориста, не "железную леди", а ту самую девочку в синем купальнике, которая вот-вот должна прыгнуть.

- Мы найдем его, - сказал он. - Даже если мне придется перерыть весь этот город.

Он протянул руку и на мгновение коснулся моей щеки. Его пальцы были шероховатыми, но это прикосновение было физиологически безупречным. Оно не вызвало желания отстраниться. Наоборот, оно дало мне ту самую точку опоры, которой мне не хватало все эти десять лет.

Я знала, что завтра будет новый день. Будут новые розы, новые клиенты и новые попытки удержать баланс. Но сейчас, в этой ночной мастерской, среди запаха увядания и старых писем, я впервые почувствовала, что падение - это не конец. Это просто начало другого движения.

Воздух в мастерской перестал быть тяжелым. Он стал живым. И я была готова дышать им в полную силу.

- Пошли, - сказала я, забирая коробку. - У нас мало времени.

Марк не спросил, куда мы идем. Он просто пошел следом, и его шаги теперь звучали в унисон с моими. Это был контакт двух систем, которые наконец-то синхронизировались. Без контрактов. Без гарантий. Просто потому, что вдвоем легче лететь вниз, зная, что внизу есть кому тебя поймать.

Мы вышли в ночь, и колокольчик над дверью звякнул на прощание. В мастерской остались только цветы, медленно раскрывающие свои бутоны в темноте, и фотография десятилетней давности, на которой я наконец-то перестала бояться упасть.

Мой центр тяжести был на месте. И на этот раз он был не только моим.

Мы шли к его машине, и я чувствовала, как напряжение в моих плечах наконец-то сменяется чем-то другим. Это не была слабость. Это была гибкость. Качество, которое я почти потеряла, пытаясь стать каменной. В ботанике это называется эластичностью тканей - способностью возвращаться в исходную форму после деформации.

Но я знала, что в прежнюю форму я уже не вернусь. Деформация была слишком глубокой. И, возможно, это было самым лучшим, что случилось со мной за последнее десятилетие.

Марк открыл дверь машины. В свете уличного фонаря его лицо казалось высеченным из гранита, но в глазах больше не было того холодного безразличия.

- Ты готова? - спросил он.

- Я готова, - ответила я, садясь на сиденье. - И на этот раз я не буду закрывать глаза.

Машина тронулась, оставляя позади мою стерильную мастерскую и мои аккуратно разложенные страхи. Впереди была тайна, которую нам предстояло разгадать вместе. И это было математически точно. Единственно верно. Мое.

Я посмотрела на свои ладони. Они больше не дрожали. Я знала, что через три дня я получу свой букет. И что бы в нем ни было - розы, шипы или просто пустота, - я встречу это стоя на обеих ногах. Распределив вес. Удерживая ось.

Потому что теперь я знала: полет продолжается. И на этот раз я сама выбираю траекторию.

Дождь начал накрапывать на лобовое стекло, превращая огни города в размытые пятна, похожие на неоновые цветы. Я смотрела на них и думала о том, что красота действительно может быть в увядании, если ты не боишься смотреть ему в глаза. И что Марк, со своим сухим цинизмом и тяжелыми шагами, стал для меня тем самым светом, в поисках которого растения искривляют свои стебли.

Мы ехали сквозь ночь, и я чувствовала, как внутри меня начинает расти что-то новое. Что-то, что не нуждается в подкормке или специальном температурном режиме. Что-то дикое, сильное и абсолютно живое.

И это было прекрасное ощущение. Физиологически безупречное.

Я знала, что впереди нас ждут руины, которые оставил после себя его брат. Я знала, что нам придется вычищать эти эмоциональные завалы. Но теперь я не боялась испачкать руки. Потому что рядом был человек, который умел строить понтоны там, где другие видели только пропасть.

- Марк, - позвала я тихо.

- Да? - он не отрывал взгляда от дороги.

- Спасибо, что не пришел с розами.

Он коротко усмехнулся, и эта усмешка была теплее любого признания.

- Я учусь, Лера. Медленно, но верно.

Мы ехали в темноту, и я впервые за долгое время чувствовала себя на своем месте. На твердой, настоящей земле, где можно не только стоять, но и расти. И это было все, что мне было нужно.

Глава 6 закончилась, но наша история только начинала обретать свои настоящие очертания. Как букет, который собирают прямо перед выходом к зрителю. Когда каждый цветок находит свою точку опоры. Когда хаос превращается в гармонию.

Я закрыла глаза и прислушалась к ритму своего сердца. Оно билось ровно. Четко. Мощно.

Я была готова к встрече с прошлым. И к тому будущему, которое мы начали строить в ту самую минуту, когда решили открыть ту старую картонную коробку.

Машина летела по мокрому асфальту, и я знала: мы не упадем. Даже если захотим.

Глава 7: Сломленный тургор

Запах магнезии - это запах поражения, завернутый в стерильную упаковку дисциплины. Он забивается в поры, сушит кожу до микротрещин и оседает на языке горьким мелом. В моем цветочном магазине пахнет иначе: там тяжелый, влажный дух гниения, смешанный с триумфом селекции. Там растения борются за каждый люмен света, а здесь, в старом зале на окраине, я борюсь с собственной гравитацией. Мой внутренний тренер, этот бессмертный паразит в затылочной доле мозга, сегодня особенно не в духе. Он чеканит ритм: И-раз, и-два, спину держи, лопатки в замок.

Я стою перед бревном. Десять сантиметров ширины. Это меньше, чем диаметр среднего цветочного горшка для орхидеи, но на этих десяти сантиметрах уместается вся моя деформированная биография. Когда растение теряет тургор - давление внутри клеток, - оно поникает. Листья становятся похожими на тряпки, стебель клонится к земле, жизнь вытекает через невидимые прорехи. У меня сегодня дефицит давления. Я чувствую себя как пересушенная гортензия, которую забыли в углу склада. Мои мышцы помнят, как быть сталью, но мозг превратился в кашу из недосказанных фраз Марка и запаха мокрого асфальта из той ночной поездки.

- Опора на обе стопы, Лера, - шепчу я себе под нос. - Вес по центру. Не заваливайся на внешнее ребро.

Я запрыгиваю на снаряд. Холодное дерево обжигает ступни. Это физиологическая оценка: дерево гладкое, но с едва заметными зазубринами. Моя мышечная память - это жесткий диск, который невозможно отформатировать. Я делаю шаг. Пятка, пережат, носок. Взгляд зафиксирован в одной точке на стене, там, где облупилась краска, образовав пятно, похожее на очертания Австралии. Если я отведу взгляд, я упаду. В жизни все точно так же, только вместо стены - обязательства перед мертвым братом Марка, а вместо бревна - зыбкая почва под ногами, которую я пытаюсь выдать за фундамент.

Марк появился в зале через двадцать минут после начала моей тренировки. Я не видела его, но почувствовала изменение плотности воздуха. Знаете, как растения реагируют на появление вредителя или, наоборот, на резкое изменение влажности? У меня поползли мурашки вдоль позвоночника, а центр тяжести предательски сместился на полмиллиметра влево. Он сел на трибуне, на третьем ряду. Я видела его периферийным зрением - темное пятно на фоне выцветших синих сидений. Его поза была типичной для него: локти на коленях, спина прямая, но без той избыточной натянутости, которая выдает страх. Он сидел как человек, привыкший наблюдать за разрушениями, которые он не в силах предотвратить.

- Ты нарушаешь мою аэродинамику, - сказала я, не поворачивая головы. Голос прозвучал глухо, отразившись от высоких потолков зала.

- Продолжай, - его голос долетел до меня как короткий, рубленый импульс. - Я просто смотрю.

- Ты не просто смотришь. Ты анализируешь. Пытаешься понять, где у меня системная ошибка.

Я сделала мах ногой. Выше, еще выше. Мышцы бедра натянулись до боли. Это была хорошая боль, честная. Она не врала, в отличие от всех тех людей, что заказывают букеты с записками Вечно твой, зная, что завтра изменят. Марк молчал. Его молчание было тяжелым, оно давило на плечи, заставляя меня выпрямляться еще сильнее, до хруста в позвонках. Мой внутренний критик орал: Он видит, что ты неустойчива! Он видит твой сломленный тургор!

Я попыталась сделать поворот на одной ноге. Это базовый элемент, я делала его тысячи раз в детстве, даже когда у меня была температура под сорок и мир кружился в обратную сторону. Но сегодня бревно под ногами вдруг стало жидким. Я почувствовала, как стопа соскальзывает. Это было похоже на фальшивый шаг, на ложь, которую ты произносишь, зная, что

тебя поймают. Воздух свистнул в ушах. Мое тело среагировало быстрее, чем сознание успело испугаться. Я не упала плашмя - это было бы слишком непрофессионально. Я сорвалась, но удержалась на ногах, прыгнув на маты с тяжелым, глухим звуком. Удар отозвался в коленях, прошил позвоночник и затих где-то в районе затылка.

Я стояла, тяжело дыша, и смотрела на свои руки. Они были белыми от магнезии, как у призрака.

- Плохой тайминг, - Марк уже спускался с трибун. Его шаги были четкими, функциональными. Он шел по залу так, будто проверял прочность напольного покрытия. - Ты не в фокусе.

- Я в фокусе, - огрызнулась я, вытирая руки о трико. - Просто здесь слишком много посторонних предметов. Включая тебя.

Он подошел вплотную. От него пахло кофе и холодным офисным воздухом - ни намек на цветы, ни намек на жизнь. Он был как идеально сконструированный механизм, у которого нет лишних деталей. Он посмотрел на мои ноги, потом в глаза. В его взгляде не было жалости, только сухая констатация факта.

- Ты дрожишь, Лера. Это не физика. Это психосоматика. Ты пытаешься удержать равновесие там, где его давно нет. Весь этот проект с букетами - это попытка реанимировать труп. Растение с гнилыми корнями не даст новых побегов, сколько его ни поливай.

- Ты ничего не понимаешь в ботанике, Марк. Иногда растению нужно просто сменить грунт. Или обрезать все лишнее.

- И что ты сейчас обрезаешь? - он сделал шаг еще ближе. Теперь я чувствовала тепло его тела, и это раздражало больше, чем его слова. Это тепло нарушало мою стерильную изоляцию. - Свое прошлое? Или мое присутствие?

- Свою зависимость от чужих ожиданий, - я выпрямилась, проверяя опору. Стопы плотно прижаты к мату. Вес распределен равномерно. Я снова была в безопасности своей спортивной брони. - Зачем ты пришел сюда? У нас не было назначено встреч.

Марк засунул руки в карманы куртки. Его плечи были напряжены - я видела это по тому, как натянулась ткань. Он явно подбирал слова, экономя их, как последний запас кислорода в баллоне.

- Я просматривал старые счета брата. И его контакты. Пытался понять, с чего все началось. С того самого первого букета, который ты доставила.

Я замерла. Тот первый букет. Гортензии цвета грозового неба. Они были идеальными, с плотными соцветиями, без единого коричневого пятнышка на лепестках. Я помнила их, потому что они были первыми в списке этого странного контракта.

- И что? Нашел что-то, что не вписывается в твою логическую цепочку?

Марк посмотрел мимо меня, на бревно, которое тускло поблескивало под лампами дневного света.

- Я знал того, кто сделал этот заказ. Вернее, того, кто попросил моего брата организовать эту систему доставок.

Мой внутренний критик замолчал. В зале стало так тихо, что я слышала, как гудит трансформаторная будка за стеной. Мои лопатки свело судорогой. Я знала этот тон. Так говорят, когда собираются нанести удар, от которого не спасает никакая страховка.

- О ком ты говоришь? - мой голос стал тонким, как лист папируса.

- Твой тренер, Лера. Виктор Петрович. Это он был инициатором.

Мир не перевернулся. Он просто застыл. Мои ноги, которые только что казались мне надежной опорой, вдруг превратились в этиолированные побеги - длинные, слабые, лишённые хлорофилла. Виктор Петрович. Человек, который научил меня стоять на этом чертовом бревне. Человек, который на глазах у всей сборной сказал, что я - отработанный материал, когда я сорвалась на чемпионате. Он не просто бросил меня, он выставил мою слабость на витрину, как увядающий цветок со скидкой девяносто процентов.

- Этого не может быть, - я попыталась усмехнуться, но губы не слушались. - Он ненавидел слабость. Он ненавидел сантименты. Он бы не стал заказывать цветы. Он бы скорее заказал эпитафию на моей карьере.

- Он и заказал, - Марк шагнул ко мне, и на этот раз я не отстранилась. Мне нужно было за что-то зацепиться, хотя бы за его холодный, расчетливый взгляд. - Только это была не эпитафия. Это был способ контроля. Он хотел знать, где ты, что с тобой происходит. Он использовал моего брата, потому что тот был должен ему денег. Большая сумма, карточные долги, ничего нового. Виктор Петрович оплатил долг, а взамен получил курьера для своих... извинений? Или что это было для него?

Я почувствовала, как во мне закипает ярость - чистая, концентрированная, как удобрение в гранулах. Она жгла изнутри, восстанавливая мой тургор, но это была неправильная энергия. Это была энергия разрушения.

- Извинений? - я почти прошипела это слово. - Он уничтожил мою жизнь. Он заставил меня поверить, что я - ничто без его команд. И ты хочешь сказать, что все эти годы я доставляла цветы по его поручению? Я была его почтальоном, даже не зная об этом?

- Не все цветы, - Марк нахмурился. - Только первую партию. Потом брат втянулся сам. Ему понравилась игра. Ему нравилось чувствовать себя кукловодом. Но началось все с твоего тренера.

Я развернулась и ударила кулаком по бревну. Кожа на костяшках мгновенно лопнула, магнезия смешалась с каплями крови. Боль была отрезвляющей. Она вернула меня в реальность, где нет красивых букетов и благородных жестов, а есть только расчет и старые обиды, замаскированные под заботу.

- Почему ты говоришь мне это сейчас? - я повернулась к Марку. Мое лицо горело. - Почему не в машине? Почему здесь, в этом зале?

- Потому что здесь ты не можешь спрятаться за своими цветами, Лера. Здесь ты - спортсменка. А спортсмены умеют принимать правду, какой бы грязной она ни была. Я хотел, чтобы ты увидела это место без иллюзий.

Я смотрела на него и видела в его глазах отражение своей собственной травмы. Он тоже был ликвидатором. Он тоже всю жизнь вычищал чужую грязь. Мы были двумя сорняками на одной заброшенной клумбе, просто я пыталась цвести, а он - просто выжить.

- Ты жестокий человек, Марк.

- Я честный человек. Это эффективнее.

Он подошел и взял мою руку. Его ладонь была горячей. Он достал из кармана чистый носовой платок и начал вытирать кровь с моих костяшек. Его движения были точными, почти хирургическими. Никаких лишних касаний. Никакой нежности. Только функциональность.

- Мы найдем их всех, Лера. Всех, кому предназначались эти букеты. И мы поймем, зачем мой брат продолжал это дело после того, как твой тренер отошел от дел. Там есть еще кто-то. Кто-то, кто стоит за последним списком.

Я смотрела на его склоненную голову. В этот момент я физически ощутила, как плотность воздуха вокруг нас снова изменилась. Это было не напряжение, это было что-то другое. Диффузия. Проникновение одной субстанции в другую. Мой внутренний критик молчал, ошарашенный новостями.

- Последний букет, - прошептала я. - В списке остался последний адрес.

Марк поднял глаза. Его лицо было совсем близко. Я видела каждую пору на его коже, каждую мелкую морщинку у глаз. Он не отвел взгляд.

- Я знаю, чей это адрес, - сказал он тихо.

- И чей?

- Твой, Лера. Последний букет предназначен тебе.

В этот момент мое сердце не ухнуло вниз, оно просто сделало лишний, внеплановый удар, нарушая ритм, как сбившийся метроном. Моя мышечная память выдала ошибку доступа. Я стояла на твердом мате, в старом спортивном зале, окруженная запахом магnezии и лжи, и понимала, что равновесие потеряно окончательно.

- От кого? - я едва нашла в себе силы задать этот вопрос.

- От него, - Марк отпустил мою руку. - От моего брата. Он написал это в примечании к договору. Доставить Валерии в день, когда она поймет.

- Поймет что?

- Этого он не написал. Видимо, рассчитывал на твою интуицию. Или на мой скверный характер.

Я отошла от него, пятясь, пока не уперлась спиной в холодную стойку брусьев. Металл обжег лопатки через тонкую ткань трико. Все это время я была не просто исполнителем, я была частью этой длинной, выверенной схемы. Моя жизнь, которую я считала своей крепостью, оказалась всего лишь декорацией в чужой пьесе.

- Ты знал об этом раньше? - спросила я, и мой голос сорвался на хрип.

- Нет. Я нашел это сегодня утром. В цифровом архиве, который был зашифрован. Мне пришлось взломать его старый облачный диск.

Марк стоял посередине зала, и в свете ламп он казался единственным реальным объектом в этом мире галлюцинаций. Он был моей точкой опоры, и это пугало меня больше, чем предательство тренера. Если он - моя опора, значит, я полностью завишу от его веса, от его баланса. А Марк - человек, который привык сбрасывать балласт.

- Уходи, - сказала я.

- Лера...

- Уходи, Марк. Мне нужно... мне нужно выровнять тургор. Самой. Без твоих аналитических справок.

Он не стал спорить. Он просто кивнул, коротко и сухо, и пошел к выходу. Его шаги стихали, пока не захлопнулась тяжелая входная дверь.

Я осталась одна в огромном пустом зале. Тишина была такой густой, что ее можно было резать секатором. Я посмотрела на бревно. Десять сантиметров. Вся моя жизнь на десяти сантиметрах.

Я подошла к снаряду и снова запрыгнула на него. На этот раз я не пыталась делать сложные элементы. Я просто стояла, чувствуя, как дерево впивается в ступни. Я закрыла глаза и представила себе тот букет, который должен прийти мне. Что это будет? Розы? Нет, слишком пошло. Лилии? Слишком траурно. Наверное, это будут суккуленты. Те, что могут выжить в самой сухой почве, те, что накапливают влагу внутри себя, не надеясь на дождь.

Мои ноги дрожали, но я держалась. Я физически ощущала, как внутри меня что-то перестраивается. Старые связи рвались, как пересохшие нити мочала, а на их месте возникало что-то новое - жесткое и холодное.

Виктор Петрович. Мой тренер. Мой бог и мой палач. Он хотел извиниться? Или он хотел продолжать владеть моим временем, моим трудом, моими мыслями? В ботанике есть такое понятие - паразитизм. Когда одно растение живет за счет другого, медленно высасывая из него соки. Виктор Петрович был идеальным омелой на моем стволе.

Я открыла глаза. Свет в зале казался слишком ярким, почти болезненным. Я спрыгнула с бревна, на этот раз мягко, по-кошачьи. Мой центр тяжести был на месте. Я больше не была гортензией в углу склада. Я была чем-то другим. Чем-то, что еще не имело названия в моих ботанических справочниках.

Я подошла к своей сумке, достала телефон и набрала номер Марка. Он ответил после первого же гудка.

- Да, - его голос был ровным, как линия горизонта.

- Завтра, - сказала я. - В восемь утра у магазина. Мы поедем по последнему адресу. Но не к нему.

- А куда?

- К Виктору Петровичу. Я хочу лично вручить ему его последний букет. И это будут не гортензии, Марк. Это будет чертополох. Самый колючий, который я смогу найти на складе.

- Принято, - сказал Марк. - Я заеду за тобой.

Я отключила вызов и посмотрела на свои руки. Кровь на костяшках уже подсохла, образовав тонкую темную корочку. Это был мой первый настоящий шрам за долгое время. И он мне нравился. Он был настоящим.

Я вышла из зала, и холодный вечерний воздух ударил мне в лицо, наполняя легкие кислородом. Мой тургор восстанавливался. Медленно, болезненно, но верно. Я больше не была частью чужого сценария. Я начинала писать свой собственный, даже если для этого мне пришлось бы вырвать себя с корнем из всей предыдущей жизни.

Дорога до дома заняла вечность. Я ехала в пустом автобусе, прислонившись лбом к холодному стеклу, и смотрела, как мимо пролетают огни ночного города. Люди в автобусе казались мне странными растениями, высаженными в тесные горшки своих забот. Кто-то был как ухоженный фикус в дорогом офисе, кто-то - как придорожная лебеда, привыкшая к пыли и равнодушию. А я? Я была пересаженным деревом, которое еще не знало, приживется ли оно на новом месте.

Дома я не зажигала свет. Я прошла на кухню, налила себе стакан ледяной воды и выпила его залпом. Вода была вкусной, она как будто вымывала из меня остатки магнезии и горечи. Я зашла в спальню и легла на кровать, не раздеваясь. Спина болела, мышцы ныли, но это была правильная усталость.

В темноте я видела очертания своих цветов на подоконнике. Они спали. Их листья были опущены, процессы фотосинтеза замерли до рассвета. Они не знали, что их хозяйка сегодня сорвалась с бревна, но не разбилась. Они не знали, что завтра начнется война.

Я закрыла глаза и впервые за долгое время уснула сразу, без бесконечного прокручивания в голове схем сборки букетов. Мне снилось бревно. Но оно не было узким. Оно расширялось с каждым моим шагом, превращаясь в бесконечное поле, заросшее дикими цветами. И среди этих цветов шел Марк. Он не анализировал их, он просто шел рядом, и его шаги не нарушали тишину.

Утром я проснулась от звука сообщения. Это был Марк.

Буду через десять минут. Возьми перчатки для чертополоха.

Я улыбнулась. Это была первая искренняя улыбка за последние месяцы. Она не была предназначена для клиентов или для зеркала. Она была для меня.

Я встала, быстро оделась в свою рабочую одежду - плотные джинсы, худи с капюшоном, удобные кроссовки. Никакой косметики, никакой лишней эстетики. Сегодня мне нужна была функциональность.

В магазине пахло свежестью. Ночной завоз еще не распаковали, и коробки стояли в центре зала, как спящие звери. Я прошла в холодильную камеру. Там, в самом углу, стояла ваза с тем самым чертополохом, который я заказала неделю назад по ошибке. Тогда я хотела его выбросить, но что-то меня остановило. Видимо, интуиция, о которой говорил брат Марка.

Я достала его. Стебли были толстыми, покрытыми острыми, жесткими колючками. Соцветия - агрессивно-фиолетовыми, похожими на маленькие взрывы. Это был идеальный цветок для Виктора Петровича. Красивый, гордый и абсолютно неприкасаемый.

Я завернула его в грубую крафтовую бумагу, не пытаясь украсить лентами или зеленью. Это был манифест, а не подарок.

Когда я вышла на улицу, машина Марка уже стояла у входа. Он вышел, чтобы открыть мне дверь. На нем была все та же темная куртка, но взгляд стал другим. В нем появилось что-то похожее на уважение. Или на предвкушение битвы.

- Готова? - спросил он, глядя на мой колючий сверток.

- Всегда готова, - ответила я, садясь в машину. - У меня хорошая мышечная память на предательство. Я знаю, как держать удар.

Мы тронулись с места. Город только просыпался, окутанный серым туманом, который скрывал очертания зданий и людей. Мы ехали навстречу моему прошлому, чтобы окончательно его похоронить.

- Знаешь, Марк, - сказала я, глядя в окно. - В ботанике есть такое явление, как аллелопатия. Это когда одно растение выделяет вещества, подавляющие рост других. Мой тренер был мастером аллелопатии. Он травил все вокруг себя, чтобы казаться единственным гигантом.

- Сегодня мы сменим почву, Лера, - Марк не смотрел на меня, но я чувствовала, как он сжал руль крепче. - И никакие токсины не помогут ему удержаться.

Я кивнула. Мой внутренний критик наконец-то заткнулся. На его месте возникла странная, звенящая пустота, которую мне предстояло заполнить чем-то новым. И я знала, что этот процесс будет долгим. Но тургор был в норме. Я чувствовала это каждой клеткой своего тела. Мы ехали вперед, и впервые за долгое время я не боялась упасть. Потому что знала: даже если я сорвусь, я приземлюсь на обе ноги. И Марк будет рядом, чтобы зафиксировать этот факт в своем логическом блокноте.

Дорога петляла между складскими помещениями и старыми промзонами. Именно здесь, в одном из переоборудованных ангаров, находился частный зал Виктора Петровича. Он всегда любил уединение. Он называл это лабораторией чемпионов. На самом деле это была камера пыток для амбиций.

- Мы на месте, - сказал Марк, припарковав машину у ржавых ворот.

Я взяла свой букет из чертополоха. Колючки прокололи даже плотную бумагу, напоминая о том, что правда всегда имеет острые края.

- Идем, - я открыла дверь. - Пора доставить последний заказ.

Мы вышли в холодный утренний воздух. Ветер донес запах старого металла и влажной земли. Моя спина была идеально прямой. Мои стопы чувствовали опору. Мой центр тяжести был непоколебим. Я была готова к встрече с человеком, который сломал мой тургор много лет назад, не подозревая, что на месте слома всегда образуется самая прочная ткань.

Марк шел на полшага позади, как тень, как страховка, как человек, который знал цену тишине. Мы подошли к двери, и я, не колеблясь, нажала на звонок. Звук эхом разнесся по пустому ангару.

Игра началась. И на этот раз правила устанавливала я. Без длинных тире, без лишних слов, без права на ошибку. Только действие. Только жизнь. Только чертополох.

Глава 8. Адресатка номер три

Подъезд встретил нас запахом кошачьей мочи и влажной извести, который забивается в ноздри и остается там, кажется, на уровне генетической памяти. Это была классическая пятиэтажка, выкрашенная в цвет уставшей морской волны, которая давно смирилась с тем, что она просто грязный бетон. Лифта не было. Для моей мышечной памяти это не проблема, я привыкла считать ступени как элементы обязательной программы. Раз, два, три, фиксация. Четыре, пять, шесть, контроль центра тяжести. Мои икроножные мышцы работали бесшумно, а вот Марк шел тяжело, его ботинки впечатывались в шершавый бетон так, словно он пытался заземлить все это здание вместе с его историей.

- Четвертый этаж, - бросил он, не оборачиваясь.

Его спина была похожа на бронированную плиту. Никакой лишней ротации в пояснице, никакой игры лопаток. Он двигался как человек, который привык нести на себе обломки чужих жизней и не просить о помощи. Его травма ликвидатора проявлялась в каждом шаге: он не шел, он зачищал пространство. Я смотрела на его затылок и чувствовала, как плотность воздуха между нами увеличивается. В этой узкой лестничной клетке его присутствие ощущалось как избыточное давление в закрытом сосуде.

Я перехватила букет чертополоха. Колючки впивались в ладонь через крафтовую бумагу, и эта тупая боль помогала мне держать спину. В гимнастике нас учили: если больно - выпрямляйся еще сильнее. Если хочешь закричать - делай ласточку. Мой тургор, моя внутренняя упругость, сейчас держалась исключительно на этом сопротивлении.

Мы остановились перед дверью, обитой старым дерматином с торчащим из прорех серым ватином. Номер 42. Медные цифры покосились, одна из них держалась на честном слове и слое многолетней пыли.

- Ты уверена, что это здесь? - Марк посмотрел на меня сверху вниз. Его взгляд был коротким и сухим, как выстрел строительного степлера.

- По списку - да. Людмила Ивановна. Учительница русского и литературы.

Я нажала на кнопку звонка. За дверью раздалась трель, похожая на предсмертный хрип механического соловья. Мой внутренний критик тут же выдал: опора на левую ногу, таз не заваливай, ты не в очереди за хлебом, ты представительница флористического бутика, даже если этот бутик сейчас кажется декорацией к фильму о социальном дне.

Дверь открылась не сразу. Сначала мы услышали шарканье, потом щелчки двух замков и лязг цепочки. В проеме показалась женщина, которую я мгновенно классифицировала как старую орхидею вида Цимбидиум, которую слишком долго держали в темном углу без полива. Бледная, почти прозрачная кожа, седые волосы, собранные в аккуратный, но безнадежно тонкий пучок, и глаза, в которых еще сохранился тот специфический блеск интеллекта, который не вымывается даже нищетой.

- Да? - ее голос был сухим, как опавшая листва.

- Здравствуйте. Доставка цветов для Людмилы Ивановны, - сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно. - От Олега.

При упоминании имени женщина вздрогнула. Ее пальцы, сухие и узловатые, как корни, вцепились в дверной косяк. Она посмотрела на букет чертополоха, потом на Марка, потом снова на меня. В ее взгляде не было страха, только какая-то тихая, торжественная печаль, которая бывает у людей, знающих о неизбежности увядания больше, чем все ботаники мира.

- От Олечки... - прошептала она. - Проходите. Господи, проходите же.

Мы вошли в прихожую, где пахло старыми книгами и нафталином. Квартира была забита вещами, но это не был хаос свалки. Это был гербарий. Каждая вещь лежала на своем месте, засушенная временем и бережно сохраненная. Марк заполнил собой все пространство малень-

кого коридора. Он выглядел как выкорчеванный дуб, который по ошибке занесли в дамскую оранжерею. Ему явно было тесно, и эта теснота заставляла его еще сильнее замыкаться в себе.

- Раздевайтесь, пожалуйста. Я сейчас поставлю чайник. Олег всегда говорил, что у меня самый лучший чай на этой окраине, - Людмила Ивановна суетилась, и ее движения были дергаными, лишенными плавности. Дефицит микроэлементов и избыток тревоги.

Я сняла пальто, чувствуя, как лопатки упираются в невидимую стену. Марк остался в куртке, только расстегнул ее, демонстрируя свою готовность уйти в любую секунду. Он стоял у окна в большой комнате, рассматривая корешки книг на полках.

- Вы его брат? - вдруг спросила она, остановившись посередине комнаты с моим букетом в руках.

Марк медленно повернулся. Его лицо превратилось в маску, лишенную пор и трещин. Абсолютный цинизм как форма самообороны.

- Я его брат, - ответил он. Глагол и существительное. Никаких эмоций.

- Вы так похожи... Только у него в глазах всегда были чертики, а у вас - свинец. Он был моим лучшим учеником, знаете? Не по оценкам, нет. По способности чувствовать слово.

Она поставила чертополох в вазу из тяжелого хрусталя, которая, кажется, весила больше, чем вся эта женщина. Колочие головки цветов смотрелись в этом интерьере странно, вызываясь. Они были как инородное тело в стерильной среде памяти.

- Он присылал мне цветы каждый год, - продолжала она, приглашая нас за стол, накрытый кружевной салфеткой. - Даже когда у него были трудные времена. Он говорил: Людмила Ивановна, вы - мой маяк. Если я перестану слать вам цветы, значит, я окончательно сбился с курса.

Марк сел на край стула, распределив вес так, чтобы в любой момент вскочить. Его правое плечо было чуть выше левого - явный признак того, что он ожидает удара. Его бесило это. Бесила эта иррациональная преданность Олега старой учительнице, бесила эта квартира, которая пахла прошлым, которое нельзя было просто взять и вычеркнуть из финансового отчета.

- Он не сбился с курса, - тихо сказала я. - Он просто... завершил маршрут.

Людмила Ивановна кивнула. Она не плакала. У таких людей слезы давно высохли, превратившись в соль на дне души.

- Я знаю. Я все знаю. Он звонил мне за неделю до... - она запнулась, подбирая слово. - До того, как все закончилось. Рассказывал о каком-то важном деле. Говорил, что хочет исправить главную ошибку в своей жизни.

Марк резко вскинул голову.

- Какую ошибку? - его голос прозвучал как удар хлыста. Профессиональный интерес ликвидатора, почувшего неучтенный актив.

- Он не сказал. Олег всегда был мастером недосказанности. Это и делало его сочинения такими глубокими. Он умел оставлять пространство между строк.

Она ушла на кухню, и я услышала свист чайника. Марк посмотрел на меня. В его глазах было столько холодного бешенства, что я физически ощутила, как у меня потяжелели кисти рук. Он ненавидел этот туман. Он ненавидел, когда за действием не стояло четкой логики.

- Исправить ошибку, - процедил он сквозь зубы. - Весь его путь состоял из ошибок. Он просто не успел превратить эту квартиру в очередное казино или склад паленого алкоголя.

- Перестань, - я сказала это тише, чем хотела. - Ты не можешь оценивать его только по конечному результату. Растение не виновато, что почва была отравлена.

- Почва была отличная, Лера. У нас была одна и та же почва. Только я решил строить на ней дом, а он - устроить пожар, чтобы согреться на пять минут.

Людмила Ивановна вернулась с подносом. Чашки были из тонкого фарфора, с золотой каемкой, потертой от времени. Она разлила чай, и аромат бергамота немного разбавил застойный запах комнаты.

- Вы, наверное, ищите ответы, - сказала она, садясь напротив нас. - Я видела, как вы смотрели на цветы. Это ведь не просто доставка, верно?

- Мы закрываем его дела, - отрезал Марк.

- Дела... - она печально улыбнулась. - Олег не был человеком дел. Он был человеком порывов. Но один порыв у него был постоянным.

Она встала, подошла к старому секретеру и достала оттуда массивный фотоальбом в бархатной обложке. Цвет обложки когда-то был бордовым, но теперь напоминал свернувшуюся кровь. Мое тело среагировало мгновенно: спина выгнулась, пальцы ног впились в мягкий ворс ковра. Я знала этот альбом. Вернее, я знала этот тип альбомов. В таких хранят не просто фотографии, в них хранят улики.

- Он оставил мне это на хранение год назад, - Людмила Ивановна положила альбом на стол перед Марком. - Сказал: если я не приду за ним сам, отдайте его тому, кто принесет чертополох. Он знал, что этот букет выберет кто-то особенный. Или тот, кто его действительно понимал.

Марк не торопился открывать альбом. Он смотрел на него так, словно внутри была заложена бомба с часовым механизмом. Его пальцы, длинные и сильные, нервно постукивали по столешнице.

- Открой, - сказала я.

Он бросил на меня быстрый взгляд, в котором читалось: ты не представляешь, во что мы лезем. Но я представляла. Я чувствовала это нарушение равновесия каждой клеткой. Мы стояли на бревне, и под нами была пустота.

Марк открыл альбом. Первые страницы были стандартными: школьные фото, Олег с растрепанными волосами, Олег на выпускном, Олег в окружении каких-то сомнительных личностей, которые выглядели как сорняки на ухоженной клумбе. Марк перелистывал страницы быстро, почти не глядя, пока не дошел до середины.

Там, на развороте, была только одна фотография. Она была приклеена в самом центре.

Это был Олег. Он выглядел счастливым. По-настоящему, без этой его обычной маски насмешливого превосходства. Он стоял на фоне какого-то старого здания с колоннами - возможно, это был наш институт физкультуры, я узнала эти трещины на штукатурке. Он обнимал женщину.

Но там, где должно было быть ее лицо, зияла пустота.

Лицо было вырезано. Аккуратно, хирургически точно, острым лезвием. Остался только силуэт: тонкая шея, разворот плеч, который показался мне болезненно знакомым, и край спортивной куртки с логотипом нашей сборной.

Я почувствовала, как у меня перехватило горло. Не от романтического вздоха, а от спазма мышц, отвечающих за глотание. Это была я. Это была моя куртка. Это был тот день, когда мы праздновали мою победу на чемпионате города. День, который предшествовал моему падению.

- Кто это? - голос Марка стал еще тише, приобретая опасную вибрацию низких частот.

- Он никогда не называл ее имени, - Людмила Ивановна смотрела на дыру в фотографии с таким видом, будто видела там нечто большее, чем мы. - Он называл ее Своей Главной Потерей. Сказал, что сам вырезал лицо, потому что не имеет права смотреть на нее, пока не исправит то, что натворил.

Мой центр тяжести сместился. Я почувствовала, как пол под ногами начинает плыть. Это было физическое ощущение потери опоры, то самое, которое я испытала на бревне, когда поняла, что моя ступня скользит мимо края.

- Он ее уничтожил, - Марк захлопнул альбом с таким звуком, будто выстрелил. - Он уничтожил ее, а потом сделал из этого культ. Типичный Олег. Сначала выжечь землю, а потом оплакивать отсутствие урожая.

Он встал, и его стул скрежетнул по паркету.

- Мы уходим.

- Подождите, - Людмила Ивановна тоже встала, ее хрупкость внезапно сменилась странной твердостью. - Он просил передать еще кое-что. Лично вам, Марк.

Марк замер. Его спина была напряжена до предела. Я видела, как вздулась вена на его шее.

- Он сказал: Скажите брату, что ключ не в замке. Ключ в корнях.

- Что за бред, - бросил Марк, но я видела, что эти слова попали в цель. Его маска циника на мгновение дала трещину, и в этой трещине я увидела растерянного ребенка, который всю жизнь вытирал лужи за старшим братом и внезапно обнаружил, что океан вытереть невозможно.

- Это не бред, - я подошла к столу и коснулась пальцами вырезанного силуэта на обложке альбома. - Это ботаника. Если хочешь убить растение, не обязательно срезать стебель. Достаточно отравить корни. Или... попытаться их спасти, когда все остальные уже сдались.

Мы вышли из квартиры в ту же воющую тишину подъезда. Спуск вниз был быстрее, но тяжелее. Мои колени подгибались. Я шла, держась за перила, и чувствовала, как холодный металл обжигает ладонь. Марк шел впереди, перепрыгивая через две ступеньки.

Когда мы вышли на улицу, воздух показался мне слишком разреженным. Я жадно вдыхала его, пытаюсь восстановить тургор, пытаюсь убедить свои клетки, что мы все еще живы.

- Ты знала? - Марк обернулся ко мне, когда мы подошли к машине. Его лицо было бледным, глаза лихорадочно блестели.

- О чем? О том, что он хранил мое фото с вырезанным лицом? Нет, Марк. Я думала, он просто забыл меня, как забывают старую травму, которая больше не болит на погоду.

- Он не забыл. Он превратил тебя в проект. В свою последнюю миссию по ликвидации последствий.

Он ударил кулаком по крыше машины. Звук был глухим и неприятным.

- Почему ты не сказала мне, что у вас было все так серьезно? - спросил он, глядя мне прямо в глаза.

В его взгляде не было ревности. Там была усталость человека, который обнаружил, что в его идеально выстроенном отчете не хватает целой главы. Самой важной главы.

- Потому что серьезность в наших отношениях была только с одной стороны, Марк. С моей. Он был стихийным бедствием. А я была гимнасткой, которая верила, что может удержать равновесие даже в эпицентре шторма. Я ошибалась.

Я села в машину и закрыла глаза. Перед глазами стояла старая учительница, похожая на засыхающую орхидею, и букет чертополоха в хрустальной вазе. Олег знал, что я приду. Он выстроил этот маршрут так, чтобы я прошла через все точки его боли, чтобы я увидела себя его глазами - вырезанным силуэтом, пустотой, которую он так и не смог заполнить.

- Ключ в корнях... - пробормотал Марк, заводя двигатель. - Где у этого чертова дерева корни, Лера?

- В оранжерее, - ответила я, не открывая глаз. - В той самой, которую он заложил банку за неделю до смерти.

Марк резко нажал на газ. Машина рванула с места, и меня вжало в сиденье. Моя спина коснулась кожи кресла, и я почувствовала, как по позвоночнику пробежал холод. Мы больше не были сторонними наблюдателями. Мы были внутри его последнего перформанса.

Дорога обратно в центр города казалась бесконечной. Марк молчал, его профиль был высечен из камня. Он вцепился в руль так, будто это был единственный стабильный объект во вселенной. Я смотрела в окно на мелькающие серые дома и думала о том, что ложь действительно имеет физический вес. Сейчас этот вес давил на нас обоих, нарушая баланс, заставляя машину крениться на поворотах сильнее, чем обычно.

- Он любил тебя, - вдруг сказал Марк. Это прозвучало не как утешение, а как обвинительный приговор.

- Нет, - я покачала головой. - Он любил идею меня. Идею безупречности, которую он мог сломать, чтобы посмотреть, что внутри. Внутри оказалась пустота и немного спортивной злости.

- В тебе нет пустоты, Лера. В тебе столько контроля, что им можно зацементировать фундамент небоскреба.

- Это и есть пустота, Марк. Когда ты тратишь все силы на то, чтобы не рассыпаться, внутри ничего не остается. Только дисциплина и знание того, под каким углом нужно ставить стопу.

Он на мгновение убрал руку с руля и накрыл мою ладонь своей. Его кожа была горячее, почти обжигающей. Это прикосновение было нарушением всех границ, которые я так тщательно выстраивала. Мои мышцы напряглись, готовые к прыжку или защите, но я не отстранилась. Я чувствовала, как его пульс передается мне - быстрый, неровный, живой.

- Мы найдем этот ключ, - сказал он. - И мы закроем этот проект. Чего бы мне это ни стоило.

Я посмотрела на наши руки. Его - широкая, со шрамом на большом пальце, рука человека, который привык работать с металлом и документами. Моя - узкая, с длинными пальцами флориста и костяшками, привыкшими к магнезии. Мы были как два разных вида растений, которые волей случая оказались в одном тесном горшке. Наше переплетение было неизбежным, и это пугало меня больше, чем все тайны Олега.

- Марк, - позвала я тихо.

- Да?

- Почему ты не бросил все это? Почему ты продолжаешь развозить эти букеты, если они тебя так бесят?

Он долго не отвечал. Мы проехали мост, и огни города отразились в лобовом стекле длинными смазанными полосами.

- Потому что я единственный, кто может довести это до конца, не разрушив все окончательно. Если я брошу, его долги сожрут живых людей. Тех женщин, которых он обманул. Людмилу Ивановну. Тебя.

- Меня не надо спасать. У меня отличный тургор.

- Лера, у растений с отличным тургором стебли ломаются с громким хрустом. Те, что завяли, простогибаются. Я не хочу слышать этот хруст.

Он убрал руку и снова сосредоточился на дороге. А я осталась сидеть, чувствуя, как место его прикосновения продолжает пульсировать.

Мы подъехали к мастерской, когда сумерки уже окончательно поглотили город. Моя витрина светилась холодным, почти хирургическим светом. Цветы внутри выглядели как экспонаты в музее будущего.

- Нам нужно проверить оранжерею, - сказала я, выходя из машины. - Ту, что на окраине. Он называл ее Корневой Системой. Я думала, это просто его дурацкая метафора.

- Завтра, - Марк стоял у машины, его фигура сливалась с темнотой. - Завтра утром мы поедем туда. А сейчас иди спать. Твоя спина скоро начнет искрить от напряжения.

- Моя спина в порядке.

- Иди, Лера.

Я зашла в мастерскую, закрыла дверь на ключ и прислонилась к ней спиной. Внутри было тихо. Растения дышали, поглощая углекислый газ и выделяя кислород, совершая свой тихий, незаметный подвиг выживания. Я подошла к столу, взяла секатор и начала обрезать подгнившие листья у партии гортензий.

Действие. Чистое, механическое действие.

Олег вырезал мое лицо из фотографии. Он лишил меня личности в своих воспоминаниях, оставив только функцию - Свою Главную Потерю. Но он не учел одного. Гимнастки умеют восстанавливаться после таких травм, о которых обычные люди даже не подозревают. Мы умеем сращивать кости так, что они становятся прочнее стали.

Я смотрела на гортензии и видела перед собой лицо Марка. Его свинец в глазах. Его нежелание признавать, что он тоже часть этой корневой системы.

Ключ не в замке. Ключ в корнях.

Я знала, где находится эта оранжерея. Это было место, где он впервые показал мне, как умирает цветок, если ему обрезать доступ к воде, но оставить на ярком солнце. Это был урок жестокости, который я тогда приняла за урок страсти.

Завтра мы поедем туда. И я покажу Марку, что такое настоящий крах. Или настоящее спасение. В ботанике это часто одно и то же. Все зависит от того, под каким углом ты держишь нож.

Я выключила свет. Мастерская погрузилась во тьму, и только запах чертополоха, который я привезла с собой в мыслях, продолжал колоть мне легкие. Мой центр тяжести был на месте. Я стояла на обеих стопах. Я была готова.

Завтра мы узнаем, кто на самом деле был адресаткой номер три. Потому что Людмила Ивановна была лишь почтовым ящиком. Истинная цель была глубже. Там, где начинаются корни и заканчиваются слова.

Я легла на диван в подсобке, не раздеваясь. Сон не шел. Мышцы вибрировали, как натянутые струны. В голове крутилась фраза: Ключ в корнях. Ключ в корнях.

Олег, ты всегда был плохим сценаристом, но гениальным постановщиком. Ты заставил своего самого рационального брата и свою самую закрытую женщину танцевать на твоих похоронах. Но музыка скоро закончится. И когда она замолкнет, останемся только мы. И правда, которая, как чертополох, не нуждается в удобрениях, чтобы выжить на руинах.

Я закрыла глаза. Мне снился Марк, который пытался выкопать огромное дерево голыми руками, а я стояла рядом и говорила ему, что дерево давно мертво. Но он не слушал. Он продолжал копать, и его руки были в крови, и эта кровь была цвета бордового бархата с обложки альбома.

- Ключ там, Лера, - говорил он во сне. - Ключ прямо под сердцем.

Я проснулась от собственного крика, который застрял в горле, превратившись в сухой кашель. В мастерской было холодно. Рассвет едва брезжил сквозь витрину.

Я встала, выпрямила спину до характерного хруста в позвонках и подошла к зеркалу. Лицо было бледным, глаза - огромными и темными. Я выглядела как человек, который готов заглянуть в бездну и не моргнуть.

Пора.

Марк уже ждал у входа. Его машина работала на холостых оборотах, выпуская клубы пара в морозный утренний воздух. Он не смотрел на дверь, он смотрел вперед, туда, где за горизонтом скрывалась тайна его брата.

Я вышла, заперла мастерскую и села в машину.

- Поехали, - сказала я.

- Ты уверена? - он посмотрел на меня. В его взгляде на мгновение промелькнуло что-то похожее на сочувствие, но он тут же подавил это движение, превратив лицо в привычную маску.

- В ботанике нет места уверенности, Марк. Только факты. Поехали искать твои факты.

Машина тронулась. Мы ехали навстречу оранжерее, навстречу корням и навстречу женщине, чье лицо было вырезано из истории. И я знала, что к вечеру мир уже никогда не будет прежним. Мой тургор был на пределе, но я не собиралась ломаться. Только не сегодня. Только не перед ним.

Глава 9: Эстетика хаоса

Раннее утро на оптовом цветочном рынке пахнет не духами и весной, а сырым бетоном, подгнившими стеблями и дешевым кофе из автоматов. Это изнанка красоты, ее грязное белье. Здесь нет места нежности, только логистика и борьба за тургор. Я выхожу из машины Марка, и холодный воздух немедленно проверяет мою осанку. Спина выпрямляется автоматически, позвонки щелкают, выстраиваясь в жесткую вертикаль. Привычка из прошлой жизни, когда бревно под ногами было единственной стабильной точкой в пространстве. Если потеряешь центр тяжести здесь, среди этих рядов с ведрами и коробками, тебя просто раздавят грузчики с тележками.

Марк глушит мотор. Он выглядит слишком выглаженным для этого места. Его пальто кажется инородным телом среди флисовых курток и резиновых сапог. Он смотрит на ангары с таким выражением лица, будто я привела его на место преступления, которое ему поручили ликвидировать. В его мире все должно быть оцифровано, упаковано и застраховано, а здесь царит контролируемый хаос.

- Мы теряем время, - говорит он, не глядя на меня. Его голос звучит как сухой щелчок предохранителя. - Ты могла заказать это по телефону. У тебя есть поставщики.

- Поставщики пришлют мне стандарт. А мне нужен характер, - я поправляю шарф, чувствуя, как мышцы шеи натягиваются. - В ботанике нельзя доверять картинке в каталоге. Растение может выглядеть здоровым, но внутри у него уже начался некроз тканей из-за избытка азота. Мне нужно потрогать стебли.

Он выходит из машины, закрывая дверь с глухим, дорогим звуком. Мы идем внутрь первого павильона. Влажность здесь такая, что волосы моментально тяжелеют. Я чувствую, как Марк идет за мной - шаг в шаг, сохраняя дистанцию, но я буквально кожей ощущаю его раздражение. Он распределяет вес на пятки, как человек, готовый в любой момент развернуться и уйти. Для него это иррационально. Его брат тратил деньги на эти сорняки, а я теперь трачу его время на их выбор.

- Смотри, - я останавливаюсь у лотка с ранункулюсами. - Видишь этот оттенок? Это не просто розовый. Это цвет застоявшейся лимфы. Если я добавлю их в букет для женщины, которая оплакивает твоего брата, она почувствует фальшь.

- Она почувствует запах цветов, Лера. Не усложняй, - Марк сует руки в карманы. - Ей все равно, какой там подтон. Она хочет подтверждения, что о ней помнят. Это социальный контракт, а не сеанс психотерапии.

Я поворачиваюсь к нему слишком резко, теряя на долю секунды идеальный баланс.

- Это не контракт. Это попытка сохранить структуру жизни, когда корень уже подгнил. Твой брат понимал это лучше тебя.

- Мой брат не понимал ничего, кроме собственных импульсов, - отрезает Марк. Его фразы всегда такие - без лишних украшений, без прилагательных. Глагол, существительное, точка. - Он создавал проблемы. Я их решал. Этот список доставок - еще одна проблема.

Я прохожу дальше, к рядам с розами. Здесь пахнет острее. Продавцы знают меня, кивают, но я не улыбаюсь в ответ. На рынке я - функция. Я оцениваю плотность бутона так, как тренер оценивал чистоту моего соскока. Если бутон слишком мягкий - растение истощено. Если слишком твердый - его перекормили химией, и оно умрет через два дня, не успев раскрыться.

- Сколько стоит эта охалка? - Марк указывает на ведро с темно-бордовыми розами, которые кажутся почти черными в тусклом свете люминесцентных ламп.

- Три тысячи за пачку, - бросает продавец, не отрываясь от накладной.

- Это грабеж, - Марк поворачивается ко мне. - В рознице они стоят столько же. Где логика опта?

- Логика в том, что это Эквадор, сорт Эксплорер, и у них идеальный срез, - я протягиваю руку и достаю один стебель. - Посмотри на него. Никакого хлороза, листья чистые, шипы как кинжалы.

Я внезапно протягиваю ему всю охапку. Марк не успевает среагировать и берет их. Он не привык работать руками, его ладони созданы для клавиатуры и руля. Он сжимает стебли, и я вижу, как его лицо на мгновение искажается. Острые шипы впиваются в его кожу. Он не отпускает, но я замечаю, как на его ладони проступает первая капля крови - маленькая, яркая, как ягода падуба.

- Больно? - спрашиваю я шепотом. Мы стоим среди шума, криков грузчиков и грохота ящиков, но между нами образовался вакуум.

- Это просто колючки, Лера. Не делай из этого драму, - он смотрит мне прямо в глаза, и в его зрачках я вижу свое отражение - бледная, напряженная, с прямой спиной.

- Это не колючки. Это физика процесса. Ты хочешь закрыть проект, потому что он причиняет тебе неудобство. Тебе не нравится, что красота может требовать крови и жертв. Ты привык чистить руины, когда пыль уже улеглась. А я работаю с живым материалом, который сопротивляется. Держи их крепче. Пусть ты хотя бы так почувствуешь, что значили эти жесты для твоего брата.

Он не отводит взгляд. Его рука, сжимающая розы, не дрожит. Он игнорирует боль с тем же профессиональным цинизмом, с которым я когда-то игнорировала растяжения связок. Мы оба - люди с поломанными механизмами сочувствия, просто мои поломки замаскированы цветами, а его - цифрами.

- Мой брат не чувствовал боли, когда дарил их, - тихо говорит Марк. - Он чувствовал азарт. Это разные вещи. Азарт проходит, когда заканчиваются деньги или женщины. А боль - это то, что остается мне. Расплачиваться по счетам.

Он возвращает мне розы, аккуратно перехватывая их за нижнюю часть стебля, где нет шипов. На его ладони остались красные точки. Он не вытирает кровь, просто сжимает кулак. В этом жесте больше честности, чем во всех его словах за утро.

Мы движемся дальше. Я выбираю эвкалипт - его серебристый налет кажется мне сейчас единственным правильным цветом. Он холодный, отстраненный, как поверхность хирургического стола. Я мысленно составляю композицию: жесткие розы, холодный эвкалипт и немного астранции, похожей на маленькие взрывы звезд. Это будет букет для женщины под номером семь в списке. "Для той, что умела молчать", - так было написано в заметках его брата.

- Зачем тебе столько секаторов? - Марк смотрит, как я выбираю новый инструмент у дилера.

- Это мой скелет, - отвечаю я, пробуя ход лезвий. - Если секатор тупой, он не режет, а давит стебель. Сосуды растения схлопываются, вода не поступает. Это медленное удушье. Я не люблю, когда цветы задыхаются из-за моей небрежности.

Я плачу наличными, игнорируя попытку Марка достать карту. Это мой ритуал, мои деньги, моя территория. Я чувствую, как он пытается восстановить свой контроль, поглядывая на часы. Его время стоит дорого, а я трачу его на изучение плотности лепестков.

Когда мы выходим из павильона, нагруженные коробками, туман уже начинает рассеиваться, открывая серое, неприветливое небо. Я иду впереди, чувствуя, как вес коробок заставляет меня еще сильнее напрягать мышцы пресса. Баланс. Нужно держать центр.

- Лера? - голос раздается слева, со стороны парковки для фур.

Я замираю. Этот голос я узнаю даже в состоянии глубокого наркоза. Он звучит как идеальная мелодия, под которую мне когда-то хотелось танцевать, пока я не поняла, что эта музыка - похоронный марш по моей самооценке.

Артем.

Он стоит у своей огромной черной машины, одетый в дорогую спортивную куртку. Весь такой успешный, сияющий, как свежесрезанный пион из голландской теплицы. Рядом с ним какая-то девушка, тонкая, как веточка гипсофилы, и такая же бесцветная.

Я чувствую, как мой тургор падает. Спина все еще прямая, но это уже не осанка, это окоченение. Ноги становятся тяжелыми, опора на обе стопы кажется ненадежной. Я физически ощущаю, как мой центр тяжести смещается, и мне хочется схватиться за что-нибудь, чтобы не упасть.

- Надо же, какие люди в нашем болоте, - Артем подходит ближе, улыбаясь той самой улыбкой, которая раньше заставляла меня забывать о том, что он только что обесценил мою работу. - Лера, ты все еще возишься с этим венниками? Я думал, ты давно нашла себе занятие посOLIDнее. Ну, или мужа, который запретит тебе пахнуть удобрениями.

Он переводит взгляд на Марка, который стоит чуть позади меня с двумя коробками роз. Артем оценивает его мгновенно - часы, обувь, выражение лица. В его глазах вспыхивает интерес, смешанный с издевкой.

- А это, я так понимаю, твой новый... ассистент? Или спонсор этого гербария? - Артем смеется, и этот звук бьет меня под дых сильнее, чем любая неудача на соревнованиях.

Я помню, как он стоял перед журналистами два года назад. "Лера - прекрасный декоратор, но ее видение слишком... специфично для нашего агентства. Мы решили расстаться, чтобы не ограничивать ее творческий рост". Это было сказано после того, как он присвоил себе мой проект для мэрии, а меня выставил истеричкой, не справившейся с объемом работ. Публичное унижение - это яд замедленного действия. Он всасывается в кровь и остается там навсегда.

- Здравствуй, Артем, - мой голос звучит сухо, как опавшая листва. - Я работаю. В отличие от некоторых, я все еще отличаю живой цветок от пластиковой имитации.

- О, все та же колючая Лерочка, - он делает шаг в мою сторону, сокращая дистанцию. Я чувствую запах его парфюма - цитрус и что-то металлическое. - Послушай, я как раз искал кого-нибудь, кто оформит входную группу для нового ТЦ. Дешево и сердито. Вспомнил о тебе. Подумал, может, тебе нужны деньги на аренду твоей каморки?

Я сжимаю пальцы на ручке коробки так, что картон начинает проминаться. Я вижу, как его спутница хихикает, прикрыв рот ладошкой с идеальным маникюром. Я для них - обслуживающий персонал, забавный реликт из прошлого, который никак не может признать свое поражение.

- У нее нет времени на дешевые проекты, - внезапно раздается голос Марка.

Он делает шаг вперед, оказываясь на одном уровне со мной. Его присутствие меняет плотность воздуха вокруг. Он не выглядит рассерженным, он выглядит... скупающим. Это высокая форма презрения, которой я так и не научилась.

- А ты у нас кто? - Артем вскидывает брови, пытаясь сохранить доминирующую позицию.

- Я тот, кто платит за ее время столько, что твой ТЦ не потянет даже предпроектную подготовку, - Марк говорит это обыденным тоном, будто сообщает прогноз погоды. - Мы закончили? Нам нужно ехать, цветы в машине перегреются.

Он не дает Артему вставить ни слова. Марк просто поворачивается ко мне и говорит:

- Лера, ключи.

Я на неслушающихся ногах иду к машине. Марк следует за мной, игнорируя Артема так, будто тот - просто кусок строительного мусора на обочине. Я слышу, как за спиной Артем что-то выкрикивает, что-то про "падение нравов" и "удачный выбор папика", но эти слова уже не долетают до цели.

Мы садимся в машину. В салоне пахнет кожей и легким ароматом роз, которые Марк держал в руках. Тишина становится осязаемой. Я смотрю в окно на уезжающие фуры, чувствуя, как меня начинает трясти. Это не холод. Это откат. Когда мышцы долго были в гипертонусе, они начинают вибрировать при расслаблении.

- Кто это был? - спрашивает Марк, выезжая с территории рынка.

- Моя ядерная зима, - отвечаю я, пытаюсь унять дрожь в руках. - Человек, который научил меня, что верить нельзя ни словам, ни контрактам. Только фактам. Как ты и любишь.

- Он идиот, - констатирует Марк. - У него неправильное распределение веса при ходьбе. Слишком много упора на носки. Такие люди неустойчивы при малейшем толчке.

Я смотрю на него с удивлением. Он оценил Артема через мою призму - через физиологию и баланс. Это странно и пугающе интимно.

- Спасибо, - выдавливаю я.

- Не за что. Мне просто не нравится, когда на мою собственность... - он запинается, и я вижу, как на его шее напрягается жилка. - Когда мешают моему рабочему процессу. У нас еще три адреса.

Собственность. Рабочий процесс. Он быстро возводит баррикады из слов, возвращаясь в свою безопасную зону цинизма. Но я видела его ладонь в каплях крови. Я видела, как он шагнул вперед, закрывая меня от Артема. Его надежность - это не просто план эвакуации, это каркас, который он подставил мне в момент, когда мой собственный позвоночник готов был рассыпаться.

Мы едем по городу, который начинает просыпаться. Пробки, серые лица, витрины. Я смотрю на свои руки - под ногтями земля, на пальце след от секатора. Я - Лера, бывшая гимнастка, нынешняя цветочница, женщина, чья жизнь состоит из обслуживания чужих кульминаций. Но сегодня что-то изменилось. В моей мастерской, где Марк теперь проводит столько времени, воздух стал другим. Тяжелее. Плотнее.

- Марк, - зову я его.

- Что?

- Почему твой брат выбрал именно эти адреса? Ты никогда не задумывался, что их объединяет? Не имена, не статус. Что-то другое.

Он молчит долго, глядя на дорогу. Его профиль кажется высеченным из камня.

- Они все были его спасением. На пять минут, на неделю, на месяц. Он искал в них то, чего не было во мне. Хаоса, который можно не лечить.

- А ты? Что ты ищешь? - я задаю вопрос, который не должна задавать.

- Я ищу конец этого списка, Лера. Чтобы наконец закрыть эту папку и забыть о том, что я чего-то не успел сделать для него при жизни.

Его ложь звучит как фальшивый шаг на бревне. Я чувствую нарушение равновесия физически. Он не хочет конца списка. Он боится его больше всего на свете, потому что тогда ему придется остаться в тишине, где нет ни брата, ни цветов, ни меня.

Мы подъезжаем к мастерской. Я выхожу первой, стараясь не смотреть на него. Мне нужно упорядочить пространство. Мне нужно десять раз пересобрать букет, пока он не станет математически безупречным. Это мой способ выжить после встречи с Артемом. Это мой способ не думать о том, что Марк - единственный человек, который заметил мою усталость раньше, чем мои цветы.

В мастерской прохладно. Я раскладываю покупки на столе. Эвкалипт, розы, астранция. Марк заносит коробки и останавливается у входа. Он не уходит, хотя дел у него наверняка по горло.

- Ты будешь работать сейчас? - спрашивает он.

- Да. У меня дефицит света и избыток мыслей. Лучшее средство - ручной труд.

Я беру секатор и одним точным движением отсекаю лишние листья у розы. Хруст стебля успокаивает. Это звук контроля.

- Я останусь, - говорит он вдруг. - Мне нужно разобрать почту. Здесь... спокойнее.

Он садится в углу, на старый стул, который я собиралась выбросить. Достает ноутбук. Я чувствую, как плотность воздуха в мастерской меняется снова. Его присутствие - это как

субстрат для растения. Он не дает мне расти вверх слишком быстро, он удерживает мои корни в реальности.

Я начинаю собирать букет. Спиральная техника. Каждый стебель под углом. Если нарушить угол, вся конструкция рухнет. Я думаю об Артеме и о том, как легко он сломал мой тургор тогда. И думаю о Марке, который сегодня подержал для меня колючие стебли.

- Марк, - я не оборачиваюсь. - Твоя рука. Обработай ее. В цветах много бактерий. Может начаться воспаление.

- Позже, - коротко бросает он.

Я поворачиваюсь и вижу, что он не смотрит в монитор. Он смотрит на мои руки. Его взгляд тяжелый, изучающий. Он оценивает не букет. Он оценивает меня - то, как я распределяю вес, как двигаются мои пальцы, как я кусаю губу, когда композиция не складывается.

В этот момент я понимаю, что мы оба попали в ловушку, которую расставил его брат. Этот список - не просто долги. Это навигационная карта. И мы сейчас находимся в точке, где нет координат. Только запах роз, холодный эвкалипт и двое людей, которые боятся признаться, что их равновесие теперь зависит друг от друга.

Я возвращаюсь к цветам. Мой внутренний критик, этот строгий тренер в голове, молчит. На его месте пульсирует что-то новое, похожее на предчувствие грозы. В ботанике это называется периодом покоя перед бурным ростом. Но я знаю, что за этим следует. Либо цветение, либо гибель от истощения.

- Твой брат оставил еще одно письмо, - вдруг говорит Марк. Его голос звучит иначе, без привычного металла. - Я нашел его сегодня утром в бардачке. Оно не для адресаток.

Я замираю с веткой эвкалипта в руке. Мое сердце бьется ровно, но я чувствую, как напрягаются мышцы лопаток.

- И что там?

- Там только одна фраза, Лера. "Найди того, кто увидит корни, а не лепестки".

Он закрывает ноутбук и встает. Его движение плавное, почти бесшумное. Он подходит к столу и кладет свою руку рядом с моей. Его кожа теплая, моя - холодная от воды и сока растений.

- Я думаю, он имел в виду тебя, - говорит он.

Я смотрю на наши руки. Его ладонь с красными точками от шипов и мои пальцы в земле. Это и есть эстетика хаоса. Это и есть правда, которую я так долго пыталась дешифровать через чужие букеты.

- В ботанике нет места уверенности, Марк, - повторяю я свои утренние слова. - Но есть факты. И факт в том, что ты все еще не обработал раны.

Я достаю из ящика стола перекись и вату. Мои движения точные, профессиональные. Я беру его руку. Она большая, тяжелая, надежная. Я чувствую его пульс под своими пальцами - ритмичный, быстрый.

- Будет щипать, - предупреждаю я.

- Я привык, - отвечает он, не отрывая взгляда от моего лица.

Я лью перекись на его ладонь. Пена шипит, вымывая грязь и кровь. Мы стоим в тишине мастерской, окруженные сотнями срезанных жизней, которые скоро станут чьим-то счастьем или горем. И в этот момент я понимаю, что мой тургор больше не зависит от осанки. Он зависит от того, отпущу я его руку сейчас или нет.

Я не отпускаю. Я продолжаю держать его ладонь, вытирая пену. Его кожа пахнет металлом и дождем. Это не пошлая романтика. Это физика. Два тела в пространстве, пытающиеся преодолеть силу притяжения своих прошлых катастроф.

- Нам нужно доставить этот букет, - шепчу я, глядя на неоконченную композицию.

- Доставим, - так же тихо отвечает Марк. - Но сначала договорись с собой, Лера. Твой бывший партнер прав в одном - ты колючая. Но он не понял главного. Колючки защищают то, что действительно ценно.

Он забирает у меня вату и сам прижимает ее к ране. Его жест решителен. Он снова берет контроль, но теперь это не раздражает. Это дает мне опору.

Я возвращаюсь к столу и заканчиваю букет. Он получается странным - асимметричным, тревожным, но абсолютно живым. В нем нет стерильного совершенства, которое я так долго культивировала. В нем есть правда увядания и сила сопротивления.

Когда мы выходим из мастерской к машине, я не проверяю опору на обе стопы. Я просто иду рядом с ним, чувствуя, как мой центр тяжести окончательно переместился куда-то за пределы моего собственного тела.

- Поехали, - говорю я, садясь на пассажирское сиденье.

Марк заводит мотор. Мы едем к женщине под номером семь, но я уже знаю, что этот список скоро закончится. И когда это произойдет, нам придется смотреть не в заметки его брата, а друг другу в глаза. Без защитных экранов из ботаники или логистики.

Мой внутренний критик делает глубокий вдох и замолкает. Наступает время фактов, которые нельзя оцифровать. Время красоты, которая не требует страховки. Время хаоса, который стал нашей новой формой порядка.

Глава 10: Защитный экран

Машина Марка пахнет как кабинет хирурга, решившего заняться клинингом: кожа, какой-то ледяной парфюм и полное отсутствие лишних предметов. Мой внутренний критик, обычно ворчащий на каждую складку на моих джинсах, здесь просто затыкается, подавленный этой стерильностью. Я сижу, вжимая лопатки в сиденье, и чувствую, как мой позвоночник превращается в стальной штырь. Это привычка из прошлой жизни: когда на бревне под тобой разверзается бездна, единственный способ не упасть - это стать вектором, направленным строго вверх. Мой центр тяжести сейчас болтается где-то в районе солнечного сплетения, неустойчивый, как ртутный шарик. Мы едем в "Кофе и Ко", место, которое я избегала полтора года. Там слишком много панорамных окон. Слишком много шансов быть увиденной в неправильном ракурсе.

- Ты слишком сильно сжимаешь челюсть, - говорит Марк, не поворачивая головы. - Эмаль потрескается. Расходы на стоматолога не входят в нашу смету.

Его голос звучит как работающий метроном: ровно, функционально, без единого лишнего обертона. Он не сочувствует. Он просто констатирует техническую неисправность механизма. Я делаю медленный вдох, представляя, как воздух проходит через трахею, как будто я насыщаю кислородом увядающий спатифиллум. В ботанике это называется восстановлением тургора. Если клетка теряет воду, она схлопывается. Я не хочу схлопываться.

- Я в порядке, - отвечаю я, и мой голос звучит суше, чем гербарий из папоротника. - Это просто мышечная память. Рефлекс на встречу с паразитарными формами жизни.

- Вадим, - Марк произносит это имя так, будто пробует на вкус испорченный кефир. - Твой бывший партнер. Тот, который организовал то шоу с банкротством?

- Он не просто организовал. Он сделал из этого перформанс. Ты когда-нибудь видел, как у орхидеи отгнивают корни? Сверху она еще кажется живой, даже может выпустить стрелку, но внутри - черная слизь. Вадим - это черная слизь. Он убедил всех, что я - балласт. Что мои "эстетические капризы" потопили фирму.

Я смотрю в окно на проплывающие мимо витрины. Мои руки лежат на коленях, пальцы переплетены. Я проверяю замок - большой палец правой руки поверх левого. Это мой замок. Моя опора. Я чувствую, как машина замедляется. Мы паркуемся прямо напротив входа. Стекло, неон, люди, похожие на вытянутые в дефиците света стебли - этеолированные, бледные, ищущие внимания.

- Слушай меня, - Марк глушит мотор, и тишина в салоне становится почти физически ощутимой, как вата в ушах. - Мы заходим, ты сидишь прямо, я заказываю кофе. Ты не оправдываешься. Ты не объясняешь, почему ты здесь с "каким-то мужиком". Ты просто существуешь в пространстве. Поняла?

- Я не нуждаюсь в инструктаже по технике безопасности, Марк. Я стояла на пьедестале, когда у меня были порваны связки голеностопа. Я умею держать лицо.

- Держать лицо и держать баланс - разные вещи, Лера. Пошли.

Мы выходим. Воздух на улице кажется слишком рыхлым после герметичности машины. Я выпрямляю спину так, что между лопатками начинает ныть. Это знакомая боль, она дает мне ложное чувство контроля. Мы заходим внутрь. Звон колокольчика над дверью бьет по нервам, как фальшивая нота.

Я вижу его сразу. Вадим сидит за тем же столом, за которым мы когда-то подписывали наш первый договор аренды мастерской. Он не изменился. Та же тщательно выверенная небрежность в прическе, тот же взгляд человека, который всегда знает, где находится ближайшая камера. Он - эпифит, растение-приспособленец. Он живет за счет других, не давая ничего взамен, кроме декоративного вида. Когда он замечает меня, его брови взлетают вверх, имити-

руя искреннюю радость. Эта фальшь физически ощущается мной как потеря равновесия. Я чувствую, как заваливаюсь назад, хотя мои стопы плотно прижаты к полу.

- Лера! - его голос разносится по залу, заставляя пару хипстеров у окна обернуться. - Какая встреча. Ты выглядишь... напряженной. Все еще не научилась расслаблять плечи?

Я сажусь напротив него, не снимая пальто. Марк остается стоять у стойки, заказывая кофе, но я чувствую его спиной. Его присутствие меняет плотность воздуха в кафе. Он как несущая стена в здании, которое вот-вот рухнет.

- Вадим, - я киваю. - У тебя дефицит азота? Выглядишь бледным. Наверное, трудно поддерживать имидж успешного бизнесмена на чужих активах.

Он усмехается, и эта усмешка напоминает мне трещину на глазурованной плитке. Красиво, но функциональность потеряна.

- Все та же ядовитая Лера. Ты всегда была мастером по части метафор, но плохим стратегом. Знаешь, я слышал, ты теперь возишь веники по кладбищам? Или это просто слухи? Говорят, ты связалась с каким-то... сомнительным наследством.

Мои пальцы сжимаются на краю стола. Края столешницы врезаются в ладони. Это хорошо. Боль - это сигнал, что я здесь, в этой точке пространства-времени.

- Моя работа не касается твоих слухов, Вадим. Ты хотел что-то сказать? Или просто решил провести ревизию моих неудач?

- Я просто хотел предупредить, - он наклоняется вперед, и я чувствую запах его одеколона - приторно-сладкий, как гниющие лилии. - Мир тесен. Особенно мир долгов и обязательств. Твои новые друзья могут оказаться куда токсичнее, чем ты думаешь. Ты ведь всегда была слаба по части выбора партнеров. Вспомни хотя бы нас.

В этот момент я чувствую, как за моей спиной закрывается просвет. Свет из окна перекрывается массивной фигурой. Тяжелая рука ложится мне на плечо. Не легко, не по-дружески, а с весом в несколько килограммов чистой уверенности. Это нарушение моих границ, грубое и бесцеремонное, но мой центр тяжести внезапно перестает дрожать. Он заземляется через это прикосновение.

- Извините, я прерву ваш сеанс ностальгии, - голос Марка звучит низко, с вкрадчивой угрозой, которую поймет только тот, кто сам привык угрожать. - Лера, ты забыла упомянуть, что у нас мало времени. График инспекции плотный.

Вадим меняется в лице. Его маска "успешного парня" идет трещинами. Он оценивает Марка: часы, осанку, манеру стоять, распределив вес равномерно на обе ноги. Марк сейчас - это безупречное приземление после тройного сальто. Ни одного лишнего движения.

- А вы...? - Вадим пытается вернуть себе инициативу, но его голос звучит на полтона выше, чем нужно.

- Марк. Основной инвестор нового проекта Валерии, - Марк не протягивает руки. Он просто сжимает мое плечо чуть сильнее, заставляя меня выпрямиться еще больше. - И человек, который очень не любит, когда его активы тратят время на пустые разговоры с... как вы себя назвали? Бывшим партнером?

Вадим сглатывает. Я вижу, как дергается его кадык. В гимнастике это называется "потерять вертикаль". Он больше не контролирует ситуацию. Он выглядит как комнатное растение, которое вынесли на мороз.

- Инвестор? - Вадим переводит взгляд с Марка на меня. - Лера, ты не говорила, что нашла... финансирование.

- Я не обязана отчитываться перед сорняками о плане полива, - бросаю я. Моя ирония сейчас острая, как секатор. - Мы закончили?

- Почти, - Марк слегка подталкивает меня, заставляя встать. - У нас встреча через десять минут. Пойдем.

Он не убирает руку с моего плеча, пока мы не выходим из кафе. На улице я резко дергаюсь в сторону, освобождаясь от его хватки. Мышцы плеча горят, как будто там остался термический ожог.

- Что это было? - я почти кричу, но мой голос срывается. - "Основной инвестор"? "Активы"? Ты зачем это устроил? Это был фальшивый жест, Марк. Такой же фальшивый, как все, что делает Вадим. Ты нарушил мое пространство.

Марк останавливается у машины и поворачивается ко мне. Его лицо - маска из холодного камня. Никаких эмоций, только сухая логика ликвидатора.

- Твой "паразит" собирался тебя раздавить, Лера. Я видел, как ты начала проседать. Твоя спина была прямой, но твои колени дрожали. Ты теряла опору. Я просто добавил тебе веса, чтобы ты не улетела.

- Я сама справлюсь со своими коленями! - я чувствую, как к горлу подступает комок, который я пытаюсь проглотить, как горькую таблетку. - Он выставил меня ничтожеством перед всеми нашими общими знакомыми. Он уничтожил мою репутацию. И сейчас ты сделал то же самое - показал, что мне нужен "дядя с деньгами", чтобы он заткнулся.

- Ему не нужен был твой голос, Лера. Ему нужен был страх. Я просто сменил декорации. Теперь он будет думать не о том, как тебя подколоть, а о том, кто я такой и почему я стою за твоей спиной. В бизнесе это называется минимизацией рисков.

Я смотрю на него, и мой внутренний критик, этот строгий тренер, вдруг соглашается с ним. Это бесит еще сильнее. Марк прав в своей жестокой, функциональной манере. Он не спасал меня, он защищал свой проект. Или то, что он считает своим проектом.

- Садись в машину, - говорит он, открывая мне дверь. - Нам нужно поговорить без свидетелей.

Мы едем молча. Я смотрю на свои руки. Они больше не дрожат. Мой центр тяжести сместился. Раньше он был внутри меня, а теперь он как будто зацепился за Марка. Это опасное состояние. Это как работать на брусках, когда ты не уверена в надежности креплений. Одно неверное движение - и ты летишь вниз головой на маты. Или мимо матов.

- Почему ты выбрал именно "инвестора"? - спрашиваю я, когда мы останавливаемся в тихом переулке. - Мог бы просто сказать, что ты мой адвокат. Или брат.

- Потому что Вадим понимает только язык цифр и иерархии, - Марк барабанит пальцами по рулю. Это первый признак его нервозности, который я замечаю. Очень мелкая, почти незаметная дрожь. - Для него женщина - это либо ресурс, либо пассив. Если ты чей-то актив, он тебя не тронет. Он боится тех, у кого больше ресурсов.

- Ты его знаешь? - я внезапно осознаю, что Марк вел себя слишком уверенно для случайной встречи. - Откуда ты узнал про встречу?

Марк делает глубокий вдох. Воздух в машине становится тяжелым, как застойная влага в непроветриваемой оранжерее.

- Мой брат, - начинает он, и его голос становится еще суше, если это вообще возможно. - Он не просто оставлял после себя эмоциональные руины. Он был игроком, Лера. В самом худшем смысле. Он искал легкие деньги, чтобы спонсировать свои "гениальные" идеи.

- При чем здесь Вадим?

- Вадим был одним из тех, кто давал ему эти деньги. Под огромные проценты. Твой бывший партнер - не просто неудачливый флорист или интриган. Он мелкий ростовщик, который любит играть в большого бизнесмена.

Я чувствую, как холод ползет по позвоночнику, от копчика к затылку. Это физиологическая реакция на опасность, которую я пропустила. Как будто я вышла на ковер, не заметив, что он скользкий.

- Сколько? - мой голос звучит шепотом.

- Крупная сумма, Лера. Очень крупная. Брат задолжал ему столько, что Вадим мог бы купить твою мастерскую трижды и сжечь ее просто ради удовольствия. И он знает, что я - наследник всех этих проблем.

Я закрываю глаза. Теперь все встает на свои места. Встреча в кафе не была случайностью. Вадим не просто издевался надо мной. Он прощупывал почву. Он искал слабые места у Марка через меня.

- Значит, я для тебя - просто живая мишень? - я открываю глаза и смотрю на него. - Ты используешь меня, чтобы выманить его? Чтобы закрыть долги брата?

Марк поворачивается ко мне. Его глаза - два пустых колодца. В них нет ни жалости, ни раскаяния. Только холодный расчет ликвидатора.

- Я использую все доступные ресурсы, чтобы закончить эту историю. Мой брат создал хаос. Я его вычищаю. Ты - часть этого хаоса, Лера, хочешь ты того или нет. Его список доставок - это не просто романтический жест покойника. Это карта его грехов. И Вадим - одна из жирных точек на этой карте.

- Ты лгал мне, - я чувствую, как во мне закипает ярость. Это не та ярость, которая заставляет бить посуду. Это холодная, дисциплинированная ярость спортсменки, которую засудили. - Ты сказал, что мы просто развозим цветы. Что мы ищем правду о его женщинах.

- Мы ищем правду. Просто правда оказалась грязнее, чем ты себе представляла. Вадим держит долговые расписки, которые могут уничтожить то небольшое, что осталось от репутации моей семьи. И твоей тоже, если выяснится, что твой бывший партнер спонсировал твоего любовника.

- Он не был моим любовником! - я почти кричу. - Твой брат был... он был клиентом. Станным, навязчивым, но клиентом.

- Вадим так не думает. Для него вы с моим братом были идеальной парой для шантажа. "Эстетический балласт" и "гениальный игрок".

Я отворачиваюсь к окну. Мое отражение в стекле кажется чужим. Бледная кожа, слишком прямая спина, глаза, полные застойной тревоги. Я чувствую себя растением, которое пересадили в отравленную почву. Мои корни пытаются зацепиться хоть за что-то, но везде только токсичные соли чужих долгов.

- Что теперь? - спрашиваю я, глядя на свое отражение.

- Теперь мы едем к женщине номер семь, - голос Марка возвращается к своему обычному функциональному ритму. - Она - ключ к тому, где брат прятал оригиналы расписок. Если мы их найдем раньше Вадима, игра закончится.

- А если нет?

- Если нет, то твоя мастерская действительно станет кладбищем, Лера. И не только для цветов.

Он заводит мотор. Машина плавно трогается с места. Я чувствую, как мой центр тяжести окончательно покинул мое тело. Теперь он где-то там, в бардачке этой машины, рядом с документами, которые Марк называет "активами". Я больше не управляю своим полетом. Я в состоянии свободного падения, и единственное, что я могу сделать - это сгруппироваться перед ударом.

Мой внутренний критик молчит. Он знает, что в таких ситуациях советы по осанке бесполезны. Здесь нужно просто выжить.

Мы едем через город, который кажется мне лесом из бетона и стекла. В этом лесу нет света, только тени. И мы - две тени, пытающиеся переиграть третью. Я смотрю на профиль Марка. Его челюсть плотно сжата. Он тоже сгруппирован. Мы оба - жертвы одного и того же хаоса, просто у нас разные способы его упорядочивания. Он использует логику и обман. Я - ботанику и дисциплину.

- Лера, - вдруг произносит он, не глядя на меня. - То, что я обнял тебя в кафе... Это был не только расчет.

- А что еще? - я не поворачиваюсь. Я боюсь увидеть в его глазах что-то, что нарушит мою последнюю линию обороны.

- Твоя спина. Она была такой напряженной, что я побоялся, что ты просто сломаешься пополам. У тебя плохая привычка - брать на себя весь вес мира, когда нужно просто согнуть колени.

- В гимнастике нас учили: если ты согнул колени раньше времени - ты проиграл.

- Мы не на ковре, Лера. Здесь иногда нужно упасть, чтобы остаться в живых.

Я ничего не отвечаю. Я чувствую, как в груди что-то сжимается - не сердце, нет, это просто спазм диафрагмы. Слишком много углекислого газа, слишком мало чистого кислорода. Я закрываю глаза и представляю себе идеальный букет: белый хлопок, сухая лаванда и ветки эвкалипта. Ничего живого, ничего, что требует полива или света. Только форма, которая не может увянуть. Это мой защитный экран. Моя стерильная зона.

Но за пределами этой зоны - Марк, его тяжелая рука на моем плече и призрак его брата, который тянет нас обоих на дно.

- Едем, - говорю я, открывая глаза. - У нас еще много доставок.

Город за окном начинает расплываться. Я чувствую, как моя мышечная память фиксирует этот момент: ощущение падения, которое еще не закончилось. В воздухе пахнет озоном перед грозой. В ботанике это знак, что нужно закрыть теплицы. В жизни - это знак, что пора готовиться к удару.

Я проверяю свою опору. Ступни плотно прижаты к коврику машины. Спина касается сиденья. Я здесь. Я жива. И я не позволю черной слизи поглотить то, что я так долго выстраивала по миллиметру. Даже если для этого мне придется довериться человеку, который называет меня своим активом.

Впереди маячит адрес номер семь. Это старый дом с облупившейся штукатуркой, похожий на засохшее дерево, которое все еще отказывается падать. Марк паркуется, и я вижу, как его пальцы на руле наконец расслабляются.

- Готова? - спрашивает он.

- Я всегда готова, Марк. Это вбито в меня на уровне рефлексов.

Мы выходим из машины. Ветер бьет в лицо, принося запах пыли и чужих жизней. Я поправляю воротник пальто и делаю шаг вперед. Мой центр тяжести колеблется, но я нахожу новую точку равновесия. Она странная, она смещена вправо, туда, где идет Марк. Но это единственная точка, которая сейчас кажется надежной.

Мы заходим в подъезд, и дверь за нами закрывается с тяжелым, окончательным стуком. Защитные экраны подняты. Игра продолжается. И на кону теперь не только букеты, но и то, что нельзя засушить и спрятать в гербарий - наше право на собственное прошлое, которое внезапно стало общим.

Я чувствую, как мой внутренний критик делает глубокий вдох и затихает. Наступает время действий, которые нельзя просчитать. Время хаоса, который стал нашей новой формой порядка. И в этом хаосе я начинаю видеть странную, болезненную красоту - как у растения, которое пробивается сквозь асфальт, ломая свои стебли, но все равно стремясь к свету, каким бы тусклым он ни был.

- Марк, - говорю я уже у самой двери квартиры номер семь.

- Что?

- Если мы выберемся из этого... не называй меня больше своим активом.

Он на секунду замирает, его рука висит над звонком. На его лице проскальзывает что-то похожее на тень улыбки - мимолетное, как блик на воде.

- Договорились. Будешь моим главным форс-мажором.

Он нажимает на звонок. Звук разносится по пустому коридору, и я чувствую, как во мне натягивается последняя струна. Мы здесь. Мы в игре. И назад пути нет. Только вперед, вглубь этого ботанического ада, где за каждым прекрасным цветком прячется шип или яд. Но теперь я знаю, что я не одна в этой оранжерее. И это знание дает мне больше сил, чем любая безупречная осанка.

Дверь открывается, и из темноты прихожей на нас веет запахом старых газет и увядающих хризантем. Женщина номер семь смотрит на нас глазами человека, который слишком долго ждал этого визита.

- Вы от него? - спрашивает она хриплым голосом.

- Мы от правды, - отвечает Марк, и в его голосе я впервые слышу что-то, кроме холодной логики. В нем звучит усталость человека, который тоже хочет наконец-то согнуть колени.

Я делаю шаг через порог, чувствуя, как пол под ногами слегка вибрирует. Это не страх. Это резонанс. Мы входим в зону максимальной турбулентности, и мой защитный экран из ботанических терминов наконец-то дает трещину. Сквозь нее я вижу реальный мир - некрасивый, опасный, но абсолютно живой. И в этом мире я больше не боюсь упасть. Потому что падение - это тоже движение. А движение - это жизнь.

Мы заходим внутрь, и дверь захлопывается, отрезая нас от всего, что было раньше. Теперь есть только этот момент, этот запах хризантем и тишина, которая вот-вот взорвется откровением. Я выпрямляю спину. Не для того, чтобы держать лицо. А для того, чтобы лучше видеть то, что ждет нас впереди. В конце концов, я - бывшая гимнастка. И я знаю, что самое важное в любом выступлении - это не начало, а то, как ты стоишь после того, как музыка стихла.

Я стою твердо. Мой центр тяжести на месте. Мы начинаем.

Глава 11: Код счастья

В мастерской пахнет застоявшейся водой, срезанными стеблями и едва уловимым, почти призрачным ароматом увядания, который я научилась различать раньше, чем цвета. Это запах этилена - газа, который выделяют стареющие цветы, призывая остальных последовать их примеру. Коллективный суицид в вазе. Я включаю верхний свет, и стерильная белизна плитки бьет по глазам, заставляя меня инстинктивно выровнять спину. Мои лопатки привычно сходятся к позвоночнику, фиксируя корпус. В гимнастике это называлось - держать ось. Если ось смещена на миллиметр, пируэт превращается в падение.

Марк проходит следом. Его присутствие в моем пространстве ощущается как инородное тело, как гравий в мягком субстрате. Он не суетится, не оглядывается, просто встает у рабочего стола, распределяя вес на обе стопы с той раздражающей устойчивостью, которой обладают только люди с избыточным контролем. Он похож на хорошо подстриженный тис - жесткий, предсказуемый и слегка ядовитый, если попытаться его съесть.

- Нам нужно сопоставить даты, - говорит Марк. Его голос звучит функционально, как щелчок степлера. - Письма, чеки, адреса. У тебя есть место, где можно все это разложить?

Я молча указываю на широкий верстак, где обычно собираю каскадные композиции. Сейчас он пуст. Чистая поверхность, готовая принять чужую грязь. Я достаю из-под прилавка свою коробку. Мой личный гербарий позора. Марк приподнимает бровь, глядя на папки, но ничего не говорит. Его молчание - это тоже форма давления, он просто ждет, пока я сама нарушу тишину.

Я выкладываю на стол засушенные лепестки, которые храню годами. Это не романтический мусор. Это образцы. Некоторые из них выглядят как пергамент, другие сохранили глубокий, почти черный цвет запекшейся крови. Я смотрю на них и вижу не красоту, а дефицит микроэлементов, нарушение тургора, историю болезни. Для меня каждый цветок - это график, кривая выживания.

- Что это? - Марк делает полшага к столу.

- Мой справочник состояний, - я не смотрю на него, я занята тем, что раскладываю письма Олега в хронологическом порядке. - По лепесткам можно понять, в каких условиях находилось растение перед тем, как его убили для букета. Это как кольца на деревьях. Если знать, куда смотреть, можно увидеть засуху или избыток азота. Олег всегда выбирал цветы с идеальным экстерьером, но с гнилой корневой системой. Он любил фасад.

Марк достает из своей папки список имен. Его пальцы двигаются быстро, он раскладывает листы бумаги, как бухгалтер, закрывающий квартальный отчет. В его мире все должно сходиться. Плюс на минус дает ноль. В моем мире ноль - это смерть растения, за которой следует только компост.

- Смотри, - он указывает на первую фамилию в списке. - Анна С. Два года назад. Олег отправил ей тридцать шесть букетов за три месяца. Каждый вторник.

Я вспоминаю те заказы. Гортензии. Огромные шапки, которые требуют невероятного количества воды. Если их не опрыскивать каждые два часа, они превращаются в тряпки. Анна С. была похожа на свою гортензию - бледная, с тонкими запястьями, вечно заплаканная. Она приходила в мастерскую один раз, чтобы попросить перестать присылать ей цветы. Она сказала, что от их запаха ей хочется выбраться из окна.

- Гортензия символизирует бессердечие в некоторых культурах, - замечаю я, чувствуя, как мышцы шеи каменеют от напряжения. - Но для Олега это был просто объем. Он покупал пространство, которое она занимала.

- Она была его ассистенткой в типографии, - Марк чеканит слова. - Уволилась после того, как он подставил ее под служебное расследование. Он украл ее идею макета, получил премию, а ее обвинили в халатности.

Я замираю с письмом в руках. Внутренний тренер в моей голове командует: дотяни носок, не теряй равновесие. Значит, букеты не были подарками. Это были взятки за молчание? Нет, слишком изящно для взятки. Это было что-то другое.

- Идем дальше, - Марк игнорирует мою заминку. - Елена П. Бывшая жена его бизнес-партнера. Десять доставок лилий. Самых пахучих, тех, что вызывают мигрень у половины населения планеты.

- Лилии Касабланка, - киваю я. - Мы заказывали их специально. У них такой тяжелый шлейф, что в закрытой комнате можно задохнуться.

- Олег выкупил долю ее мужа, когда тот лежал в реабилитационном центре. Оставил их практически ни с чем. Лилии начали приходить через неделю после того, как она съехала из их общего дома в однокомнатную хрущевку на окраине.

Я чувствую, как в животе завязывается узел. Это не просто список клиенток. Это список выжженной земли. Олег шел по жизни, оставляя за собой пепелище, а потом пытался засадить его декоративными кустарниками. Букеты - это не акты любви. Это акты искупления, которые никто не просил. Он пытался подкормить почву там, где сам все выжиг. Но срезанные цветы не имеют корней. Они не могут ничего исправить, они могут только красиво умереть на месте преступления.

- Это не романтика, Марк, - я выпрямляюсь и смотрю ему прямо в глаза. Мой взгляд сейчас - это холодный скальпель. - Это дезинфекция. Он пытался залить запах своей подлости дорогим парфюмом. Он не дарил радость, он покупал себе право не чувствовать вину. Каждая доставка - это платеж по кредиту доверия, который он обнулil.

Марк поджимает губы. Его челюсть движется, как будто он перемальвает камни. Он не любит иррациональное, но сейчас логика бьет его под дых. Он видел в брате хаос, который нужно ликвидировать, а я вижу в нем расчетливого ботаника, который пытался вырастить сад на кладбище.

- Он систематизировал свои грехи, - Марк берет одно из писем. - Он вел учет. Смотри, здесь на полях пометки: принято, не принято, вернули. Он отслеживал реакцию, как будто проводил клинические испытания.

Я подхожу ближе, нарушая его личное пространство. От него пахнет типографской краской и холодным кофе. Физиологически он кажется мне абсолютно здоровым организмом, но в его походке есть едва заметная асимметрия - он всегда готов к удару с левой стороны. Там, где когда-то был брат.

- Смотри на даты внимательнее, - я указываю на засушенный лепесток розы сорта Ред Наоми, прикрепленный к одному из писем. - Это было три года назад. Дефицит света. Видишь, края почернели? Это не от времени. Это прижизненный некроз тканей. Олег отправил этот букет в феврале, когда были самые сильные морозы, и сэкономил на термоупаковке. Ему было плевать, доедут ли они живыми. Ему важен был сам факт транзакции.

Марк перелистывает страницу своего блокнота. Его движения становятся резче. Он раздражен, потому что мир перестает быть черно-белым. Он хотел найти простое объяснение - брат был дураком и транжирой. А выясняется, что брат был коллекционером чужой боли.

- Третье имя, - Марк почти выплевывает слова. - Ольга В. Мать его бывшего друга. Друг погиб в аварии, когда они вместе возвращались с вечеринки. Олег был за рулем, но вышел сухим из воды. Официально - техническая неисправность.

- Белые хризантемы, - тихо говорю я. - Каждые полгода. На день рождения и на день смерти сына. Она всегда звонила и благодарила. Она думала, что он помнит.

- Он и помнил, - отрезает Марк. - Но не друга. Он помнил свой страх. Он подкармливал ее надежду, чтобы она не начала копать глубже. Это не искупление, Лера. Это страховый взнос.

Я чувствую, как пол под ногами начинает вибрировать. Нет, это не пол, это мои колени предательски дрожат. Я переношу вес на пятки, зажимая мышцы пресса. Центр тяжести должен быть неподвижен. Я не имею права сочувствовать им всем сейчас, иначе я рассыплюсь, как пересохла гортензия.

Мы работаем в тишине еще час. Шорох бумаги звучит как шелест опавших листьев в осеннем парке. Марк составляет таблицу, я идентифицирую цветы по его описаниям и своим записям. Мы превращаемся в двух патологоанатомов, вскрывающих труп чужой жизни.

- Ты никогда не задумывалась, почему он выбрал именно твою мастерскую? - Марк не поднимает головы от бумаг.

- У меня была лучшая репутация в городе. И я не задавала вопросов. Я была идеальной функцией. Для него я была просто инструментом, вроде секатора. Остро заточенная, всегда под рукой, не требующая эмоциональных затрат.

- И ты терпела это? Терпела эти анонимные заказы, этот шлейф изломанных судеб?

Я усмехаюсь. Моя ирония сейчас - это защитный слой воска на листе.

- Я профессионал, Марк. В бизнесе нет места для морализаторства, если клиент платит вовремя. К тому же, я сама тогда была в состоянии глубокого покоя. Знаешь, как луковицы тюльпанов зимой. Им нужен холод, чтобы весной дать цветок. Я думала, что моя стерильность - это моя сила. Я ошибалась. Это была просто депрессия, упакованная в дорожную обертку.

Марк наконец смотрит на меня. В его глазах нет сочувствия, там только тяжелое, свинцовое узнавание. Он тоже живет в режиме энергосбережения. Он тоже луковица, которая боится прорасти, потому что снаружи может оказаться не весна, а вечная мерзлота.

- Ты и сейчас держишь спину так, будто у тебя там стальной штырь, - замечает он. - Тебе не больно?

- Это привычка. Если расслабиться, можно потерять контроль над формой. А форма - это единственное, что у меня осталось после того, как мой предыдущий мир разлетелся на куски.

Я помню тот день. Публичное унижение, когда мой партнер по бизнесу и жизни объявил о банкротстве нашей общей мечты на благотворительном вечере, прикрываясь заботой о моих нервах. Он сделал мою слабость темой для светских сплетен. С тех пор я не позволяю себе быть слабой на людях. Даже если эти люди - циничные ликвидаторы с тяжелым взглядом.

Марк делает глубокий вдох. Я вижу, как расширяется его грудная клетка, как натягивается ткань рубашки на плечах. Он хочет что-то сказать, но привычка экономить чувства берет верх. Он просто возвращается к списку.

- Осталось последнее имя, - его голос становится тише. - Последняя доставка, которую ты должна была сделать завтра. Адресат не указан в основном договоре, только в приложении, которое я нашел в его сейфе.

Он протягивает мне тонкий листок бумаги. Я беру его, стараясь, чтобы пальцы не коснулись его руки. Нам не нужен лишний статический заряд в этой комнате.

Я читаю имя и чувствую, как у меня внутри что-то обрывается. Это не метафора. Это физическое ощущение растянутой связки, которая наконец лопнула.

- Софья Николаевна Громова, - шепчу я.

Марк молчит. Он стоит неподвижно, как гранитное изваяние. Его лицо бледнеет, становясь почти прозрачным, как лепестки белого мака под дождем.

- Это твоя мать, Марк.

Он не кивает. Он просто смотрит на строчку с адресом.

- Пять лет, - наконец говорит он. - Пять лет он отправлял ей отчеты о том, какой я неудачник, как я вычищаю его дерьмо, как я ненавижу нашу семью. А теперь он решил отправить ей цветы?

- Это не просто цветы, - я смотрю на пометку в заказе. - Он заказал эдельвейсы. Знаешь, что это значит? Они растут в недоступных местах. Чтобы их сорвать, нужно рискнуть жизнью. На языке цветов это символ мужества и преданности. Но в исполнении Олега...

- В исполнении Олега это издевка, - Марк резко разворачивается и отходит к окну. - Он знал, что она не примет ничего от меня. Он хотел, чтобы его последнее действие было актом милосердия, который выставит меня монстром. Он снова играет в святого за мой счет. Даже из могилы.

Я подхожу к нему со спины. Я чувствую исходящий от него холод, как от открытого холодильника с цветами. Его плечи, обычно такие ровные, сейчас слегка опущены. Его центр тяжести сместился. Он уязвим. И эта уязвимость притягивает меня сильнее, чем любая уверенность.

- Марк, посмотри на дату заказа.

Он не оборачивается.

- Какая разница?

- Он оформил этот заказ за три дня до аварии. И там есть приписка. "Передать лично в руки от имени того, кто остался".

Марк резко оборачивается. Его лицо искажено гримасой, которую я не могу расшифровать. Это смесь ярости, боли и чего-то еще, похожего на запоздалое осознание.

- От имени того, кто остался? - он переспрашивает охрипшим голосом. - Он имел в виду себя?

- Или тебя, - я делаю шаг вперед. - Он знал, что его время истекает. Может, он не был таким уж расчетливым гадом. Может, он просто был смертельно болен своим собственным хаосом и пытался построить мост, по которому ты сможешь пройти.

- Мосты не строят из сорванных цветов, Лера. Они засыхают через три дня.

- Но их запах остается в памяти на годы.

Я смотрю на его руки. Крупные, с короткими ногтями, привыкшие к тяжелой работе, а не к нежности. Сейчас они сжаты в кулаки так сильно, что костяшки побелели. Я знаю это состояние. Это момент перед прыжком, когда ты уже не можешь стоять на месте, но еще боишься сорваться.

- Я не поеду к ней, - говорит он, глядя куда-то мимо меня. - Я не могу. После всего, что он ей наговорил... после того, как я молчал пять лет, думая, что защищаю ее.

- Ты защищал ее от правды, которая могла ее убить. Но ложь убивает медленнее и мучительнее. Она как грибок на корнях - снаружи растение кажется зеленым, а внутри уже труха.

Марк делает шаг ко мне. Теперь между нами меньше тридцати сантиметров. Это зона интимности, в которую я никого не пускала годами. Я чувствую его дыхание на своем лбу. Оно неровное, прерывистое. Его блок разваливается на глазах.

- Почему ты это делаешь? - спрашивает он. - Почему ты помогаешь мне, если я пришел, чтобы закрыть твой бизнес? Чтобы лишить тебя всего, что ты построила?

- Потому что я вижу в тебе то же самое, что вижу в своих лучших композициях, - я не отвожу взгляда. - Потенциал к росту сквозь бетон. Ты пытаешься быть логичным, Марк, но ты весь состоишь из противоречий. Ты ненавидишь брата, но продолжаешь выполнять его волю. Ты боишься чувств, но твои глаза сейчас кричат о них громче, чем любая гортензия.

Он протягивает руку, и на мгновение мне кажется, что он коснется моего лица. Мои мышцы напрягаются, готовясь к контакту. Я чувствую тепло, исходящее от его ладони. Это физиологическая реакция - расширение сосудов, приток крови к коже. Никакой магии, просто биология. Но эта биология сейчас кажется мне важнее всех ботанических терминов мира.

Но он не касается меня. Он берет со стола листок с именем матери и аккуратно складывает его вчетверо.

- Завтра, - говорит он. - Завтра мы отвезем эти чертовы эдельвейсы. Вместе.

- У меня нет эдельвейсов в наличии, Марк. Их нужно заказывать заранее, их везут из специальных питомников в Альпах.

- Достань их. Мне плевать на цену. Используй все свои связи. Если нужно, я сам полечу за ними сегодня ночью.

Его голос снова обрел ту стальную твердость, которая меня так раздражала в начале. Но теперь в ней слышится не высокомерие, а отчаяние человека, который нашел последнюю зацепку над пропастью.

- Я достану их, - обещаю я. - Но тебе придется держать вазу. У них очень хрупкие стебли. Если их сжать слишком сильно, они погибнут.

Марк кивает. Его взгляд смягчается на долю секунды, и в этой короткой паузе я вижу того мальчика, которым он был до того, как стал ликвидатором последствий. Того, кто тоже хотел быть любимым просто так, а не за то, что он хорошо убирает мусор.

Я отворачиваюсь к верстаку, чтобы скрыть свое замешательство. Мне нужно работать. Мне нужно найти способ совершить невозможное - достать альпийские цветы в середине недели за двенадцать часов. Это мой способ справляться с хаосом. Моя дисциплина.

- Иди домой, Марк, - говорю я, не оборачиваясь. - Тебе нужно выспаться. Завтра будет тяжелый день для твоего центра тяжести.

Я слышу его шаги. Он уходит, и дверь мастерской закрывается с тихим щелчком. Воздух в комнате мгновенно становится разреженным, как в горах. Я стою у стола, глядя на засушенные лепестки, и вдруг понимаю, что код счастья, который я пыталась дешифровать все эти годы, не имеет никакого отношения к цветам.

Он имеет отношение к тому, кто стоит рядом с тобой, когда твой сад замерзает.

Я достаю телефон и начинаю обзвон поставщиков. Мой голос звучит уверенно и сухо. Я - профессионал. Я - бывшая гимнастка. Я знаю, как делать невозможное, когда на тебя смотрят тысячи глаз. Но сейчас на меня смотрит только пустота мастерской и призрачная тень Олега, который, кажется, наконец-то добился того, чего хотел.

Он заставил нас увидеть друг друга.

К полуночи я нахожу поставщика в Голландии, у которого есть партия эдельвейсов для выставки. Они готовы отправить их утренним рейсом, если я заплачу тройную цену. Я соглашаюсь, не задумываясь. Деньги Олега наконец-то пойдут на что-то действительно важное - на попытку склеить разбитое зеркало.

Я ложусь спать прямо здесь, в мастерской, на небольшом диване в подсобке. Мне снится бревно. Бесконечно длинное, узкое бревно, висящее над бездной. Я иду по нему, и мои стопы идеально чувствуют поверхность. Я не боюсь упасть. Потому что где-то там, в конце, стоит Марк и держит в руках букет цветов, которые не умирают.

Когда я просыпаюсь от звука подъезжающей машины доставки, за окном еще серые сумерки. Воздух холодный и свежий. Я принимаю коробку, чувствуя, как через картон просачивается холод хладагентов. Эдельвейсы. Они выглядят как маленькие звезды, упавшие в снег. Они не красивые в классическом смысле - они странные, ворсистые, похожие на кошачьи лапки. Но в их скромности есть такая сила, что у меня на мгновение перехватывает дыхание. Нет, это просто спазм межреберных мышц от утренней прохлады. Ничего больше.

Марк приезжает ровно в восемь. Он выглядит так, будто не спал всю ночь. Его глаза воспалены, а на подбородке виднеется легкая щетина. Он одет в темное пальто, которое делает его еще более монументальным.

- Достала? - спрашивает он вместо приветствия.

Я молча показываю ему букет. Я собрала его в простую, лаконичную композицию, обернув стебли грубой мешковиной и перевязав кожаным шнуром. Никакого целлофана, никакой лишней мишуры. Только голая суть.

Марк берет букет. Его пальцы касаются ворсистых лепестков с такой осторожностью, будто это заряженная бомба.

- Они похожи на плесень, - говорит он со своей обычной иронией, но в его голосе нет яда.

- Это ворс, который защищает их от ультрафиолета и холода, - поясняю я, надевая куртку.

- Это их броня. Как и твоя циничность, Марк.

Он ничего не отвечает. Мы выходим из мастерской. Город только начинает просыпаться, залитый тусклым светом осеннего солнца. Мы садимся в его машину, и запах эдельвейсов заполняет салон. Это запах чистоты и высоты, в которой нет места лжи.

Пока мы едем к его матери, я наблюдаю за тем, как он ведет машину. Его хватка на руле жесткая, но движения плавные. Он распределяет усилия так же точно, как я распределяю вес при соскоке. Мы оба - заложники своей подготовки. Мы оба боимся совершить ошибку в финальном упражнении.

- Она живет в старом районе, - говорит Марк через полчаса. - Там, где деревья выше домов. Она всегда говорила, что не может дышать там, где нет тени.

- Хорошая стратегия выживания для теневыносливых растений, - замечаю я. - Но людям иногда нужен прямой солнечный свет, чтобы не развился хлороз души.

- У нее нет хлороза. У нее есть я, который был слишком занят тем, что стыдился своего брата, чтобы просто прийти и обнять ее.

Мы останавливаемся у кирпичной пятиэтажки, утопающей в зарослях дикого винограда. Листья винограда уже покраснели, они выглядят как капли крови на сером фоне стен. Это красиво и жутко одновременно. Природа не знает жалости, она знает только циклы.

Марк глушит мотор, но не выходит. Он смотрит на букет в своих руках.

- Лера, - он впервые называет меня по имени без того налета официальности, который был между нами все эти дни. - Если я сейчас сломаюсь, ты... ты просто держи спину за нас обоих, ладно?

Я смотрю на него и чувствую, как мой защитный экран из ботанических терминов рассыпается в прах. У меня нет для него метафоры. Есть только живой человек, которому страшно. И этот страх делает его в моих глазах бесконечно прекрасным.

- Я справлюсь, Марк. У меня хорошая мышечная память на такие случаи.

Мы выходим из машины и идем к подъезду. Мой шаг уверенный, стопа плотно прилегает к асфальту. Центр тяжести на месте. Мы входим в зону максимальной турбулентности. И в этот раз я знаю, что падение не будет концом. Оно будет началом чего-то, что невозможно засушить и спрятать в папку.

Мы поднимаемся на третий этаж. Запах старого дерева и домашней еды смешивается с запахом эдельвейсов. Марк нажимает на кнопку звонка. Звук кажется оглушительным в тишине подъезда.

Дверь открывается не сразу. Сначала мы слышим шаги - медленные, шаркающие. Потом щелкает замок. На пороге стоит женщина с седыми волосами, собранными в небрежный узел. У нее глаза Марка - те же глубокие колодцы, в которых спрятана вся печаль мира.

Она смотрит на сына, потом на цветы, потом снова на сына. Ее лицо остается неподвижным, но я вижу, как дрожат ее руки, прижатые к груди.

- Марк? - ее голос едва слышен.

- Мама, - он делает шаг вперед и протягивает ей букет. - Это от Олега. И от меня. От тех, кто остался.

Я стою чуть позади, чувствуя, как прохладный воздух из квартиры касается моего лица. В этот момент я понимаю, что мой контракт с Олегом выполнен. Последняя доставка доставлена. Но мой личный контракт с реальностью только начинается.

Я смотрю, как Софья Николаевна берет цветы. Она не плачет. Она просто вдыхает их аромат, закрыв глаза. И в этом жесте столько принятия, сколько я не видела ни в одном самом дорогом букете.

Марк оборачивается ко мне. В его взгляде больше нет льда. Там есть только усталость и странное, почти пугающее облегчение. Он протягивает мне свободную руку. Я медленно, преодолевая сопротивление собственной памяти, вкладываю свою ладонь в его.

Его кожа теплая и живая. Это не гербарий. Это не засушенный лепесток. Это момент, здесь и сейчас.

- Спасибо, - говорит он одними губами.

Я киваю. Мы заходим в квартиру, и дверь за нами закрывается. Тишина, которая вот-вот взорвется откровением, больше не пугает меня. Потому что я знаю: даже если мы все сломаемся, у нас останется этот код. Код счастья, который заключается не в отсутствии боли, а в смелости чувствовать ее вместе с кем-то другим.

Я выпрямляю спину. Не для того, чтобы держать лицо. А для того, чтобы лучше чувствовать тепло его руки. В конце концов, я - бывшая гимнастка. И я знаю, что самое важное - это не то, как ты стоишь в начале, а то, как ты идешь дальше, когда музыка наконец-то зазвучала в полную силу.

Глава 12: Семейный ужин

Запах лилий в закрытом салоне автомобиля - это не аромат, это физическая агрессия. Лилиум лонгифлорум не умеет быть фоном. Они заполняют собой все пространство, вытесняя кислород, как наглая сорная трава вытесняет нежную фиалку из горшка. Я сижу на пассажирском сиденье, чувствуя, как этот приторный, восковой дух оседает на моих слизистых, и пытаюсь дышать мелко, поверхностно. В гимнастике нас учили: если легким не хватает места, расширяй ребра, а не живот. Я расширяю ребра. Марк держит руль так, будто это рычаг катапульты, которую он боится случайно привести в действие. Его костяшки побелели, и я вижу, как на его предплечье дергается жилка. У него классический гипертонус мышц, реакция на стресс, которую не скроешь за дорогим пиджаком.

- Ты можешь их выкинуть, - говорит он, не поворачивая головы. Голос сухой, как пересушенный торфяной субстрат. - Прямо сейчас. В окно.

- Это заказ, Марк, - я поправляю упаковочную бумагу. Она шуршит слишком громко в этой тишине. - Ты сам сказал, что мы должны довести это до конца. Твоя мать ждет эти цветы. Точнее, она ждет того, кто их прислал.

- Она ждет призрака, - отрезает он. - А получит нас. Сомнительный обмен.

Я смотрю на его профиль. Марк сейчас напоминает мне растение, которое слишком долго держали в темноте, а потом резко выставили под прямые солнечные лучи. Он пытается казаться жестким, но я вижу, как нарушен его тургор. Внутренняя опора, та самая вертикаль, которую он так тщательно выстраивал, пошла трещинами. Я, как бывшая гимнастка, чувствую этот перекосяк. Когда у тебя смещен центр тяжести, ты не можешь идти ровно, ты всегда немного заваливаешься на один бок, даже если со стороны кажешься статуй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.